

Олег Ковальчук
Евгений Шалашов

РАТНИК-2
ВОЗВЫШЕНИЕ СОКОЛА

Возвышение сокола

Евгений Шалашов

Ратник 2

«Олег Ковальчук»

«автор»

2024

Шалашов Е. В.

Ратник 2 / Е. В. Шалашов — «Олег Ковальчук», «автор»,
2024 — (Возвышение сокола)

Студент, будущий инженер-строитель, копал у бабушки погреб и умудрился выкопать древнюю постройку. Там он обнаружил скелет колдуна, который передал ему свою силу. Но боги, узнав об этом, отправили его в далёкое прошлое, потому что этот мир изменился и в нём больше нет магии. И что делать молодому парню с разрядом по боксу посреди средневекового общества. Пути назад нет, придется обживаться здесь. Наш человек не пропадёт нигде. Что ему магия, лесные духи, правители и князья?

© Шалашов Е. В., 2024

© Олег Ковальчук, 2024

© автор, 2024

Содержание

Глава 1. На пепелище	5
Глава 2. Засада	10
Глава 3. Допрос пленного	15
Глава 4. Помощь высших сил	20
Глава 5. Тайные тропы лешего	24
Глава 6. Неожиданность	28
Глава 7. Военный совет	32
Глава 8. Рыба – спаситель человечества	37
Глава 9. Разведка	42
Глава 10. Бег по пересеченной местности	49
Глава 11. Лесная красавица	54
Глава 12. Сестрица колдуна	58
Глава 13. Первостепенные задачи	63
Глава 14. Честь или польза?	69
Глава 15. Долги и намерения	73
Глава 16. В бой!	77
Глава 17. Схватка	81
Глава 18. Суд во имя Перуна	86
Глава 19. Победитель	90
Глава 20. Похищение	94
Глава 21. Новая напасть	99
Глава 22. Торговля и торговцы	104
Глава 23. Таможня даёт добро	109
Глава 24. Праздник богини вод	113
Глава 25. Хорошие знамения	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Евгений Шалашов, Олег Ковальчук

Ратник 2

Глава 1. На пепелище

Ратники Клёста сумели не только сами выбраться из начавшего полыхать дома, но успели вытащить из него оружие и доспехи. Без них и дружинник не дружинник.

Раньше Ярослав только слышал, да читал о том, что пожар – самое страшное, что может случиться. А вот теперь он это мог видеть сам. Языки красного пламени сжигали стены, простоявшие лет сто, а может и двести, а подбежать ближе и затушить огонь, не позволяет невыносимый жар. Вода, которую дружинники черпали из ближайшего колодца, пытаясь залить пламя, испарялась, не долетая до огня. Да и долго это – черпать из колодца.

Но, как водится, на помощь прибежали соседи. Горожане выстраивались в цепочки и к колодцам, и к ручью, что протекал неподалеку, передавали друг другу ведра с водой, заливая огонь. А из конюшни, в первую очередь, выпустили коней, а чтобы те не сошли с ума от страха, накидывали им на головы попоны и отводили в безопасное место. Конь, особенно боевой – ценность побольше, нежели какая-то изба. Избу, с помощью друзей и соседей, можно поставить за день или за два, а вот вырастить скакуна – дело долгое.

Воеводский дом тушить уже было бесполезно, поэтому принялись отбивать у огня хоть какие-то постройки, чтобы пламя не перекинулось на сараи и баню, а от них – и на весь город.

Несколько крепких мужчин, вооружившись длинными баграми, подождав, пока прогорят углы, сумели завалить горящие бревна внутрь. Судя по тому, как они ловко все сделали, это было им не в новинку. Ярослав даже подумал, что это какая-нибудь здешняя пожарная команда. Эх, сюда бы еще брандспойт! Но где же его взять-то?

Спасибо соседям, что вовремя прибежали. Сгорел только дом, а все остальное удалось отстоять.

Впопыхах, пока тушили пожар, было не до поджигателей. Ну да, ночью, как только дружинникам удалось выскочить, кого-то ловили, но в суматохе злодеям удалось сбежать, хоть и не всем. Двоих удалось застичь на месте преступления и, как водится, тут же их и казнили. И непонятно – кто же убил поджигателей? Может, дружинники, а может и сами горожане, потому что с поджигателями во все времена творили суд скорый и справедливый – казнили прямо на месте.

Теперь два мертвеца, залитые кровью, лежали в сторонке, а какая-то сердобольная душа прикрыла их обезображенные лица рогожей. Но даже обезображенных их узнали и горожане, и ратники Клёста. Да никто и не сомневался, что ими оказались воины из дружины Врабия.

Кто-то из ратников Клёста, плюнул в сердцах в сторону мертвецов, высказав общее мнение:

– Ратники должны мирных людей защищать. А эти весь град пожечь хотели. И кто же они после этого? А воевода-то их?

Удивительно, что горожане не побежали громить подворье Врабия. Вот тут бы их не смогли остановить ни Клест, и не их городские старосты. Или, кто там управлять должен? Вот, случись такое в исторической реальности Ярослава, народ бы точно побежал расправляться с поджигателями. Но жители Бранска, убедившись, что пожар потушен, а воевода со своими людьми живы, разошлись по своим дворам. А может и помчались бы творить скорый суд и расправу, но тут появилась городовая стража. Как раз те мужики, что заваливали баграми горящий дом. Стража очень быстро навела порядок. Но ратникам Клёста было не до

того. Когда дым улегся, а в воздухе запахло мокрыми углями, (как это бывает, если потушен костер), дружинники принялись смывать с себя сажу и копать.

Ярослав вдруг увидел странного старика. Вроде бы – и человек, и не человек. Ростом старичок едва достигал до колена взрослому мужчине, зато он был весь волосатый и бородатый, напоминающий скорее меховую игрушку. А глазки маленькие, сам весь черный, кроме бороды. Вот, борода была белоснежной.

Старик стоял у затухшего кострища и горько плакал, а те, кто проходил мимо, не замечали ни его самого, ни его слез. А рыдал дед в голос.

Ярослав вспомнил, что он уже слышал эти рыдания, и слышал этот голос:

Кажется, точно так же плакал дом, в тот момент, когда Ярослав стал его чувствовать.

Может это домовой? Домовых парень видел лишь в мультфильмах. Дед не походил ни на домовенка Кузю, ни на его старшего друга Нафаню, но что-то у них было общее. Наверное, именно то, что напоминало «ненатуральность».

Бабушка ему о таких рассказывала. Конечно, он это все считал сказкой, однако также он и леших считал выдумкой. А вот, мало того, что не выдумка, так еще и шишками бросается и его магии обучает.

Ярик подошёл к старичку, положил руку ему на плечо, и попытался утешить:

– Не плачь дедушка, отстроят тебе новый дом, лучше прежнего.

– Да много ты понимаешь, мелочь долговязая, я в этом доме уже невесть сколько зим живу, – огрызнулся старик, размазывая слезы по бороде. – Я ведь сроднился с ним! Каждый сучок, каждый гвоздик знаком! Да я все половицы скрипучие наперечет знаю. А печка? Куда же я теперь без печки-то?

Ярославу, чтобы приобнять домового, пришлось встать на колени. Прижав к себе старика как маленького ребенка, поглаживал его по спине, а тот продолжал причитать:

– Как же я без дома-то буду? Куда годится, чтобы Доброжил между дворами скитался? Мне что, в овинники подаваться или в каком сарае век коротать?

– Ну-ну, будет тебе, – успокаивал парень старичка. – Говорю же тебе – новый тебе дом построят.

– Так когда это еще будет?

– А ты с нами езжай, – пригласил Ярослав домового. – Поживешь пока в Клёстове, а как дом построят – переберешься.

– Куда в село? – вскинулся домовый. – Так там везде свои домовые. Прогнать-то меня не прогонят, найдут местечко. Но я уже не хозяином буду, а приживалом. И щипать меня станут, и обижать. А коли хозяйка пирожок испечет, так мне лишь объедки оставят.

– Так как тут быть? – озадачился парень, переживая за старика.

– А как быть? – поднял голову домовый, перестав плакать. – Дом оплачу, а потом в баньку пойду, на житье проситься. Все-таки, баннушко здесь свой, знакомый. Я с ним постоянно болтаю. Авось, не выгонит. А в село нет, не поеду. Здесь, в Бранске, у меня и знакомцы, не дадут пропасть.

– Ну вот, уже хорошо, – кивнул Ярослав.

– Агу, – согласился домовый. Окончательно успокоившись, старичок сказал: – ты, парень, смотри. Когда новый дом тут отстроят, не забудьте меня позвать. А иначе сюда чужой домовый придет. Или какой доброжил сам по себе заведется, молодой. А молодежь стариков не уважает.

Ярослав знать не знал, что домовые откуда-то «заходятся», но с другой стороны – появляется же домовый в новом доме? А как появляется, никто не знает.

– А как тебя пригласить? – поинтересовался парень.

– Эх, до чего же молодежь бестолковая растет. Ничего же не понимает, – посетовал старичок, но подсказал: – Как новый дом поставят, возьми угольков со старого, а потом скажешь: «Дедушка-домовой, приди, да хозяйствуй!» Угольки под печку бросьте, тут я и явлюсь.

Понял? А если дом в другом месте поставят, то надобно к телеге лапоть или постол привязать. Я сам в него сяду. Не забудешь?

– Не забуду, – пообещал Ярослав, хотя и не был уверен – окажется ли он в Бранске, когда станут строить новый дом? Ну да скажет кому-нибудь, чтобы дедушку не забыли.

– Ты с кем это тут болтаешь? – услышал Ярослав голос Татеня. – Сам с собой, что ли?

Старый дружинник был занят делом – внимательно осматривал доспехи и щит, проверяя – не пострадали ли?

А домовый-то пропал. Словно и не плакал.

– Не знаю, поверишь ты или нет, но был тут дедушка, маленького росточка... – принялся объяснять Ярослав, но Татень его прервал: – Так домой жалиться приходил? Ну, дом-то сгорел, так надо было ему сказать, что новый отстроят. Утешил бы старика. Воевода распорядится, доброжил без жилья не останется.

Кажется, Татень несколько не удивился, что молодой дружинник увидел домового и продолжил речь:

– Вот как осень наступит, народ хлеб уберёт, так прийдёт сюда воевода людей. А про то, что угольки надо под печку кинуть, про это все знают. – Увидев проходившего мимо хмурого воеводу, Татень его окликнул: – Слышь, воевода. Младший-то наш дружинник домового видел. Говорит – плачет дед, убивается. Сам будешь дом строить или уже Креню придется?

Клест посмотрел на Татеня мрачным взглядом, перевел взгляд на пепелище. Собрался что-то сказать, но тут подбежал дед Серпень:

– А я ведь что понял-то, Клестушка! – торопливо заговорил старик. – Не надо нам по сгоревшему двору убиваться. Я ж сам хотел пореветь, но не стал. Это ведь нам сам Перун знак подает! Перун – он же молнии швыряет, но если небо чистое, так может и так знак подать. Старый дом у тебя сгорел, так теперь у тебя новый дом будет, княжеский.

Клест на эти слова только отмахнулся, приказал погрузить мертвецов на телегу, кивнул Ярославу и Татеню – мол, вы со мной. И, как есть – в грязной, а кое-где подпаленной одежде, пошел в сторону Княжеского дома советов. Ярослав с Татенем, переглянувшись, посетовали мысленно, что им и переодеться не во что, пошли следом.

На пороге дома Советов их ждал Кракша. Ночью воевода, как и все прочие, тоже прибежал на пожарище со своими людьми, но убедившись, что Клест и его люди живы-здоровы, ушел, чтобы не создавать ненужную толкучку.

Кракша прошел внутрь, а Клест со своими дружинниками шагнул следом. Прямо с порога он заявил:

– Ну где ты, Вrabий? Хотел суд божий? Я готов.

Но Вrabия и его дружинников внутри не оказалось, а Лис, выставив свою хитрую морду, захохотал:

– А с кем ты судиться то собрался? Так Вrabий, он еще ночью по важным делам удрал! Его уже городская стража ловить пыталась.

– Видать, сбежал гад, как только пожар начался. Узнал от своих людей, что затея не удалась, – высказал предположение Беляй.

Сторонники Клеста переглядывались с довольным видом, а сторонники Вrabия были мрачны.

– Ну что, воевода Вран, – обратился Клест к старому воеводе.

– Нужен тебе такой зять? Хочешь для дочки такого мужа? Чтобы и поджигатель был, да и трус?

– Так может, Вrabий-то не при чем? – поинтересовался Стрежень. Но поинтересовался робко, для вида.

– А как не при чем-то? – поднял голову Замайло. – Я мертвецов видел. Оба из дружины Вrabия.

– Стрежень, я покойников сюда привез, – сказал Клест. – Не веришь – выйди да посмотри.

– Я что, должен всех чужих ратников в лицо знать? – огрызнулся Стрежень.

– Ну, знать ты не должен, только скажи тогда – отчего воевода Врабий сбежал? – встрял в разговор Лис. – И отчего его городская стража словить хотела?

– Обнагдела стража, – заявил Стрежень. – С чего это она воеводу схватить хотела?

– А с того, что городская стража за порядок в городе отвечает, – пояснил Замайло. – Еще немного, и старейшины нас из города выставят. Мне уже с утра сказали – мол, в дразги воеводские мы не лезем, но если какой непорядок в городе – то выгоним вон. Князя пока нет, а без князя городская старшина сама по себе.

– Ладно, братья-воеводы, нам о другом надо думать, – сказал Вран. Подняв голову, старый воевода сказал: – Нас семеро, одного нет, но по закону, мы все должны князя выбрать. А то, что Врабий трус и поджигатель, тут дела не меняет. Должно быть восемь воевод – и точка. Вот, если бы Клест на божием суде Врабия победил, тогда другое дело. Тогда бы его голос Клесту отошел. А коли Врабия нет, так и разговора не будет.

Ярослав слушал и только изумлялся. Получается, чтобы не состоялись выборы, тот же Лис мог просто не явиться на съезд воевод? Демократия, блин.

– Еще я тебе так скажу, – продолжил Вран. – Ты к дочке моей после Врабия сватался, я тебе отказал. И сейчас откажу. Слово мое перед Перуном и Ярилой дадено. Если бы Врабий был здесь, я бы мог прямо при нем от своего слова отказаться. Но его нет, а за спиной нехорошо непотребное творить. Все, что я могу сделать, так это свадьбу не до снегов отложить, а на весь год. И пусть воеводы Врабий и Клест сами решат – кто из них князем станет.

– А с княжеством-то что будет? – недоуменно спросил Клест. – И что, вы по-прежнему такого князя хотите, как Врабий? И получите вы князя подлого да трусливого?

– А как по мне, так нам и совсем князь не нужен, – заявил Лис. Посмотрев на присутствующих, ухмыльнулся: – Да нам, братья-воеводы, и без князя хорошо. Я раньше при всех не говорил, а теперь скажу, не нужен нам никакой князь.

Закряхтев, словно старик, встал Стрежень:

– Ты, Клест, все верно сказал. Подлый и трусливый князь нам не нужен. Но я ведь всей душой во Врабия верил. А он, вот оно как... И поджигателей к тебе прислал, и на суд божий не пришел. Но я ведь что скажу... Врабий – он подлый. Но кто знает, каким ты князем станешь? Может, и на самом деле без князя лучше?

В зале для совещаний установилась тишина. Кажется, уже и сторонники Клеста задумались – а не стоит ли жить по-прежнему, каждый сам по себе? Десять лет жили, совсем не худо было. Каждый у себя хозяин. А враг? Так придет ли враг, нет ли, кто знает? Вот коли придет, тогда и думать надо.

Со своего места опять поднялся старый Вран:

– Вот как я думаю братья-воеводы. Князь нам все-таки нужен. Врабий нам показал, что он и подл, и хитер. Но он, все равно наш брат, брат-воевода. И его со счетов его скидывать нельзя. Я думаю, что Клест и Врабий сами должны спор свой решить. Кто из них победит – тот и князем станет. А еще – я победителю свою дочку в жены отдам, да и моя дружина вступится за моего зятя.

В горнице повисло молчание.

– Так это сколько крови прольется! – воскликнул Клест. – Я же один в земли Врабия не пойду, а с дружиной. А ратники Врабия тоже смирно сидеть не станут.

– Значит, так тому и быть, – твердо сказал Вран, выражая общее мнение. – Пойдешь ты войной на Врабия, значит, это Перуну угодно. А за победителя и боги встанут. Ты как, Стрежень?

– Клятву дать надо, – сказал Стрежень. – Клятву дать, что война между Врабием и Клестом – это и есть суд божий, а мы все победителя князем признаем. Суд божий покажет, кому

быть князем. Но мы все должны поклясться, что ни один из нас, и ни один наш дружинник не станет помогать ни Врабию ни Клёсту.

Вран и Стрежень, а следом за ними и Лис, встали и вытащили из ножен мечи. Их примеру последовали и остальные.

Поцеловав клинок, каждый из воевод произнес клятву: «Ни я, ни дружина моя в суд божий не вмешается. Перуном клянусь! И пусть моя клятва будет тверда!»

Вот, на том совещание и закончилось.

Покойников отдали городской страже. Те молча ухватили трупы поджигателей и куда-то их унесли. Похоронят ли каждого или просто скинут трупы куда-нибудь на свалку, никого не интересовало. Как сказал Серпень, не заслужили мерзавцы отдельных могил. Теперь их душам не суждено отправиться к предкам, а станут они мыкаться по темным чащобам, да болотам.

На обратном пути Клеста и Ярослава с Татенем провожал Беляй. Воевода сказал:

– Клест, я распорядился, чтобы тебе на подворье лишнюю одежду принесли. Там еще и Кракша тебе прислал, да и прочие воеводы расстарались. Куда годится воеводе в грязной да прожженной рубахе ходить? Еще велел тебе крупу подвести, мясо да хлеба свежего. У тебя, чай, все припасы сгорели? Вот, тоже поделимся.

– Спасибо, – невесело поблагодарил воевода Клест, а потом, обернувшись к другу, спросил: – Вот скажи-ка мне, брат мой, отчего же так? Ведь ясно же, что Врабий подлец, так почему они его поддерживают?

– А ты думал, что как Врабий свое гнилое нутро покажет, так тебе ко княжескому столу дорожку постелят? – усмехнулся Беляй. – А может, им-то как раз такой князь и нужен? Думаешь, если ты честный да храбрый, так это и хорошо? С честными-то договориться труднее. Так что, брат-воевода, езжай домой и дружину свою собирай. Мы с Кракшей людьми помочь тебе не сможем, клятву давали, но ты и сам справишься. Правда, у Врабия дружина больше твоей – четыре дюжины, но двух ратников уже нет.

Глава 2. Засада

Обратно двинулись утром следующего дня. Заночевали прямо в подворье. Благо сохранились сараи, да конюшни. По-быстрому собрали всё необходимое, а под необходимым подразумевалось абсолютно всё, что сохранилось в постройках. Ведь оставлять добро без присмотра было нельзя, а хранить его в Бранске было попусту негде. У Серпеня были какие-то знакомые в городе, но он сам сказал, что лучше уж с собой прихватить, нам не убудет. Опять же, коням давно нужна прогулка.

В итоге отряд увеличился на одного человека. Было принято решение брать Серпеня с собой, не оставлять же его на пепелище, а допустить старику быть приживалкой в чужих домах, Клётс позволить себе не мог.

Ехали четырьмя телегами, две из которых удалось спасти из горящей избы. В них и везли спасённое добро. Выехали из Бранска ещё до полудня и довольно долго шагали по пустому пространству. Хотя Ярослав отметил, что слишком уж быстро этот пустырь перерос в густой лес.

Ярослава удивило, что до сих пор вокруг Бранска удалось сохранить лес в таком количестве. Хотя ведь положено бы, чтобы все деревья в округе были подчистую вырублены на день пути, не меньше. Ведь и город растёт, нужно и дома строить, и печи топить, да и много для чего может понадобиться древесина в русских сёлах.

Ярослав вертел эту мысль так и этак, потом пришёл к мнению, что скорее всего лес активно вырубается с другой стороны, которую он не успел изучить. Но так и отмахнулся от этих мыслей. По крайней мере, это не то, о чем следовало думать.

Дорогу Ярослав прекрасно помнил. И, как учил его давешний охотник, что показывал парню, как охотиться и считать следы, Соколов вспоминал обратный маршрут со всеми деталями, которые ему удалось подметить.

И тут Ярослава едва не прошиб холодный пот. Он кое-что вспомнил. На пути уже через пару часов должен будет появиться довольно массивный холм. Почему он о нём подумал? А ещё Татень говорил, что хорошее место здесь для разбойничьей засады. Мол, на них, витязей, вряд ли какая погань сунется. А вот на простых селян или купцов запросто. И надо бы, когда князь появится, попросить, чтобы этот холм срыли, чтобы не создавать столь опасную ситуацию для простых людей.

И у Ярослава эта мысль не выходила из головы. Ведь засаду могут устроить не только разбойники, и не только на простых мужиков или купцов, а и на потенциального князя с немногочисленной охраной. А учитывая ситуацию, которая произошла в Бранске, лучше быть параноиком, чем трупом.

Ярослав ускорил ход своего мерина и догнал воеводу, что шёл впереди отряда.

– Слушай, Клётс, – окликнул его Ярослав, – у меня очень нехорошее предчувствие.

– Что за предчувствие? – искоса глянул Клётс на своего юного советника.

– Там впереди часа через два будет холм. И там очень удобно засаду устроить, – произнёс Ярослав.

– И зачем нам устраивать засаду? Да и на кого? Здесь все свои.

– Да не нам засаду устраивать, а на нас могут устроить засаду, – пояснил Ярослав.

– Думаешь, Вrabий на такое решится? – поднял брови Клётс.

– Я не очень хорошо знаю Вrabия, но это был бы очень разумный ход. А если он подготовился и взял с собой побольше воинов, то по-тихому убрать тебя и решить все свои проблемы будет лучше всего. Уверен, он уже знает о решении совета, или заранее побеспокоился о таком исходе.

– Я не думаю, – покачал головой Клётс. – Думаю, Вrabий сейчас спешно, будто воробушек летит, сверкая пятками, и войска свои собирает. Но... – Клётс оглядел свои войска. –

А ну, бойцы, становись! – скомандовал он. – Надо нам в доспехи облачиться, да подготовиться к возможному бою, – произнёс он.

(Перед поездкой из Бранска они решили не надевать броню, так как серьёзно умаялись ночью, пока тушили пожар. Решили дать себе отдых. И, судя по всему, надеялись, что до дома доберутся налегке. А тут, похоже, планам их было не суждено сбыться).

Дружинники, которые заметили, как Ярослав пытался нагнать воеводу, хмуро посмотрели сначала на предводителя, потом перевели гневные взгляды и на Ярослава, но спорить не стали. Остановили обоз, разобрали снаряжение и облачились в доспехи. Щиты тоже надели. (Татень даже взял свой лук). И даже копыя взяли наизготовку. Ярослав, под взглядами воинов, чувствовал себя до крайности некомфортно. Татень его нагнал и негромко шепнул:

– Если врага не встретим, я тебе копьём по хребтине заеду, – пообещал он.

На что Ярослав спокойно ответил:

– Всё же плохой из тебя советник, Татень, хоть и изображаешь ты его весьма знатно.

Старый воин, видимо, не понял шутки Ярослава, однако отъехал, хмуясь и что-то ворча себе под нос.

Клёст же, который ехал позади и слышал их разговор, громко объяснил:

– Если врага никакого не встретим, будем вместе радоваться. А коли встретим, будем жизнями обязаны этому парню. Всем ясно? – оглядел он своих воинов.

– Да, воевода.

И стоило воинам откликнуться, как вдруг Ярослав заметил в небе что-то стремительное – красную птицу, что летела по ходу их движения.

– Похоже, всё-таки встретим, – сказал воевода, указывая вперёд.

– Гамаюн! – воскликнули дружинники, показывая пальцами в сторону птицы.

– Красный! Это опасность впереди!

– Ну а я о чём? – хмыкнул Ярослав.

К холму подходили будто к вражеской крепости. Ожидали нападения в любой момент. Но пока что всё было тихо.

Ярослав же не расслаблялся. Лучший способ застать врасплох воинов – зайти к ним за спину. И, будь он там в засаде, он бы подождал, пока воины отъедут чуть-чуть подальше, и тогда бы ударил им в спину.

Когда они почти проехали холм, с Ярославом поравнялся Татень, который любовно похлопал своё копье.

– Ну, парень, я тебе обещал, – произнёс он.

– Не трогай Ярика, – прошипел другой дружинник, ехавший по левую сторону от Ярослава. Тому Клёст приказал охранять Соколова и не давать ему подставляться. – Гамаюна тоже наказывать будешь? Он ведь тоже беду предрекал.

– А если бы мы его увидели, то и без подсказок Ярослава бы в броню облачились, – подхватил еще один дружинник.

Стоило ему так сказать, как из-за холма послышались какие-то крики и переругивания. Следом донеслось лошадиное ржание.

– Да чтоб тебя! – завопил кто-то оттуда. – Ах ты, тварь!

Воевода тут же скомандовал:

– А ну, к бою!

В этот момент из-за холма высыпали пятеро всадников. Вот только действовали они неслаженно и скакали не ровным строем. Больше всего казалось, что они пытаются справиться со своими конями, которые от чего-то взбесились.

Дружинники Клёста же, напротив, сгруппировались, выставили щиты и ошетились копиями.

Не придав значения тому, что творилось с противником, Клёст скомандовал:

– Вперёд, в бой!

Воины из засады, по большей части так и не смогли справиться со своими конями, которые, похоже, пытались сбросить всадников из сёдел.

– Кого это к нам в засаду послали? Мужиков, что ли? – расхохотался Татень, вздев меч над головой. – Или это разбойники?

Всадники же, вместо того чтобы нападать на бойцов Клёста, пытались справиться с обезумевшими конями. Те, кому удалось справиться, уже поняли ситуацию и приняли, что засада провалилась. Вместо того, чтобы нападать на отряд Клёста, они принялись улепётывать куда подальше.

– Да это же дружинники Врабия, – сказал кто-то из всадников Клёста. – Вот там вижу Стыря. Я его давно знаю. Он мне в кости медовуху проиграл.

Клёст скомандовал:

– Берём тех, кто не справился с конями, а те пускай бегут.

А Ярослав тут же окликнул Клёста:

– Как это бегут? Мы же сейчас, считай, их застали врасплох. Если мы их победим, то силы Врабия ещё сильнее уменьшатся.

– Дело говоришь, Ярик. Взять всех! Никто не должен уйти. Но кто убежит, долго не преследовать. Держимся вместе.

– Да, – крикнул Серпень ему вдогонку, – коней сильно не гоните. Берегите, чтоб копыта не повредили.

Один из вражеских воинов, которого выбросил из седла взбеленившийся конь, сумел подняться на ноги. А потом, вдруг увидев, кто на него несётся, не растерялся. Ухватив упавшее копьё и, поискав глазами цель, молодецки метнул его, целясь в Клёста.

Всё происходило настолько быстро, что Ярослав едва успевал улавливать происходящее. С момента как из-за холма показались кони прошло едва ли 30 секунд.

Тем временем Клёст, увидев несущееся в его сторону копьё, удивительно ловко сместил корпус в сторону, и оружие пролетело в двадцати сантиметрах от его головы. Однако свой путь на том не закончило. Где-то позади послышался сдавленный стон.

Ярослав обернулся и увидел заваливающегося Серпня, в груди которого торчало древко.

Ярослав подавил в себе желание броситься на помощь старику. Сейчас не до того. Об этом ему говорил Алтырь, когда обучал ратной науке: пока бой не закончен, ни о чём, кроме врагов думать нельзя. Сначала побеждаем врагов, потом занимаемся ранеными, убитыми и трофеями.

Клёст, видимо, тоже заметил произошедшее и злобно зарычал, будто дикий зверь:

– Никого не оставляем в живых! Все должны умереть, как подлые собаки. Никого не жалеть! – ревел он, несясь во весь опор.

Клёст, пришпорив коня, вырвался вперёд, чтобы убить того самого воина, что поразил Серпня копьём. Тот попытался выставить меч, но Клёст, молодецки размахнувшись, умудрился перерубить выставленный на защиту клинок, и снёс с плеч голову метателя.

Всего Ярослав насчитал пятерых бойцов. Вернее, уже четверых, если не считать того, побеждённого Клёстом. Двое на всех порах мчались прочь, пришпоривая коней. Еще двое так и не смогли справиться со своими животными.

Ярослав хоть и не стремился в гущу боя, но и филонить не собирался. Его не радовала мысль, что однажды ему придётся в бою убить человека, (а если он стал дружинником, это неизбежно). Однако, на этот раз его эта судьба миновала. Воины справились довольно быстро. Ещё одного смог ранить Клёст, и его добил Татень. Третьего зарубили другие два воина. Оставалось подумать, как быть с теми, кто убежал.

Бой оказался настолько скоротечным, что Ярослав даже удивился, как быстро можно лишиться жизни, даже если ты облачённый в доспехи воин. Хотя, кто знает, если бы не какая-то проблема, что постигла этих вражеских дружинников, как бы всё обернулось.

Татень на ходу сменил меч на лук и, воздев стрелковое оружие кверху, быстро прицелился и выстрелил вслед убегающим. Ярослав не верил в успех этой атаки, потому что сам лук освоить не смог и не воспринимал это уже всерьёз. К тому же Татень стрелял на ходу. Однако стрела, коротко просвистев, ударила в спину одного из убегающих, пробив тому плечо.

Татень снова вскинул лук, чтобы поразить второго, но промазал. И пятый успел-таки скрыться среди деревьев.

– Эх, коня угробит, – произнёс один из дружинников. – Но чего только не сделаешь ради того, чтобы выжить. Ладно, чёрт с ним.

– Пусть его, – командовал Клёт. – Хочет быть волчьей сытостью, а не умереть в бою – его дело. По крайней мере, сразу видно, что за воины в дружине у Врабия.

Тяжело вдохнув, он направил коня обратно к повозкам.

– Поищите раненых и допросите. И собирайте трофеи. Только не затягивайте, – командовал он, не оборачиваясь. Воевода шагнул сейчас к повозкам, где лежало скукоженное тело Серпента, пробитое копьем.

Ярослав последовал за ним, но оказалось, что было уже поздно. Похоже, Серпент умер практически сразу, потому что ему пробило сердце. И оказывать помощь старику было как минимум поздно.

– Эх, беда. Был бы в Бранске, был бы жив, – произнёс Клёт. – Ну ничего, тело его домой привезём, там похороним. Дед в бою умер, как настоящий воин, хоть и меч в руках не держал.

– Это да, – покивал Ярослав, не меньше Клёта расстроившись смерти старика.

– Пойдём-ка посмотрим, где они там укрылись, – произнёс воевода, забравшись на коня и направившись в сторону, где была засада.

Воины в это время спешили и принялись ловить коней, да собирать трофеи. Ярослав в этом решил не участвовать. Ему всё ещё казались диковатыми их традиции. Забирать вещи убитых, выглядело крайне варварски.

Судя по кучам лошадиных яблок и следам копыт, их ждали довольно давно. По крайней мере, кони успели изрядно истоптать землю. Ярославу очень помогали уроки старого охотника. По крайней мере, читать следы у него действительно получалось очень неплохо.

Засада, судя по всему, была приготовлена ещё ночью, причём довольно толково, что подтвердил даже Клёт.

– Повезло нам, повезло, – произнёс он. – Если бы не Гамаюн, да не эта их напасть, похоже, не сносить бы нам головы. Мы бы до самого последнего момента не поняли, что произошло. У них ведь и луки со стрелами были, и копыта метательные. Они бы нас попросту расстреляли. Осталось понять, что же их спугнуло.

Воевода старательно изучал обстановку, но так ничего и не нашёл.

А Ярослав же вдруг заметил кое-что необычное на растущем неподалёку дереве. Присмотревшись, он вдруг увидел свисающую с ветки широкую лапу, принадлежащую явно представителю семейства кошачьих.

Подняв взгляд, он увидел и лениво зевающую рысь с узнаваемой чёрной полосой над глазами, больше всего похожей на сросшуюся на переносице бровь.

– Ну, здравствуй, Итисия! – поклонился он с широкой улыбкой. – Решила таким образом вернуть мне свой долг? – хохотнул он.

Клёт, проследив за взглядом Ярослава, воскликнул:

– Ух ты! Тут ещё и рысь! – всполошился он, хватаясь за рукоять меча.

Но Ярослав поспешил успокоить своего начальника:

– Успокойся, воевода! Она не чужая нам, она наша союзница. Можно сказать, она нам сегодня жизнь спасла.

Клёст удивлённо посмотрел на парня, затем перевёл взгляд на рысь.

– Ух уж эти твои замашки! То ты с лесным хозяином дружбу водишь, то с кошками лесными братаяешься.

Ярослав лишь пожал плечами.

– Главное, чтобы это пользу приносило, не правда ли? – улыбнулся он.

– Твоя правда, Ярик.

Глава 3. Допрос пленного

Пока Клест с Ярославом осматривали «лежку» дружинников Врабия, (переквалифицировавшихся в разбойников), да беседовали с лесной кошкой, ставшей спасительницей ратников из села Клёстово, воины уже собрали трофеи и изловили коней. А теперь еще и разбрелись по лесу, осматривая прилегающую территорию. Вдруг да найдут чего интересного?

Неожиданно повезло Татеню.

– Вот, воевода, а я для тебя подарок нашел! – громогласно проорал старый воин.

Орать Татень умел. От его голоса, хотя старик и был далековато, метрах в пятнадцати, если не больше, у Ярослава прямо-таки в ушах завибрировало. А если бы тот гаркнул рядом? Точно, оглох бы.

– А что за подарок? – любопытствовал воевода.

– Так сейчас сам увидишь.

И точно, увидел. Татень тащил на себе незнакомого дружинника. Не иначе – тот самый «везунчик», которому удалось скрыться. Стало быть, далеко не удрал.

– Вот, умник-то хренов, – выдохнул Татень, скидывая со спины ношу. – помчался по лесу, без пути да без дороги, так верно, на ветку наткнулся. Конь-то его дальше ускакал, а этот нет, не скачет. Вон, как оземь-то шибанулся, что из него дух едва не вылетел вон. Таскай вот теперь, на своем горбу таких торопыг.

Старый дружинник сочно заржал, приглашая остальных поддержать его хохот. Но Ярослав только мысленно посочувствовал незнакомому дружиннику, пусть и тот и был их врагом. Из своего небольшого опыта верховой езды, пришелец из двадцать первого века уже знал, что удариться в лесу о ветку и пеший запросто может, а уж конному вообще приходится постоянно уворачиваться. Но это если всадник едет спокойно. А коли мчится во весь опор, не заглядывая вперед? Конь-то проскочит, а вот наездник далеко не всегда. И веткой очень больно ударит, а если еще и о землю приложит – совсем худо. А этому парню, хотя он и выглядит бывалым ратником, не повезло. Что ж, всё в этой жизни бывает. Даже опытные наездники иной раз падают и теряют сознание.

– Привяжи-ка свой подарочек вон к той сосне, – приказал Клест. – А не то очнется, опять в лес побежит. Чего ему каждый раз о землю-то биться?

Татень опять захохотал и быстро исполнил приказ воеводы – прислонил пленника к сосенке, а его руки связал сзади.

– Вот, готово, – доложил Татень, а потом принялся рассматривать свою живую добычу. – Слышь, воевода, а ведь я этого парня знаю. Он из дружины Врабия, звать Неплюем.

Клест только плечами пожал. То, что пленник из дружины Врабия – это и так понятно. Тут все дружинники, ставшие врагами, из людей его соперника. Еще ладно, что мертвый враг – а все четверо были мертвы, уже за врага не считаются. Но этот, хотя бы живой. А если живой, то можно и допросить.

– Ярик, как обеспамятевших людей в чувство приводят? – с усмешкой спросил воевода своего младшего дружинника и советника.

Точно, а как их приводят? По щекам побить? Или нашатырный спирт под нос сунуть? Тьфу ты, какой нашатырный спирт в здешних местах? Его ведь еще и не изобрели. Вернее, изобретать-то его не надо, аммиак в другом виде есть, но ну его на фиг.

– Водой холодной облить, – догадался парень.

– Вот, правильно рассуждаешь, – одобрил воевода, кивая на деревянное ведро, привязанное к телеге.

Хорошо, что рядом с холмом бил родник. А вода там холодная-холодная. Парень, пока зачерпывал, почувствовал, как замерзли руки. Притащив ведро, на всякий случай спросил:

– Лить?

– Давай, – разрешил воевода, и Ярослав «дал».

После первого же ведра, вылитого на голову, чужой дружинник пришёл в себя. Чихнув, заморгал, а потом устался на своих врагов.

– Ну здравствуй, Неплюй, – поздоровался воевода с пленником. Потом приказал: – Рассказывай парень, что и как: чего это вы в засаду сели, да против своих обернулись? Может, ты с товарищами своими в тати лесные подался? Так с татями у нас разговор простой – за шею, да на веревке, и на дерево вздернем. И после этого душа твоя к Перуну не пойдет. Не примет бог дружин, если душа через задницу выйдет. Зачем ему обгаженный дружинник? Ну ты ведь и сам знаешь.

– А может Неплюй-то еще и наше подворье жег? – предположил кто-то из дружинников. – Тогда, воевода, его тоже зажарить нужно. Дозволь мы костерок изладим?

– Костерок – это можно, – не стал спорить воевода. – Дров в лесу много, сейчас мы татя и спросим – костерок ему лучше, или петля? Слышь, тать?

– Не тать я лесной, – через силу усмехнулся Неплюй, пытаюсь встать на ноги. – Можете меня вешать, можете жарить. Перун в ирии знает, кто дружинник, а кто тать. И ничего я вам не скажу. Я дружинник, сызмальства под смертью хожу, Перуну я посвящен, поэтому любую казнь готов принять.

– Ишь, какой храбрый, – с уважением сказал Клест. – И не боится, что его зажарят, и не боится в ирий через свою задницу прийти. Не хочешь добром сказать – скажешь по-плохому.

– А ты меня не пугай, – дерзко вскинул взгляд пленник. – Пуганый я уже, никаких пыток не испугаюсь.

– Горячий ты парень, – хмыкнул воевода. Посмотрев на старого дружинника, спросил: – А ты как считаешь?

– Горячий парень, – согласился Татень. – Вон, как он коня горячил, когда по лесу мчался. Нисколько лошадь не жалел, так спешил. И куда же он так спешил, если все равно ускакать не мог? Охолодить бы его маненько. Как думаешь-то, воевода? Я бы охолонил.

– Охолодить, это да, – согласился Клест. Посмотрев на Ярослава, перевел взгляд на остальных дружинников. – Ну-ка, братья, охолоните Неплюя. Вон, ведра берите. У нас их три, но чтобы сразу лить, без перерыва.

Нужно отдать должное дружиннику – он вытерпел целых двенадцать ведер ледяной воды. Но когда на его голову собирались вылить тринадцатое, заголосил:

– Довольно, всё сам расскажу, спрашивайте.

– Вот это и правильно, – поощрительно покачал головой Клест. – Да и к чему столько воды-то терпеть было? Ты же не рыба какая, и не водяная крыса, чтобы воду терпеть. Сразу бы и говорил. А то сидишь сейчас мокрый, словно ворона в луже. Разве Врабий с тебя клятву какую-то взял, что ты молчать обо всем станешь? Брал клятву-то твой воевода?

– Не брал он с меня клятвы, – оторопело сообщил Неплюй.

– Вот видишь, – рассудительно сказал Клест. – Ни клятвы ты никакой не нарушишь, ни слова, богу какому даденое. Так чего и скрывать-то?

Кажется, мысль о том, что его собственный воевода не брал с него никаких клятв, успокоила дружинника и развязала ему язык не хуже ледяной воды.

– Спрашивай, а то я не знаю, чего мне рассказывать-то? – поднял мокрую голову ратник.

Неплюй словно бы воспрянул духом и смотрел на окружавших его пленителей веселее, а Ярослав мысленно похвалил своего воеводу за мудрость. Вон, сразу и кнут и пряник использует. И правильно. Слова, которые вы получили от «языка» под пытками, мало что значат. Под пыткой тебе все расскажут, во всем признаются. Признаются и в том, чего не делали. Таким покаянием веры нет. А вот когда добровольно рассказывают – это куда надежнее, да и правдивей.

– Начинай с подворья, – посоветовал воевода. – Ходил ли ты нас жечь, если не ты – то кто ходил? И зачем Врабию моя смерть?

– Глупый ты вопрос задал, воевода, – усмехнулся Неплюй. – Сам знаешь, что мой воевода в князя хочет сесть. И князь из него получше иных и прочих выйдет. Но вот ты ему помешал. Врабий уже себя князем мнил, а тут ты. И кто же знал, что ты воевод на две части расколешь? Ишь, окромя тебя еще трое высказались. Мешал ты нашему воеводе. А коли тебя убить, вместе с дружинниками твоими, так и дорогу на княжий стол ему расчистим. А подворье ваше я сам жечь не ходил, надобности в этом не было – другие желающие нашлись. Те, кто ходил – их теперь уже нет. Двоих вы ещё той ночью убили, а трое тут были, в засаде, да тут и полегли. Вон – там Шашко лежит, а неподалеку Мутко. Где-то еще Нерывай был... А, вон там и он лежит.

– А чего же желающих-то много нашлось? – подал голос Татень. – Подлое это дело, чтобы живых людей в дому жечь. Ладно, если бы напали, да убили. А коли бы город сгорел?

– А что город? – хмыкнул Неплюй. – Бранск уже много раз горел, отстраивали. Сгорел бы – так заново бы отстроили. А подлое дело, не подлое – наше дело маленькое. Напасть – так вы бы сражаться стали. А так – дело самое надежное. Дверь снаружи подпереть, а крышу да углы поджечь. Сруб старый, бревна сухие. Вспыхнет, так вы и смерть сразу примете, даже помучиться не успеете. А там и в ирий, а коли через огненное погребение, так и к Перуну быстрее придете.

– А ты за богов-то не решай, – остановил разошедшегося ратника Клест. – Ты нам скажи – вы-то зачем на все это пошли?

Неплюй посмотрел на чужого воеводу, а потом, словно малышу, стал объяснять:

– Так чего же неясно? Наш воевода в князя хочет, а мы ему служить должны. Да и княжеский дружинник – повыше боярского будет. Все бывшие дружинники Врабия сразу бы десятниками стали. Так что, моей вины нет, что твое подворье спалили. Так ведь не все и спалили, кое-что уцелело.

– Ясно-понятно, – кивнул воевода. – А скажи-ка теперь – отчего Врабий засаду велел устроить? Он же не знал – выбрали меня князем, или нет? И как он так все быстро сообразил? Сбежал ведь Врабий из города. А вдруг я обратно бы не поехал? Если бы меня князем избрали, то я бы в Бранске пока остался. И сколько бы вы в засаде просидели? До белых мух?

– С чего бы до белых мух нам сидеть? – пожал плечами пленник. – О том, что ты нынче в свое Клестово возвратишься, мы еще вчера узнали.

– От кого это? Или Врабий своих людей посылал? – удивился Клест.

– Зачем ему посылать, если к нему и так придут? – хохотнул Неплюй. – Ночью-то, когда вам петуха подпускали, прибежали парни, кто уцелел. Сказали – мол, спасся ты не то чудом, не то колдовством каким. Понятно, что Врабий осерчал, велел коней седлать, да с нашего подворья уезжать. Он же знал, что за пожар и ты с него спросить можешь, и прочие воеводы, а еще городской совет есть, а у них своя стража. Дружина воеводская сильная, если всем вместе, но Врабия бы воеводы спасать не стали. В Бранске с поджигателями не церемонятся, поэтому Врабию здоровее из города уходить было. В Бранске поджигателям руки и ноги ломают, а потом из города выгоняют – ползите, если сумеете. Уж лучше бы сразу казнили. Так что, ушел наш Врабий из города, но ушел он недалеко. Мы в полднях пути от города встали, там у нас свой лагерь есть. Он там с прошлой зимы стоит. Так, на всякий случай. И шалаши, и корм для коней, и человек на строже остался. Вот, встали, а после собрания воевод к нам Стрежень приехал. С нашим воеводой говорил долго.

– О чем говорил, слышал? – спросил Клест.

– Так, краем уха, но кое-что слышал, – кивнул Неплюй. – Да воеводы особо и не таились. При нас разговор был. Стрежень как прибыл, так рассказал, что воеводы решили – пусть, дескать Врабий и Клест сами меж собой разбираются, никто им помогать не станет, а тот, кто победит, тот и будет князем. Стрежень с Врабием уже давно решили, что на княжение Вра-

бий сядет, а Стрежень его правой рукой станет. Вот тут и понятно, что тебя поскорее нужно победить. Чем скорее тебя победим, тем быстрее Врабий на стол княжий сядет, да и нашего брата в бою меньше поляжет. И никакого противостояния не будет, если Клест до своего села не доедет. Вот так бы все просто и было, если бы эту кошку дурную не принесло. Она что, не могла на кого другого поохотиться? А эта даже не охотилась, а мявкнула так, что все кони испугались.

Клест только посмотрел на Ярослава, да улыбнулся парню. А наш современник еще раз про себя похвалил женщину-оборотня.

– А как вам воевода объяснил, что он со мной должен был на суд божий выйти, а не пошел? – полюбопытствовал Клест. – Не побоялся, что вы его трусом сочтете?

– Так нам трусливый, но живой воевода лучше, чем мертвый храбрец, – пожал плечами Неплюй. – А боги, они бывает, что ошибаются. А если Перуну угодно, чтобы ты победил? Ну, победишь ты, а Врабия закопают. Может, жерву ему принесут, но что от нее толку? А Врабия не будет, куда мы без него денемся? У него детей пока нет, неизвестно, кому воеводство отойдет. А мы еще отцу Врабия служили. У нас у всех семьи, дети. Нет, мы за Врабия встанем.

Неплюй замолк, а потом сказал:

– Вот, вроде и все рассказал. Так что – веревка мне, или все-таки меч?

– Выходит, что меч, – кивнул Клест. – А ты, вроде бы, говорил, что веревки-то не боишься?

– Так мало ли, что я тебе говорил, – усмехнулся Неплюй. – Веревки, воевода, все боятся. Негоже в ирий душу впускать, что через заднее место вышла.

На поляне повисло молчание.

Ярослав смотрел на пленника с некоторым уважением. Понимает, что в живых его не оставят. И хотя дружинник начал говорить и, вроде бы, поведал кое-что интересное, но никаких страшных тайн он на самом-то деле не выдал. А вот повел себя достойно, пусть и в самом конце. И пусть, только из-за того, что не хотел получить позорную смерть.

А Неплюй, посмотрев на воеводу, сказал:

– Ну, коли меч ты мне обещал, так я еще кое о чем расскажу – еще воевода мой, на всякий случай – а вдруг ты другой дорогой поедешь, или через засаду пройдешь и живым останешься? Так он послал воинов твои деревни пожечь, чтобы твой путь до села задержать. Мол пока ты будешь деревенских спасать, туда-сюда бегать, Врабий и дружину соберёт и двинется на твои земли, а там тебя тёпленького да неподготовленного возьмет. А не успеет, то все равно спаленные деревеньки, проруха для твоего хозяйства. Еще тебе повезло, что рожь у тебя в поле, а старой почти нет, но все равно – припасы-то для дружины в деревнях собирают. А пожар – так и нет припасов.

– Так сколько же у Врабия с собой дружинников было? – спросил Клест. – Вон, и в засаду отправил, и по деревням. Так и с собой хоть кто-то да должен быть. Не один же он в село свое вернется?

– Так было нас поначалу пятнадцать человек, – пояснил Неплюй.

– И куда ему столько было? – удивился Клест. – У нас договоренность есть – на съезды воеводские брать с собой по пять ратников, не больше. Он что, княжение силой собирался брать?

– А хоть бы и силой, – не стал спорить дружинник. – Хотел воевода княжение, ой как хотел. Из-за того из пятнадцати шестерых уже и в живых нет. А как со мной покончите, так семерых. Бран ведь когда-то тоже себе княжение силой взял, чего бы не рассказывали. А чем Врабий хуже? Хотел Врабий воеводское имя сменить на княжеское. Вот, стал бы Владиславом.

Вот теперь Неплюей рассказал все.

– Спешить нам надо, – хмуро сказал Клест, кивая Татеню. Старый воин сразу поняв, что от него требовалось, воткнул свой меч в грудь Неплюя, почти мгновенно лишив того жизни.

– Спешить нам надо, – повторил воевода. – Не знаю, успеем ли мы деревни спасти, но нужно быстрее к селу ехать. Коней берите, что от врагов остались, оружие да доспехи не забудьте, пригодятся.

Доспехи и оружие уже были собраны. Разглядывать и примерять времени не было, поэтому их просто сложили рядом с трупом Серпеня. Коней, недавно бывших собственностью Врабия, а теперь ставших добычей дружины Клеста, привязали к телегам, или взяли поводья в руки. А добыча получилась знатная. Ярослав видел, что ратники уже прикидывают – кому какой доспех достанется. Татень уже потрогал панцирь, сработанный из бронзы. Да он бы и сам выбрал себе что-то получше, нежели его кожаный панцирь, на который пришиты костяные накладки. Если дело до боя дойдет – так кость даже скользящего удара не выдержит, не говоря уже о прямом.

Дружинников Врабия хоронить не стали, не до того, да и не заслужили они погребения, потому что повели себя как разбойники. Еще пусть радуются, что погибли в бою, на не развешены на веревках. Так что, пускай их звери да птицы лесные хоронят. Воронам да волкам тоже кушать надо.

Глава 4. Помощь высших сил

Как не подгонял воинов Клётс, как ратники ни торопились, всё равно опоздали. Ближайшая деревня к стольному граду Бранску пылала ярко рыжим пламенем.

Казалось, куда ещё выжимать из коней лишнюю скорость и подгонять их, но Клётс продолжил стегать несчастных лошадей. Ярослав и вовсе не умел держаться в седле, ему и так с непривычки было тяжело, так ещё и мерин изо всех сил пытался поспевать за своими товарищами, доставляя Соколову незабываемые впечатления.

Издали было видно, как местные пытаются тушить огонь. Были слышны крики мужиков, вой баб, да плач детей.

При приближении Ярослав увидел несколько мёртвых тел с явными следами насильственной смерти. Похоже, их рубили мечами, по крайней мере, характерные раны говорили именно об этом. Видимо, местные деревенские пытались оказать сопротивление подлым поджигателям, но куда простым пахарям против обычных дружинников, к тому же готовых к бою.

Ярослав много раз вспоминал тот момент, когда они вместе с Молчуном и Зозулей смогли победить Первака, сына Замайло и Гуря, и понимал, как же им повезло. Потому как тогда действительно очень много факторов сложилось и воины были просто не готовы к схватке. Их, матёрых бойцов, буквально застали со спущенными штанами. По крайней мере, они допустили главную ошибку любого воина – они расслабились, не ожидая угрозы от тройки обычных мужиков, один из которых имел звание кандидата в мастера спорта по боксу.

Стоило отряду приблизиться, как наперерез коннице бросился какой-то старик.

– Клётс! Клётс! Это ты! Ты во всём виноват! – орал старик.

Ярослав с удивлением понял что знает его, видимо, это был староста этой деревни. Сравнительно недавно, ещё на суде над оборотнем он распекал Клётса и обвинял его, что тот слишком молод и не чтит обычаев. А сейчас этот старик, потрясая кулаками, красный, драл на себе волосы и кричал своему воеводе:

– За что мы твою дружину кормим? За что, скажи? Чем мы заслужили, чтобы наши дома пылали, а бабы были? Чем мы заслужили смерти наших мужиков?

Клётс остановил коня перед стариком и, совершенно не обращая внимания на его истерику, коротко спросил:

– Подробности рассказывай, да поживее!

Старик как-то сразу успокоился, приосанился и принялся с толком с расстановкой всё рассказывать. Видимо, понял, что не сможет пронять воеводу своим гонимом и решил сменить тактику.

– Вон, выскочили из леса, душегубы проклятые, поджигатели, факелы в руках держат, и давай дома поджигать! Где видано такое, чтоб посреди бела дня да при живом воеводе?!

– Тихо, я говорю, по делу давай.

– Ну, Нерест да Предей бросились на них, остановить хотели. Так их на месте и зарубили мечами, – старик махнул рукой куда-то в сторону. – Мы их вон оттащили за пределы деревни, чтобы похоронить потом, а то так тела от огня попортятся. Ну так что, Клётс, что ответишь? Может, нам к другому воеводе перейти, раз ты за своими землями уследить не можешь?

– Молчал бы ты, старый, – взвился Татень, но Клётс остановил его жестом.

– Как видишь, прибыл. Давай-ка лучше вместо того, чтоб языком мести, как помелом, помогай дома тушить.

Клётс действительно закатал рукава и скомандовал своим воинам:

– Давайте, впрягайтесь, начинаем тушить деревню.

Однако, когда воины направились вперёд, придержал Ярослава и Татенья:

– А ты, друг, скажи, что есть духу, да предупреди нашу дружину. Всё ясно?

– Будет выполнено, – ответил Татень, с досадой глядя на огонь. Ему не терпелось спасать людей.

– Но иди осторожно, окольными путями. Если дружинников Врабия встретишь, в бой не вступай. Лучше беги.

– Да как же это я побегу? Эти же твари вон чего учудили в наших землях!

– Слушай, что тебе старший говорит, – грозно оборвал Клёт. – Пускай не по возрасту, но по положению. Я тебе говорю: сейчас важно не это. За всем мы всё равно не уследим. А ты лишь попусту поляжешь, да наши дружинники так ничего и не узнают. Так что пулей беги. И вот ещё: Ярика с собой возьми. А ты Ярик, следи, чтобы всё прошло как надо. Не позволяй Татеню в бой вступать.

Ярослав кивнул:

– Хорошо, будет выполнено, Клёт, – отчеканил Соколов.

– Если нужда будет, возьмёте и побежите, как зайцы от лис. Чтобы не смели в бой вступать! – снова повторил воевода.

– Ну а ты как же? – спросил Ярослав. – У тебя всего трое дружинников остаётся.

– Ничего страшного, справимся. Если что, мужики прикроют. А как сказал тот молодчик, Вrabий сюда только троих прислал. С троими мы уж как-то справимся. Но вы к ним не лезьте.

На том и порешали. Ярослав с Татенем вскочили в сёдла и поскакали дальше.

– Не нравится мне это. Они ведь деревню подожгли! Сейчас ещё, небось, жечь будут, – ворчал старый воин.

– Клёт со всем справится, – твёрдо заявил Ярослав. – Ничего не поделаешь. У нас другая задача.

– Да знаю я. Не учи волка, как зайцев драть, – отмахнулся Татень.

Они поскакали немного по широкой дороге. Затем Татень вдруг сместился в бок на едва видимую тропку, будто вытопанную перед водопоем кабанам и другими зверями, но явно не человеком.

Они проехали метров триста лесной тропой, как Ярослав вдруг кое-что стал вспоминать. Вот только это были не его воспоминания, а воспоминания Якоша Святославича, в частности, об удивительной власти, которой обладает лесной хозяин в своём лесу.

– Эй, Татень! – окликнул вдруг Ярослав. – Ну-ка, стой!

Соколов схватился за плетъ, подаренную лесным хозяином Нестером, которая так и висела на его поясе, и вдруг позвал:

– Нестер! Хозяин лесной! – позвал Соколов. – Твоя помощь нужна! Никак мы без тебя не разберёмся! Чужаки пришли! Людей воеводы Клёста губят! Дома жгут! Боюсь, без тебя точно не разберусь!

Сказав это, Ярослав принялся смотреть по сторонам, делая себе зарубку на память, что обязательно нужно с собой таскать хоть что-то для подарка лесному хозяину. Вокруг ведь одни леса, и если с лесным хозяином дружить, то можно много чего интересного в ответ получить. Ведь у этого волшебного существа поистине безграничная власть. Вспомнить одно то, что он мог время в лесу останавливать по своей воле.

– Чем же я тебе помочь-то смогу? – раздалось наконец за спиной Ярослава.

Тот по привычке не стал оглядываться, зная, что лесной хозяин всё равно ему не покажется.

– Помоги по лесу быстро пройти до Клёстово. Мы пока доберёмся, много худого произойти может. А так мы дружине Клёстовой скажем, и сможем этих поджигателей зажать, не позволим им больше вреда чинить.

– Эх, Ярослав, слишком часто ты у меня помощи просишь. Как бы я с тебя долг не спросил.

– За мной не заржавеет, ты же сам знаешь. Тем более я ведь тоже не просто так леса твои топчу, и пользу какую-то приношу. Я ведь и оборотню помог, и про ведьму узнал, и с рысью пообщался. А там глядишь, ещё в чём пригожусь. Ты ведь знаешь, я полезный. А ещё в долгу не люблю оставаться. Ты уж прости, что я сейчас без подарка, но я обязательно отвечу, чем смогу.

– Да ладно тебе, не расшаркивайся! – произнёс Нестер. – Ты лучше вот что мне Расскажи. Веточку прорастить смог?

А голос у старого лесного хозяина был ехидный-ехидный.

– Веточку прорастить не смог, – честно признался Ярослав. – Зато смог прорастить целую дверь.

– Как это? – не понял лесной хозяин.

– А так, нас сжечь пытались прямо в избе. Дверь подпёрли. Так вот я у двери, давным-давно умершей, прорастил и корни, и веточки, и смог благодаря этому выбраться из западни, – ответил Ярослав.

– О, как любопытно. А что же ты с веточкой-то не справился?

– Да времени не было. Мы сначала пожар тушили, потом суд, потом с воеводами другими общались. А когда возвращаться стали, засада на нас была. В общем, совсем не до занятий было. Ты уж прости, но я обещаю, что как только со всем разберёмся, я из этой веточки такой дуб выращу, что тебе все другие лесные хозяева завидовать будут.

– Ну, смотри, Ярослав, на слове ловлю, – расхохотался лесной дух.

Нестер что-то проворчал, однако, судя по голосу, Ярослав понял, что он чем-то очень доволен.

– Шагайте вперёд! – наконец услышал он.

– Чего тебе? – тут же услышал Ярослав голос Татень, который только сейчас к нему обернулся, – нет времени ждать.

Ярослав понял, что Нестер снова замедлил время в своём лесу для того, чтобы поговорить с Ярославом. Всё-таки чем-то он приглянулся лесному хозяину. Он был уверен, что для других людей Нестер такого не стал бы делать.

– Путь срежем! – заявил Ярослав.

– Ух, какой шустрый! Путь он решил срезать. Ты как будто эти леса знаешь. Появился здесь на исходе пахоты, и учишь мужиков, как землю возделывать.

– Да подожди ты! – остановил Татень Ярослав. – Я у хозяина лесного помощи попросил. Он согласился помочь.

Тут Ярослав увидел знакомую уже арку посреди леса – ту самую, которая вела на поляну лесного хозяина. Она расположилась аккуратно между двух берёзок, да так, что не сразу бы и заметить можно было.

– Вон, гляди! Это проход в дом лесного хозяина, уважаемого Нестера. – указал Ярослав на арку.

– Да быть не может, заливаешь ты мне что-то. Берёзы как берёзы. И не вижу я там ничего, – ответил Татень. Потом вдруг пригляделся и говорит: – Действительно арка какая-то. Переход какой интересный. Ну-ка, пойдём поглядим, что там. Хотя страшно. Лесной хозяин-то не осерчает?

– Да говорю же, разрешил он.

– Шагайте, шагайте, – раздалось вдруг за их спинами.

И Ярослав вместе с Татенем направили коней аккуратно в проход.

Пройдя через переход, они оказались на просторной лесной поляне, освещенной тёплыми лучами солнца. Ярослав в который раз ощутил благодать, исходящую от этого места, и порадовался тому, как здесь всё выглядит. Это место будто внушало покой и умиротворение.

Покосившись, он увидел, что Татень улыбается во все оставшиеся зубы и оглядывается по сторонам.

– Благодать-то какая! Красота! А вон там что? Белка что ли? Такая крупная!

Ярослав проследил за его взглядом и действительно увидел огромную белку, размером с лисицу. Та внимательно следила за гостями, пересчитывая орешки, что огромной горкой лежали перед ней. Она выглядела будто опытный бухгалтер, считающий на калькуляторе отчёты, которого отвлекли нерадивые работники.

– Действительно белка, – согласился Ярослав. – А вот нам, кажется, туда.

Он увидел ещё одну арку на противоположном конце поляны.

– Как хорошо-то здесь! Даже уходить не хочется, – протянул воин.

– А вот с этим лучше не перебарщивать, – предупредил Татеня Ярослав. – Не думаю, что лесной хозяин одобрит, если мы здесь задержимся. Не любит он непрошенных гостей.

– И то верно, – с досадой произнёс Татень, ещё раз оглядев поляну, будто стараясь всё получше запомнить. – А я думал, что Неждан заливает про то, что он в доме лесного хозяина был. А видать, правду говорит. И что, ты действительно дружишь с нашим лесным духом?

– Да. Сложно сказать, как он ко мне относится, но я его очень глубоко уважаю и всегда готов оказать ему любую услугу, – нарочно громко ответил Ярослав, не решившись уверять Татеня в панибратских отношениях с такой могущественной волшебной сущностью.

– Это ты верно, парень, говоришь. Ну ладно, пошли дальше.

Они быстро пересекли поляну и вошли в арку прохода. Товарищи оказались на опушке леса, и стоило только им миновать несколько рядов деревьев, как оба так и застыли, удивлённо раскрыв рты. Они оказались прямо у села Клёстово.

Ярослав, хоть и был готов к чему-то подобному, не поверил своим глазам. А Татень и вовсе распахнул рот.

Будто чувствуя, что они появятся, из села вышел пёс Спатак, дружелюбно помахивая хвостом. И только разглядев Ярослава, тут же бросился к нему, радостно погавкивая.

– Вот чудеса! – протянул Татень. – До села ведь два дня было добираться. Ну всё, не будем тратить время. Теперь главное не ротозействовать.

Ярослав же первым делом обернулся и поклонился к самой луке седла. Он не знал, как правильно надо, слезть с коня или и так достаточно, но решил, что сейчас каждая секунда на счету.

– Спасибо, лесной хозяин Нестер. В неоплатном долгу я перед тобой. В любой момент буду готов тебе отплатить.

Произнеся слова благодарности, Ярослав развязал коня и поскакал следом за Татенем, который, к слову, лесного хозяина не поблагодарил. Видимо, он забыл либо не посчитал нужным. А это большая ошибка. Надо будет ему сказать, чтобы он потом принёс какой-нибудь дар лесному хозяину. А то Нестер разобидится. А как понял Ярослав, он может создать много проблем, особенно людям, живущим рядом с лесом.

Глава 5. Тайные тропы лешего

Въехав в село, Татень и Ярослав спешили, кинули поводья коней мальчишкам, которые были всегда рады оказать услугу дружинникам, вместо того чтобы помогать родителям работать в поле. Сколов уже успел заметить, что хотя в двадцать первом веке и говорят – мол, молодежь пошла нынче не та, а вот раньше-то как было! Трудились все, от мала и до велика, не покладая рук. Но во все времена имелись свои лодыри. А даже и не лодыри, а так, маленькие бездельники. Кому хочется убирать хлеб на жаре? А тут у пацанов есть «отмазка» – дескать, не бездельничали, а ратникам помогали. Коней приняли, расседлали, напоили да накормили и все прочее. И что тут скажешь? Ремня старшие не дадут, а еще и похвалят.

Ярослав принялся наглаживать Спатака. Как же пройти мимо такого замечательного пса? Гладил бы и дольше – собакену это нравилось, нечасто ему доставалось ласки от человека, но нужно заниматься делом.

От дома воеводы уже шел Крень. Кажется, он только их и ждал. И как молодой воин оказывается именно там, где его ждут? Талант, определенно.

Крень улыбнулся, а потом улыбка сменилась тревогой.

– А где остальные? Что с воеводой? – озабоченно спросил Крень.

Ярослав промолчал, давая возможность сказать Татеню. Тот и старше, и опытнее, поэтому по законам дружины ему первому и слово молвить.

– Клёт в добром здравии, – ответил старый воин. – Остальные тоже. Вот только, не все у нас ладно. Вельчиха горит, так что, собирай дружину, помощник воеводы. Приказ воеводы – выезжаем немедленно. Парни наши с воеводой деревню тушат, а нам нужно поджигателей поймать, пока они еще что-нибудь не натворили. Верно, уже к другой деревне подбегутся.

Крень не стал спрашивать – к какой другой деревне, да как они успеют, если ехать дня полтора-два, а только отошел в сторонку, вытащил из-за пояса рожок и задудел. Звуки были пронзительными и очень противными. Ярослав даже и не знал, что такое возможно. Видел, что за поясом у помощника воеводы заткнута какая-то медная штука, но никогда не задумывался – зачем она нужна? А это, видите ли, «сигнальная труба». Что ж, воевода отдал приказ выдвигаться, его следует исполнять, а не задавать вопросы.

Опять-таки, Ярослав предполагал, что на сборы уйдет часа два, а может и три. Дружинникам и собраться нужно, и коней вывести, оседлать. Но к его удивлению, уже минут через двадцать дружина была готова. Правильно – все при себе, а ухватить оружие и влезть в доспехи – минутное дело.

Они с Татенем только-только успели перекусить, как уже послышалось ржание, веселые голоса товарищей. Поздоровались с Нежданом, Зозулей и Жужелем, но и только. Даже и поговорить-то некогда было. А когда болтать? Поел – бегом мчись к своему мерину, которого мальчишки успели напоить и накормить. Ну да коняка и устать нынче не успел, так что вперед.

И вон, все в доспехах, с оружием, а к седлам привязаны мешки со всяким необходимым скарбом, вроде мешочка крупы, соли и всего прочего. А Крень, уже успевший оседлать собственного коня, отдавал приказы:

– Алтырь, ты за старшего остаешься. С тобой десяток Рубца.

Рубец – один из десятников, получивший свое имя за шрам, проходивший от глаза до рта, попытался что-то возразить, был мигом осажен помощником воеводы:

– Рубец, мальчишек соберешь – вон, без дела болтаются, пусть по дорогам разбегутся, посмотрят – что к чему. Если на село поджигатели пойдут, упредят. Вам же на месте сидеть. Если, не дай Перун, большая сила придет, такая, что раз в пять или шесть больше вашей, народ и скот в леса уводите, а сами, как водится, бой примете. Слушаться Алтыря, как меня. Понял?

– Понял, – только и сказал десятник, которому не хотелось оставаться в селе. Заметно по недовольному виду, что ратник со шрамом жаждал схватки с врагом.

– А новички? – спросил Алтырь. – У них коней нет, если что – придется им пешими воевать.

– Повеюют и пешими, ты их сам сражаться учил, вот и проверишь, – отрезал Крень. – Из самостела бить, много ума не надо. А вот Жужеля, я с собой возьму, подбери ему кобылку. Очень уж интересно, как он себя проявит. – кивнув своим мыслям и посмотрев на ратников, которых он собрался взять с собой, скомандовал: – По коням! За мной!

Крень повел свой небольшой отряд в двадцать с небольшим всадников как раз туда, откуда недавно прибыли Татень с Ярославом. А здесь другой дороги и нет. Кажется, совсем недавно ехали по ней к Бранску. А Вельчиха как раз и лежит на половине пути между селом Клестовым и стольным градом.

Когда подъезжали к лесу, в голову Ярослава пришла интересная мысль. И чего он до нее сразу-то не додумался? Спрашивается, а зачем им терять время? Ежели леший им помог попасть сюда, то почему бы Нестеру не помочь им переместиться обратно, в эту самую Вельчиху? Лесному хозяину все равно, а им время сэкономить возможно. Может попробовать?

Ускорив ход своего мерина, Ярослав поравнялся с помощником воеводы.

– Крень, а давай мы путь сократим? – предложил парень.

– А как ты его сократишь? – усмехнулся помощник воеводы. Подумав, видимо что-то вспомнив (а может Татень успел рассказать?) пожал плечами и сказал: – Ну, если сможешь сократить – так давай, езжай вперед, показывай путь, а мы следом поскачем.

Ярослав не стал ничего говорить, а только еще сжал коленками бока мерина – «дать шенкеля», как говорили дружинники, что учили его сидеть в седле. Конечно, он не мастер управлять своим конем только с помощью ног, да и силы у него нужной в мышцах нет (пока нет, но дело времени!), но Мирный послушно прибавил хода, а Соколов въехал в лес, став проводником для отряда.

Ну вот, та самая заповедная (или заветная?) поляна лесного хозяина, через которую они с Татенем выехали и взяли направление в Клестово. И странная зеленая арка, сотворенная лесным хозяином из непонятно чего, тоже на месте. Мысленно сказав спасибо Нестеру, парень указал помощнику воеводы на арку, а потом смело направил коня прямо в нее.

Ярослав, хотя и храбрился, и очень надеялся на помощь лешего, но все равно, пока ехал, душу терзал червячок. Нет, целый червяк. Нестер уже не первый раз помогает, но кто его знает, этого лесного шутника? Все-таки, Ярослав до сих пор не забыл первую встречу с лесным хозяином. И шишки, которыми Нестер кидал (больно, между прочем!), тоже помнил. Вон, заедут они сейчас, выедут, а вместо дороги к Вельчихе окажутся среди каких-нибудь буреломов, или вообще невесть где, в какой-нибудь топи болотной. Заведет, блин, куда-нибудь, куда леший телят не гонял. Но вслух прозвища лесного хозяина лучше не произносить. Кажется, никто об этом не говорил, но Соколов почему-то знал, что слово леший Нестеру кажется очень обидным. Вот, так тоже бывает. Чего обидного в слове «макаронник», но итальянцы, говорят, обижаются.

Но думать и размышлять, коли сидишь в седле, особо и некогда. Вон, он уже влетел на полном скаку на поляну самого Лесного хозяина, куда без разрешения заходить нельзя. Ну, придется потом извиняться. К тому же – Нестер сам оставил проход открытым, словно приглашал. Значит, разрешения на проход по тайным тропам просить не надо. Или надо? Но испрашивать соизволения уже некогда, надо было раньше думать.

А за спиной уже ржанье двух десятков коней, которые идут следом. А в седлах дружинники. Эти молчат, но слышно, как дышат.

Миновав поляну, Ярослав направил Мирного ко второй арке, располагавшейся аккурат напротив первой. Кажется, в прошлый раз арки были слегка смещены относительно друг друга?

Или он ошибся? Ну да, какая теперь разница? Третьей-то арки нет, чего тут гадать? И Ярослав так же смело въехал в нее. И опять за спиной конское ржание, и шумный выдох людей, которые впервые попали на странный путь.

Но вот, впереди показался просвет и мерин, без понукания, вывез Ярослава на тропу, которая вскоре превратилась в торную дорогу. А вон там, впереди, минутах в десяти или пятнадцати, должна быть деревня. Ну да, так оно и есть. Вот только эта деревня не горела. Что, уже потушили?

Проехав еще немного, Ярослав выехал к полю. А там народ трудится, что-то делают с колосющейся рожью. А, так они ее жнут! Вон, туда стаскивают снопы. А тут уже лошади. Видимо, скоро начнут возить снопы в сарай, где станут обмолачивать зерно. А народ, совсем не похоже, что только что пережил пожар. Пялятся на появившегося из леса ратника, да и только. А вообще, та ли это деревня?

Ярослав не настолько хорошо знал здешние населенные пункты, чтобы отличать одну деревню от другой. Но все равно, как-то совсем странно. И да, в той деревне, которая горела, на окраине росли огромные березы, а тут их нет.

Ну, Нестер, ну, шутник! Но сейчас Ярославу было не до смеха. Если это и на самом деле шутка, то очень неуместная и злая. Или это месть за самовольство? Мог бы и потом отомстить, после того, как все уляжется. Нет, определенно Нестер не прав.

– Эй, проводник хренов, ты куда нас вывел? – послышалось сзади недовольное рычание Татень.

К нему присоединился Крень:

– А где пожар-то? Если не огонь, так хоть дым должен идти. А куда мы выехали-то? Это же Язиха! Ярик, ты как нас сюда провел?

Вельчихи, Язихи! Кто их разберет, если все деревни одинаковые? Нет, уважаемый хозяин лесов, а также деревьев, пеньков и болотец, не надо бы так шутить. И что теперь делать?

– Ну-ка, парни, назад поворачиваем, – крикнул Татень.

– Может через арку опять проедем? – предложил Крень.

Но ехать обратно было некуда. Зеленая арка, через которую отряд только что выехал к деревне Язиха, пропала, словно ее и не было. Чудеса, чтобы им пусто было! Нет, лучше с лесными шутниками больше не связываться, и дружбу с ними не водить.

– Твою мать, думать вначале надо, а потом делать! – начал орать Татень на Ярослава, но его остановил Крень.

– Ну-ка, угомонись, – приказал помощник воеводы старому ратнику и тот послушно замолк. Крень же, привстав на стременах, огляделся и весело сказал: – Не орать надо на парня, дурень старый, а спасибо ему сказать.

– А за что спасибо-то? – не понял Татень. – Мы же за ним вслед ехали, а куда заехали-то? Не туда и заехали.

– Мы бы сколько до Вельчихи от нашего села ехали? – спросил Крень. Не дожидаясь ответа, сказал. – Ехали бы мы день, а то и полтора. А от Язихи до Вельчихи за три часа рысью домчим. Понял? Так что, мы день и ночь выиграли.

– Точно, – растерянно пробормотал Татень. – А чего это я сам-то не догадался? Совсем от старости из ума выжил. – Повернувшись к Ярославу, старый ратник поклонился ему с седла. – Ярик, ты на меня, старого дурака не серчай. Это я так, с перепугу наорал. Еслишибко обиделся, можешь меня как-нибудь обозвать.

Ярослав и на самом деле обиделся на брань, которую он не заслужил, но такое покаяние его позабавило. Выходит, зря он на Нестера-то пенял? Лесной хозяин не шутку шутил, а помощь оказывал? Вот и молодец. А то, что Татень поорал, так это сущая ерунда. Поорал, а теперь переживает, жук старый.

– И как тебя обозвать? – поинтересовался парень.

– Можешь меня трухлявым пнем обозвать, – подсказал Татень. – Или сморчком старым.

– Уговорил, – кивнул Ярослав. Подумав, сказал: – Татень – ты старый пень и трухлявый сморчок.

– Ну, это уже перебор, – деланно возмутился Татень. – Чтобы сразу и пень, и сморчок. Ты, парень, что-нибудь одно выбирай.

– Ну, коли хочешь, то пусть только пень, – милостиво разрешил Ярослав. – Пень, он все-таки покрепче сморчка будет.

Татень собрался что-то ответить, но не успел.

– Ну-ка, помолчите оба! – негромко скомандовал Крень и все послушно затихли. Кажется, даже лошади перестали ржать и звенеть сбруей.

Ярослав не понял, что привлекло внимание помощника воеводы, но скоро он и сам услышал, как откуда-то со стороны – кажется, от лесной дороги, по которой они только что выехали, послышалось конское всхрапывание, а из леса выехало три всадника. Ехали спокойно, но как-то не так, как полагается ехать приличным воинам. Вроде, отчего-то озираются по сторонам. Или это ему мерещится?

Уж не поджигатели ли пожаловали? Кажется, так подумал не только Ярослав, но и все остальные ратники.

А троица всадников, похоже, была изрядно удивлена, обнаружив, что напротив них стоят не робкие пахари, а два десятка вооруженных и конных воинов.

– А вот эту рожу я знаю! – громко заявил Татень. – Эй, морда наглая, ты ведь из дружины Врабия? Чего приехал-то сюда? Кто разрешал?

– А ну-ка, слезайте с коней! – приказал Крень. – Спешивайтесь, а иначе худо вам будет. Кто позволял чужим ратникам на нашу землю входить?

Троица, вместо того, чтобы исполнить приказ, дружно повернула коней и поскакала обратно.

– Сейчас я их наземь ссажу, коли добром не понимают – поймут со стрелой в зад, – пообещал Татень, вытаскивая из-за спины лук.

Старый ратник уже накладывал на тетиву стрелу, но Крень скомандовал:

– Живьем брать!

Троица далеко не ускакала. И силы были неравны, да и кони у поджигателей уже утомились, так что даже не понадобилось гоняться за дружинниками Врабия всем отрядом. Ярослав даже толком не успел разогнать своего мерина, как троицу взяли в клещи, а потом, не слишком-то милосердно выкинули из седел, а несколько спешившихся воинов принялись крутить врагам руки. Те, конечно, пытались сопротивляться, но из-за падения даже не успели вытащить мечи, а сила, как известно, солому ломит.

– Вяжите молодчиков, да в седло кидайте, – приказал Крень. – Отвезем их в Вельчиху, да народу покажем. Пусть воевода скажет – просто так ли повесим, на удачу, либо народу отдадим, чтобы душу отвел.

Глава 6. Неожиданность

Как и приказал Крень, поджигателей, после того как их обезоружили и надёжно связали, перекинули поперёк сёдел их же коней.

Деревенские, увидав всю картину, видимо, доложили старосте о произошедшем, и к Креню выбежал какой-то мужичок. Выглядел он довольно обычно и совсем не был похож на старосту, но, судя по поведению, это он и был.

После недолгого разговора староста чуть ли не в землю поклонился дружинникам, (видимо благодарил за спасение), затем побегал к своим деревенским, которые уже столпились, разинув рты, глядя на дружинников. Видимо, побегал рассказывать последние новости, от какой судьбы их уберегли воины из Клёстово.

Разобравшись со всеми нюансами, отряд двинулся вглубь леса по протоптанной дороге.

– А чего их нормально не посадят в сёдла? – спросил Ярослав у Татеня, наблюдая за тем, как неудобно держатся в сёдлах их недавние противники.

– Так это позволительно только тем, кто в бою был пленён. А таких, – он кивнул в сторону поджигателей и сплюнул на землю, – только поперёк сёдел и везти. А если честно, – он искоса глянул на Креня, – то я бы их вообще предложил привязать к лошадям за ноги и тащить по земле за собой до самой Вельчихи. Но Крень, видишь ли, по-своему рассуждает. Говорит, живыми их надо до деревни довести.

Несмотря на трёхдневный путь, что предшествовал всему этому приключению, да и бешеную гонку по лесу с Татенем на пару, Ярослав себя чувствовал довольно бодро, хотя ноги и подрагивали от усталости. Всё-таки хоть он и приноровился к конным поездкам, но надо быть железным человеком со стальными мускулами на ногах, чтобы выдерживать такие долгие путешествия, столь непривычным транспортом.

Он бы сейчас с радостью где-нибудь остановился да полежал, но возможности такой не было. И хоть проблему они, похоже, решили, Клёсту надо было доложить о том, что всё предотвращено. Ярослав это прекрасно понимал, поэтому скрипя зубы терпел.

При том, что дорога оказалась не такой уж и длинной. Крень говорил, что ехать минимум три часа, но доехали они гораздо быстрее. Возможно, дело было в том, что подобные поездки редко совершались со свежими конями, и поэтому дорога казалась длиннее. А может и лесной хозяин помог им быстрее добраться. Всё-таки тот в своём лесу и не такое умел.

В итоге, когда Крень вдалеке увидел дымные столбы, да знакомые очертания, дружинники принялись удивлённо восклицать, мол, как это путь занял так мало времени?

Ярослав всё чаще замечал на себе косые взгляды дружинников. Те хоть смотрели, да перешёптывались, но напрямую вопросов не задавали. Хотя, если бы и решили о чём-то спросить, вряд ли Ярослав смог бы им что-то внятное ответить. Во-первых, он не знал местных маршрутов, а во-вторых, вряд ли дал бы ответ, причастен ли к этому лесной хозяин или нет. По крайней мере, Ярослав к этому точно руку не прикладывал. Хотя, нет-нет, да доносились до него неосторожные фразы:

– Кажись, парень и вправду у лесного хозяина в любимцах, – услышал он слова одного дружинника, обращённые к товарищу.

– Ишь как, и до Язихи добрались почти сразу, а не за полтора дня. И теперь слишком уж быстро с дорогой справились. Никак тропами заговорёнными нас лесной хозяин довёл.

Но Ярослав хоть и хмыкнул не без самодовольства, но обольщаться не спешил. Ведь Нестер обладал ещё тем нравом и мог ещё успеть какую-нибудь шутку выкинуть. Да такую, что всем этим дружинникам мало не покажется.

Несмотря на дымные столбы, пожар уже был потушен. Подъезжая к деревне, почти сразу же увидели Клёста, перемазанного сажей. Он сидел на толстом бревне и из крынки пил,

судя по всему, молоко. Рядом стоял староста деревни, который жестикулировал и что-то доказывал отмахивающемуся от него Клёсту.

Дед разорвался, потрясал руками, запрокидывал голову к небу, мол, за что нам боги такое испытание послали! Но видно было, что это больше для виду. Ведь ситуация уже разрешена, опасности нет. Что дома погорели – так это не самое худшее, что могло произойти.

Однако разговор тут же пресёкся, как только Клёст увидел большую группу всадников вышедших из леса и приближающихся к деревне. И первым делом, грозно поднявшись, рублено что-то крикнул старосте.

Клёст положил руки на пояс, видимо хотел вооружиться мечом, но того не оказалось. Однако воевода не растерялся и уперев руки в бока, грузно двинулся на встречу воинам. Железный всё же человек.

Староста же, тоже увидев всадников, побежал вглубь деревни, оглашая округу криками.

Однако уже спустя пару минут Клёст увидел знакомые лица дружинников и удивлённо поднял брови.

– Крень? Татень? – воскликнул он, двинувшись навстречу своим воинам. – Уж не знаю, как вы так быстро прибыли, – без лишних прелюдий начал он. – Вы бы поберегли коней. Я когда говорил лететь быстрее ветра, имел в виду не отвлекаться и не вступать в бои. А вы же, похоже, слишком буквально мои слова восприняли.

В ответ раздался хохот дружинников.

Добрая часть дружинников поспрыгивали с коней и направились к своему воеводе.

– Мужики говорят, что поджигатели в том направлении скрылись, – тем временем Клёст, пересказывал события Креню. Он указал за спины дружинников, обозначая направление где скрылись поджигатели. – Видимо, к Вельчихе побежали. Да и верно, они на Вальчихах только не остановятся. Надо спешить, пока злоеи не добрались до следующей деревни и еще больше беды не натворили. Или сколько времени уже прошло? – он поглядел на небо, видимо, по солнцу пытаясь определить, который сейчас час.

Клёст приложил ладонь ко лбу на манер козырька и поглядел на небо, пытаясь определить, который сейчас час. Затем снова недоумённо уставился на Татеня:

– Вы как так быстро добрались-то? Никак вас не пойму, – наконец недоумённо произнёс он.

– Нас Ярика дружок провёл, лесной хозяин, то бишь, – пояснил Крень.

Ярослав чуть выступил вперёд и, подтверждая слова заместителя воеводы, сказал:

– Мы теперь у Нестера, лесного хозяина, в неоплатном долгу. И я бы об этом не забывал – назидательно произнёс Соколов, припомнив поведение Татеня, который напрочь обо всём забыл. – Всё-таки сегодня он очень выручил тебя и твоих людей, – ответил Ярослав Клёсту, увидев как у того вс=метнулись брови.

– Про нестера не забудем, пирогов ему напечём на год вперёд. Но, у лесного хозяина свой интерес, – невозмутимо произнёс воевода. – Если деревня горит, значит, и леса гореть будут. Да и после пожаров лес рубить надо, чтобы новые дома строить. Так что ему на руку, что мы здесь оказались и быстро всё потушили. И ему же на руку, если мы успеем перехватить подлых поджигателей. Как тот парень, Неплюй, говорил, эта деревня только первая, к которой поджигатели выдвинулись. И дальше они ещё много бед наделают. И неплохо бы, – он снова посмотрел Ярослава, – если бы лесной хозяин Нестер нам и в этом помог.

– А это уже ни к чему, – довольно улыбнулся Татень. – Некого уже искать. Мы уже сами тебе этих самых поджигателей привезли.

Широко улыбаясь, воин слегка отъехал в сторону и потянул за уздцы одного из коней принадлежащих пленникам, что ехали за ним. В следующий миг вперёд выступила тройца лошадок с необычной поклажей.

Клёст не поверил своим глазам.

– Эти поджигатели как раз и ехали в Язиху, – принялся рассказывать Крень. – А лесной хозяин нас именно туда и вывел, как будто знал, к чему готовятся. Мы поначалу подумали, что лесной хозяин подшутил над нами, хоть и позволил укоротить путь. Но потом мы этих молодцев увидели и всё поняли. Идут все такие осторожные, козни плетут и рассуждают, как деревню жечь будут, да мужиков убивать. А тут и мы их встретили.

Дружинники расхохотались. Клётс тоже поддержал общее веселье, похлопав Креня по плечу.

– Снимите-ка их! – отсмеявшись, приказал воевода резко изменившимся тоном, кивнув на троих злодеев.

Поджигателей сняли с сёдел и бросили на землю. Те принялись вяло шевелиться. Всё же два часа езды в неудобном положении – тут не только тела окоченеют. Им видимо к головам кровь прилила, и, похоже, неслабо укачало, потому как одного из всадников вывернуло наизнанку.

Тем временем вокруг дружинников стал собираться народ из полусгоревшей деревни. Староста, видимо, тоже подумал сначала, что чужие всадники прибыли в деревню. Однако повёл себя мужественно, собрал мужиков, и те выступили единым фронтом, видимо, хотели Клёста поддержать. Но когда увидели знакомые лица, резко поуспокоились.

А после того, как над деревней прокатился весёлый смех дружинников, да громкие разговоры, на свет из уцелевших домов повылезали и бабы с детьми и принялись глазеть на разворачивающуюся картину.

Наконец, подошедшему старосте объяснили ситуацию.

– Вот те самые голубчики. Узнаёте? – спросил Клётс.

Пара мужиков, видимо, те самые глазастые, которые увидели, где скрылись поджигатели, подошли ближе.

– Точно они! И жгли, и наших, вон, порубили.

– У, сволочи! – взъярился второй, закатывая рукава и двинувшись вперёд. Его попридержали.

Ярославу было жалко этих воинов. Он смотрел на них со своей колокольни. Да они сделали немало бед, да и простых людей убили. Но ему было трудно представить что творится сейчас в их головах. Ведь они были в окружении воинов противника, а главное перед теми людьми чьи дома сожгли и чьих земляков зарубили мечами. И, несмотря на то, что правда была на стороне Клёста и деревенских, Ярослав отчего-то чувствовал себя неловко и желал чтобы всё поскорее закончилось. Он представлял, что примерно ожидает поджигателей и был бы рад не присутствовать на суде и на предстоящей казни.

– Отдайте их нам! – потребовал староста в своей манере. – Мы-то уж им такую кару выдумаем, что они верно пожалеют о своих деяниях. Мы этих голубчиков укореним.

Слово «укоренить» Ярославу показалось нелепым и неуместным. Однако дружинники запереглядывались и по их рядам пробежал ропот.

– Да ты что, старый! – возмутился Клётс. – Даже разбойников нынче не укореняют. Зачем тебе? Да и не просто это. У вас сейчас других дел хватает.

– А что значит «укоренить»? – спросил Ярослав полушёпотом у Татеня, который стоял рядом с ним.

– Так это казнь такая, – пояснил Татень. – Выбирается дерево пораскидистее. Подкапывается с одной стороны. Туда вставляются ваги – это жерди такие. Дерево выкорчёвывают, да не полностью. Под корнями получается яма. Вот злодея, – он кивнул на троих скрюченных поджигателей, – в эту яму и закидывают. А дерево потом на место ставят.

– Да уж, – протянул Ярослав, живо представляя в голове то, что из этого может получиться.

– Те, кто покрепче, – тем временем продолжил Татень, – бывает, два дня живут, но в основном сразу умирают. Всё-таки дерево тяжёлое, оно и раздавить может. Вот это и значит укоренить.

– Жестоко, – протянул Ярослав.

Однако воевода продолжил.

– Не надо выдумывать, – отчитывал он старика. – Это и долго слишком, да и дерево можно повредить. А это нам никак нельзя. Нам сам лесной хозяин помогал этих голубчиков выискивать. А если дерево попусту повредим, когда в этом необходимости нет, лесной хозяин разобидится на нас. А он уж не для того нам помогал. Может впредь и вовсе от помощи отказаться. Так что давайте их попросту повешаем, и поделом им будет. Так и оставим их висеть в наущение.

– А допрашивать-то их станем? – спросил вдруг Крень.

Клёст невозмутимо посмотрел на троицу воинов, которые уже стали приходить в себя.

– Есть что сказать перед смертью поганой? – спросил воевода, глядя на троицу сверху вниз.

Двое воинов промолчали. Один же, тот, что постарше, сплюнул, желчно сморщившись, ответил:

– Мы дружинники своего воеводы и волю воеводы выполняли как надо. Нам не за что переживать. А то, что ты с нами сделать хочешь, пускай на твоей совести будет, воевода Клёст.

– Вы простых мужиков в расход пускали, как тати лесные, – сплюнул в ответ Крень. – Нет вам никакой чести. И нечего приказами воеводы свои деяния покрывать.

Ярослав приблизился к воинам и вдруг спросил:

– Так сколько воинов в дружине Врабия? Если он столько воинов на убой отдал?

– Уж больше, чем все думают, – продолжил скалиться пожилой воин. – Он будет князем, а вы все ответите. Уж Врабий такого точно не простит. И все деревни воеводы Клёста дотла сожжёт. Вот увидите. Врабий не из тех, кто обиды прощает и своих людей забывает.

И на что он рассчитывал? Ярослав так и не понял. Однако пищу для ума воин дал.

А Крень с Клёстом задумчиво переглянулись.

Тем временем вперёд выбежал староста и принялся вопить в своей манере:

– Да какой же это будет князь, если он своих же пахарей изводить станет? – благим матом завопил старик. – Что ж ты несёшь, окаянный? Таких князьёв мы в петлях видывали.

На завывания старика никто внимания не обратил, зато пленный ответил:

– А чего мужиков жалеть? Вас всегда много, как курей нерезаных.

Клёст же, о чём-то переговорив с Кренем, вдруг громко скомандовал:

– Татень, берите вёдра, идите за холодной водой. Перед повешением с этими молодчиками потолковать надо бы. Ты знаешь, что делать.

Глава 7. Военный совет

Народ немного поуспокоился, хотя и тут и там еще доносились причитания баб, которые либо потеряли своих близких, либо лишились домов и имущества. Но все-таки, Клест и дружинники подросли вовремя, а иначе потери были бы гораздо больше. Потери, конечно, немалые – пять домов сгорело дотла, а еще пару, хоть и удалось отстоять, но все равно придется чинить – тут пожар опалил крышу, а здесь угол обуглен, менять надо. А угол сруба менять – так половину дома разбирать придется.

Худо, что двое пахарей, пытавшиеся остановить поджигателей, погибло, да еще одна старуха не успела из дома вовремя выскочить. Есть люди и с ожогами, двое ребяташек дыма понаглотались. Но тут уже знахарь хлопочет, вылечит. А те, кто угорел, те сами отлежаться, а потом парного молочка попьют – так все само по себе пройдет.

Староста очень хотел, чтобы поджигателей «укоренили», но его не поддержали свои же мужики. Не потому, что смерть под корнями деревьев слишком жестокая, а чтобы не возиться. Деревья подкорчевывать – это возиться надо, а тут, веревка на шею, да и на сук. Опять-таки – вороны не станут наведываться на огороды, а займутся едой, которая посытнее.

Но вешать решили не в самой деревне, а подальше, а еще лучше – в лесу. Если в деревне, то дети станут пугаться, а потом оборвутся, так их еще хоронить придется. А в лесу – там есть кому мертвецами заняться.

Своих погибших решили хоронить завтра. Решили, что заодно с пахарями похоронят и старого Серпenea. Чего его в Клестово-то вести? Родни у старика нет, пусть он в здешней земле покой и отыщет. Пахари к Велесу пойдут, тот им в ирии пашенку выделит, скотом наделит, а Серпень, хотя он уже давно меч из рук выпустил, все равно пойдет к Перуну. Дружинник он, пусть и бывший, да и смерть принял в бою, как положено.

Но все-таки, все могло быть гораздо хуже. В Вельчихе подзатынули с жатвой – староста, как чувствовал, что беда грядет, не торопил народ выйти в поле, так что, повезло. Жать-то уже начали, но снопы еще не успели свезти в гумно, так что, зерно есть. А зерно – главное богатство пахаря. Будет хлеб – так и все остальное будет.

Верно, злодеи что-то не рассчитали. Думали, что все в поле окажутся, тушить некому, а мужики-то как раз с поля шли. Конечно, ратник – он не чета какому-то мужику, но если мужиков тридцать душ, да еще и с жердями, да с косами, то троих воинов они хотя бы числом сметут. Так что, поджигатели, срубив по ходу двух пахарей, удрали, успев поджечь только несколько домов.

Убедившись, что погорельцев пока приютили соседи, а дружинники накормлены и тоже устроены на ночлег, воевода Клест созвал Военный совет. Слова, правда, такого еще нет, но сам совет есть.

На Совете, кроме самого Клеста и Креня, присутствовали еще Татень, как самый старый и умудренный опытом, два десятника, а еще позвали и Ярослава. Соколову, как новичку, не положено бы сидеть на Совете, но он уже выступал в роли советника, так что, пришлось.

Клест коротко пересказал помощнику и десятникам события, что произошли в Бранске, поделился своей обидой – мол, не захотел Врабий суд божий принять, а теперь война будет. Посетовал, что подворье сожгли, значит, пока в Бранске и остановиться негде. Но подворье – это пустяки по сравнению с тем, что всех ожидает.

Ярослав посматривал на профессиональных ратников. Когда-то он читал в книгах, что воины прошлого очень радовались, если их ожидала войны и походы. А эти не очень радуются. А может, так оно и должно быть? Чтобы армия существовала именно для того, чтобы войны никогда не было? Но, увы, так не бывает. Если имеется армия, то и война будет.

– Худо дело, если свои со своими биться станут, – вздохнул Крень. – Я о таком даже не слышал.

– Да что ты? – усмехнулся Татень. – О таком даже я не слышал. Думаю, что о таком даже прадеды наши не слыхивали. Это как же так? Чтобы свои, бранские ратники, друг дружку рубили?

– Так все когда-то бывает впервые, – хмыкнул один из десятников, имени которого Ярослав не знал. – Говорят, когда-то и разбойников на белом свете не было, и мурманы только с добром приходили.

– Так и что теперь делать-то? – спросил Крень, а потом сам же и ответил. – А делать, братья-ратники, нам одно остается – насмерть драться. Потому что если не мы их, так Врабий нас. Дружинники посидели, помолчали. Потом Клест обернулся к Ярославу:

– Ярик, сколько дружинников Врабий не досчитается?

Ярослав, слегка удивившись вопросу – неужели воевода сам не помнит, но переспрашивать не стал, а принялся перечислять:

– Двух еще в городе, во время поджога твоего подворья пришили ...

– Что сделали? – не понял Крень.

– Ну, пришили – значит убили, – спохватился Ярослав, а потом попытался выкрутиться: – В тех краях, откуда я родом, если кого-то убьют – а если кто убил, неизвестен, говорят, что пришили.

Народ только помотал головами, а Ярослав подумал, что надо бы говорить нормальным языком, без жаргонизмов. А не то он в следующий раз скажет – замочили, мол, или мочканули. Объясняй потом. А ведь сколько в его мире имеется слов, означающих убийство одного человека другим!

Да, а почему говорят «пришили»? Слово «мочить», наверняка пришло из блатного языка, из фени. Мочить – от слова «мокруха». Ну да ладно, пришили и пришили. Надо базар фильтровать!

И человек из будущего опять начал подсчет:

– Значит, двое ратников в городе, еще пятерых во время засады убили, да этих трое, которых повесили.

– Значит, недостача у Врабия в десять ратников, – сосчитал Крень. – А было у него, сколько помню, четыре дюжины. Верно?

– Верно, – согласился Клест, знавший количество дружинников своего соперника.

– Стало быть, десяток в земле или на корм воронью пошел, но все равно, у него всё еще больше трех дюжин ратников. А у нас, если с новичками считать, тоже три дюжины, – подытожил помощник воеводы.

– Новичков пока лучше не считать, – вмешался Татень. Посмотрев на Ярослава, сказал: – Не в обиду тебе говорю, и не в обиду твоим друзьям. Парни вы неплохие, старательные. Но чтобы полноценным дружинником стать, вам еще пару лет поучиться нужно, да руки кровью обогреть. И мечи вы пока держите, словно баба валеж, и из лука через раз попадаете. А уж про то, как ты в седле сидишь, даже и говорить не стану. Собака на заборе и та лучше сидит.

Народ слегка хохотнул, а Ярослав и не вздумал обижаться, хотя кое с чем он мог бы и поспорить. В цель он попадает не через раз, а девять раз из десяти. И то, как они с парнями мечами работают – так тоже неплохо. А вот про коня – тут старый дружинник прав.

Но разговоры вести о новичках нет смысла. Все и так все знают. Поэтому все быстро притихли и продолжили разговор о деле.

– Но, все равно, силы почти равные получаются, – сказал воевода. – Не пойму только – отчего Врабий людей не бережет? Почитай, по дурости своей целый десяток положил. А ведь он в Бранск-то не пятерых привел, как все мы, а пятнадцать. Верно, готовился, поганец.

– Воевода, а поджигатели-то что сказали? – поинтересовался еще один десятник. Этого Ярослав знал – Шукарь. Отчего дружиннику дали такое прозвище, неизвестно, но на шуку он точно не походил. Да и не видел Ярослав до сих пор, чтобы в здешних местах шуки ловили. Кстати, прочую рыбу тоже не ловили. Вот это странно. Надо как-нибудь выяснить.

С поджигателями, перед тем, как их повесить, разговаривали Клест и Татень. А еще двое дружинников, которые оказывали помощь начальству.

– А ничего не сказали, – отмахнулся Клест. – Долдонили – мол, они приказ своего воеводы исполняли, а коли их повесят, то так тому и быть. И что их воевода Вrabий должен князем стать. Страшно, конечно, что душа в ирий не попадет, но куда же деваться-то? Рассчитывают, что Перун простит. Мол – они дружинники, народ подневольный, а воля воеводы – закон.

– Нет, что-то тут не то, – покачал головой Крень. – Не должен воевода так людьми разбрасываться. Десять человек сгубил! А каждый ратник – это на вес золота. А Вrabий сразу пятерых поджигать отправил. Повезло, что только двоих убили. А если бы всех? Доведись до меня, я бы лучше из горожан какую-нибудь голь перекадную нанял. Подождут – молодцы, получи за это расчет, а убьют – так не жалко.

– Я так мыслю – завтра мы в Клестово поедем, – сказал Клест. – А как прибудем, придется нам все силы собрать. Даже и не знаю – оставлять ли кого в селе, или нет? Но лучше нам самим против Вrabия выступить.

Ярослав, хотя он не слишком разбирался в военном деле, но про то, что лучшая защита – это нападение, знал прекрасно. На ринге, если ты сам не перейдешь к атаке, тебя победят. Так и здесь. А еще дружинникам требуется собраться. Это не погоня за поджигателями, когда раз два и выскочили, а серьезный поход, на неделю, а то и на месяц. Вот теперь придется и обоз брать с провизией для людей и ячменем для коней, и стрел побольше, и всего прочего. Магазинов и постоянных дворов здесь нет, все на себе.

– А может, на самом-то деле у Вrabия больше ратников? – подал голос тот десятник, имени которого Ярослав не знал.

– Может и больше, – не стал спорить Клест. – В прошлом году, когда мы на съезд воеводский собирались, то каждый о своей дружине докладывал. Я помню, что Вrabий о четырех дюжинах говорил. Но ратники-то от сырости не заведутся, не мокрицы. За год из пахаря воина не сделаешь, тут Татень прав – года два нужно, а то и пять.

– Я в дружинниках с четырнадцати годов, а меч в руки взял да на коня сел – лет в семь, – усмехнулся десятник Шукарь. – Если новичков наших в первом да во втором бою не убьют, так год продержаться. А коли до пятого боя дойдут – то выйдет из них ратники. Так и у Вrabия. Если он пахарям мечи дал – то это не страшно.

– Страшно, не страшно, а лазутчиков засылать надо, – вздохнул Крень. – Силы у Вrabия сметить. А еще – сам он походом на нас пойдет, или в оборону встанет?

– Нужны нам лазутчики, – согласился воевода. – Только, как их заслат? Если раньше можно было открыто проехать – мол, воевода послал, то нынче, когда у нас вражда, придется хитрить. Вот, как только схитрить?

– Может, торговцами притвориться? – предложил Татень. – Вozы каким-нить товаром заполним, да и поедем? Много вozов не надо, а пары хватит.

Помощник воеводы пожал плечами:

– Можно бы и торговцами, только товар нужен. А товар – так его еще поди, собери. Даже пара вozов – откуда взять? Соли у нас мало, не повезешь. Шкуры да холсты? Так они у Вrabия свои есть. Железо можно взять, оно у нас есть, но опять-таки, коли война, так железо самим нужно.

– Татень, как помнится, в дружине Вrabия у тебя родич был? – спросил Клест, посмотрев на старого дружинника.

– Так он и сейчас есть, – отозвался тот. – Только не родич, а побратим мой. А ты-то откуда помнишь?

– Так ты сам же мне и рассказывал, – хмыкнул Клест. – Говорил, что родич у тебя... Ну, может и я запомнил, что побратим. А говорил ты мне об этом ... лет пять назад.

– Ну-ко, я уже и запомнил, – пожал плечами Татень. – Вишь, а ты молодец, упомянул. Мы когда-то с твоим отцом, да с отцом Врабия, мурманов гоняли, – пустился в воспоминания старик. – Пришли они на торг, да наших собратьев – лесных людей решили обидеть. У лесных-то людей в лесу Золотая баба стоит, так мурманы ее решили себе утащить, Только не знали мурманы, что на самом-то деле баба не золотая, а деревянная. Просто она на солнце блестит, вот и думают сторонние люди, что это золото. А где лесной народ золото сыщет?

– Татень, ты покороче, – перебил старика Клест. Увидев, что старый ратник был готов обидеться, примирительно положил ему руку на плечо. – Не сердчай только, ладно? Вот, ей-ей, я эту историю и от отца раз десять слышал. Ты ведь тогда самолично троих мурманов срубил, верно?

Татень, собиравшийся обидеться, от такой похвалы приосанился и сказал:

– Ну, не троих, а только двоих, а твой батька тоже двоих срубил. Так вот, если бы не Елень – тот дружинник Врабия-старшего, не жить бы мне. Один из разбойников уже на меня копье нацелил, чуть пузо не проткнул, а он меня оттолкнул, а сам палицей мурмана оглоушил. Опосля боя мы с ним побратимами стали – кровь смешали, да перед Перуном поклялись, что кровными братьями будем. Потом, уже через месяц, я Еленя выручил. Не в бою, правда, а на охоте. Волков много расплодилось, мы Врабию-старшему их бить помогали. Волчара матерый Елень с коня сшиб, едва глотку не перегрыз, а я этого серого жалом копья удовольился.

На этот раз воевода не стал останавливать старика. Пусть выговорится. Но как только Татень затих, Клест спросил:

– Так может, ты отай к своему побратиму съездишь? Понимаю, что нехорошо, если ты побратима своего станешь о тайнах выпрашивать, только выхода-то у нас нет. Можно ведь нарочно-то и не спрашивать, а только о житье-бытье поговорить. Авось, Елень сам что-то и расскажет.

– Так я ведь и не отказываюсь, – хмыкнул Татень. – Съезжу, с побратимом встречусь, поговорю. Слышал я краем уха, что он чего-то с Врабием не ладил, из дружины ушел. В деревне нынче живет, что неподалеку от села. Вроде, не то охотником стал, не то даже в пахари подался.

– Но одного Татеня отправлять не след, – заметил Клест.

– Не след, – согласился воевода. Потом в раздумье сказал: – Одного отправлять не след, а много людей опасно.

– Воевода, а давай я тоже пойду? – неожиданно для себя предложил Ярослав. Предупреждая смешки, сказал: – А то, что я на коне неважно держусь, так может, это и хорошо? Кто со стороны глянет, сразу скажет – ну, какой же дружинник? Вон, как собака на заборе.

Воевода посмотрел на Ярослава, потом улыбнулся:

– А ведь и верно. И на самом-то деле – на дружинника ты не сильно похож. Зато взгляд у тебя зоркий, цепкий. Может, ты что-то такое углядишь, чего другие не увидят.

– А коли нам удирать придется? – хмыкнул Татень. – Ярик с коня свалится, что тогда?

– Так кто наперед знает – что с тобой случиться может? – резонно спросил Ярослав. – Вот, ты сам-то уверен, что конь у тебя не споткнется, или еще что?

– Тоже верно, – крикнул старый воин. – Даже Перун не всегда знает, чего дружинника ждет. Но все равно – непривычно мне с новичком-то идти.

– А еще, если забыл – Ярик с лесным хозяином дружит. А вдруг пригодится? – усмехнулся Крень. – Не ты ли недавно парня костерил, а потом спасибо ему говорил?

Татень только руками развел. Мол – был грех.

– А возьми-ка ты с собой еще одного лазутчика, – вдруг предложил воевода.

– Кого еще взять? – насторожился Татень.

– Так Жужеля возьми, – сказал воевода. – А вдруг оборотень тебе пригодится?

Старый воин такому предложению удивился. Усмехнувшись, Татень спросил:

– А оборотень-то мне на кой? Собак что ли пугать? Или коней? Так я их и сам, без всякого волкудлака напугаю.

Но воевода был настойчив:

– Так вдруг действительно, понадобится коней напугать, или собак? А оборотень может в какой-нибудь заварушке помочь. Силушки у него много, вдруг ранят кого. Он и вытащит.

– Эх, уговорил, – махнул рукой Татень.

– Ну, вот и ладно, – кивнул Клест. – Мы завтра на рассвете выедем, а вам лучше прямо сейчас и ехать. Дорога тут торная, ночь светлая, не заплутаете. Днем малость вздремнете, да снова в путь.

– Понятно, – вздохнул Татень, который все это знал и без молодого воеводы.

Татень и Ярослав поднялись на ноги и пошли к своим коням.

– Ярик, ты Жужеля отыщи, пусть к нам идет, – приказал воевода.

Убедившись, что молодой дружинник его не услышит, Клест сказал:

– Татень, я тебе советовать не могу – ты уже жизнь прожил, ратную науку лучше меня и всех прочих постиг. Одно скажу – парня этого сбереги. Как хошь, но он вернуться живым должен.

Глава 8. Рыба – спаситель человечества

Разведка началась со скандала. Пусть и небольшого, но все равно, совсем ненужного. Волкудлак, который обычно вел себя очень покладисто и дружелюбно, неожиданно заупрямился. Нет, от разведки он не отказывался, но он не желал садиться в седло.

– Только я на лошади не поеду! – уперся Жужель.

Если бы он был в облике волка, то можно бы сказать, что уперся всеми четырьмя лапами. Но так как он сейчас пребывал в человеческом обличье, то скажем, что упирался руками и ногами.

Соколов и Татень уже сидели в седлах, а теперь устало посматривали на оборотня, который неожиданно заупрямился. Старый ратник уже приготовился огреть упряма плетью, или треснуть его древком копыя, но пока медлил. Негоже идти в разведку, побив напарника.

Ярославу уже тоже захотелось обругать своего товарища. Ишь, лошадь его не устраивает.

– И чем тебе лошадь не угодила? – недовольно спросил Ярослав. – Ты же сюда верхами приехал?

– Лошадь, хотя она и дура, но не совсем, – пояснил Жужель. – Она же считает, что на ней хищный зверь сидит. Я, пока сюда доехал, весь издергался. Она меня все время скинуть норовила, да еще зубами тянулась, чтобы укусить. А когда я с седла слез, копытом припечатала. Ладно, что ехали недолго. Но у меня теперь вся задница избита. Если в волка перекинусь – там верно, вся шерсть выпала. Давайте-ка лучше я на своих четырех побегу, а лошадь пусть здесь остается. Вот увидите, что я от ваших кобыл не отстану, а вровень бежать буду. Нет, давайте я на четырех, а?

– На четырех? – удивился Ярослав. Посмотрев на Татеня, спросил: – Что, старший, может пусть он на четырех ногах бежит?

– Да пусть он хоть ползет, хоть на крыльях летит, – сплюнул в сердцах старый воин. – Пусть его ветром несет, только пора бы уже. Воевода велел сразу нам выдвигаться, а мы телимся, словно медведица, которая в берлоге разродиться не может.

Сравнение, конечно, очень интересное, но почему медведица телится, Ярослав не понял. Вроде бы, телятся коровы? Ну ладно, это тоже особенности военного «социолекта». А оборотень, на своих четырех лапах, может и на самом деле станет бежать быстрее, нежели они на конях.

– Ярик, одежду мою возьми, – выкрикнул Жужель, торопливо стаскивая рубаху и штаны.

Ага, точно. Он же когда в зверя превращается, одежду и порвать может. А потом, когда снова станет человеком, не будет же он голым ходить? Поэтому парень как мог скатал штаны и рубаху, пристроил их в переметную суму, а Жужель, тем временем, успел перекинуться в волка.

Лошади, завидев хищного зверя, заржали, запрыгали, а жеребец, на котором ездил сам Клест, подскочил ближе, чтобы вступить в бой с серым. Но Жужель, не дожидаясь, пока его прибьют копытами и закусаят до смерти, шустро помчался вперед. Вот, кажется только здесь был, а тут только серый хвост и шерстяная задница мелькнули – и, нет его. Так ведь волк все-таки.

– Ну что, погоняем волка? – похлопал свою лошадь по спине Татень.

Ехали они всю ночь, потом весь день. Но лошадей берегли, давая им остановки через каждые три часа. Сами же даже не ели толком, а только попили воды, да пожевали черных сухарей, которые выдал Татень. Оборотень, правда, хотя и напился воды от души, но от сухарей отказался. Он даже в человеческий облик перекидываться не стал.

– А что ты хочешь? – хмыкнул Татень. – Ежели парень волчью шкуру на себя нацепил, он может долго без еды бегать. Зато, когда есть захочет – станет на неделю вперед жрать.

Вот так вот и ехали до самого вечера, пока Татень не решил, что коням нужно дать долгий роздых, да и людям бы он не помешал.

Ярослав почти сполз с седла. Ноги слушались плохо, а задница словно деревянная. Так вот, на плохо гнущихся ногах, сделал несколько шагов. Но превозмог себя, принялся собирать хворост на костер.

– Э, парнек, подожди, – остановил его Татень. – Все-то ты забыл, торопыга. Сначала кони, а уж мы-то потом. Ах ты, бестолочь...

Ярослав не обиделся. Ведь и на самом деле, он бестолочь. Кони-то сами о себе не позаботятся. Но от лошади порой зависит жизнь воина, это да. А Татень, не стал ему читать нравов учений, а попросту помог расседлать мерина. Проведя ладонью по спине Мирного, с удовлетворением сказал:

– Спина чистенькая, не сбита. Молодец, бережешь мерина. Ты его бережешь, так и он тебе добром отплатит.

От похвалы старика парень словно зарделся. А то, что спина у мерина не сбита, так в этом заслуга самого Татеня. Ведь это старый ратник научил его седлать коня так, чтобы и седло положить ровно, и чтобы между подпругой и лошадиным телом входила ладонь. Туго затянешь подпругу – лошади дышать тяжело, дыхание собьет, а слабо – так сам свалишься, вместе с седлом. А вообще, если вспомнить, то это Татень, несмотря на его ворчание, а порой и ругань, заботился о нем больше всех. Сказал бы – прямо-таки по-отечески. Ведь это старый ратник научил его правильно вздевать броню, подтянул ему ремень на перевязи меча, так что теперь и меч не бил по коленям. А ведь в таких мелочах и состоит повседневная жизнь дружинника. А ведь остальные даже и не подумали бы, что парня всему нужно учить. Их-то самих учили либо отцы или старшие братья и все эти тонкости они воспринимали, как само-собой разумеющееся, а то, что другие чего-то не понимают – так сами виноваты. Так что, спасибо старику за заботу. А то, что он иной раз покрикивал, так это мелочь. Старый Татень не только на него, но и на остальных может покричать. Даже как-то на Креня наорал, а тот стерпел. По делу тогда старик наорал, а коли по делу – то нужно старика поблагодарить. Единственный, на кого ратник не повысил ни разу голос, так это воевода. А разве его собственный отец, оставшийся где-то далеко-далеко, на него не кричал? А уж про мать и бабушку вообще можно промолчать. Ярослав с улыбкой вспоминает теперь, как он с друзьями играл в футбол, а потом залепили мячом в окно соседей. Ух, долго бабуля их потом крапивой гоняла!

Но все это было давным-давно. Теперь он не мальчишка, а воеводский дружинник. Стало быть, и вести себя надо соответственно.

Теперь, когда кони были напоены, им задали дробленый ячмень – пожуют, а потом могут и травку поесть, можно позаботиться и о себе.

И, удивительно, пока занимался меринком, вроде и тело стало послушнее. И вопросы, о которых во время скачки позабыл, опять вылезли.

– Татень, спросить хотел – почему у Шукаря такое странное имя? Вроде бы, он на щуку совсем не похож? – поинтересовался Ярослав.

Он вспомнил, что в советской литературе – не у Шолохова ли? был такой персонаж – дед Шукарь. О деде он мало что помнил, разве что, что старик как-то был оставлен за кашевара, взял воды из пруда, а там оказалась лягушка. Лягушку сварили, а потом она попала кому-то в миску. Но книгу Шолохова они проходили по внеклассному чтению, а кто же читает книги, за которые не ставят отметки? Напрочь не помнил, отчего старика Шукарем прозвали? Может, за выпуклые глаза? Эх, если бы вернуться, он бы все книги перечитал. Но куда там.

Татень был занят важным делом – варил все тот же походный кулеш. Старый воин старательно размешивал крупу, готовясь засыпать туда тонкие полоски сухого мяса. Махнув деревянной ложкой, ратник пояснил:

– А Щукаря, когда он мальцом был, щука едва не утопила. Он купаться пошел, а там щука. Рыбина его за пятку схватила, а потом в омут потащила, – Почесав бороду, дружинник сказал: – Наверное, то не щука была, а сом. Но парнишка, когда выскочил, орал благим матом, что щука его тащила. Вот так и приклеилось прозвище.

Ярослав не слишком верил, что существуют такие сомы, что способны утащить в омут ребенка. Хотя, кто знает? Сомы, вроде бы, хищники и падальщики. В его мире огромные сомы повывелись, а вот здесь они могут быть. Их же никто не ловит. Кстати, а почему не ловят?

– Татень, а почему в ваших краях рыбу никто не ловит?

Татень остановился, словно вкопанный, словно бы услышал нечто такое, что слышать нельзя. Или Ярослав сказал какую-то ересь или святотатство.

– Да ты что, парень, как можно рыбу ловить?

– Ну, у нас ее ловят, уху варят, на сковородке жарят, даже в пироги запекают, – сообщил Ярослав, но по взгляду старого дружинника понял, что сказал что-то не то.

– А у нас рыбу только кошки едят, – сообщил Жужель. – А люди должны есть хлеб и мясо. Ну, репу еще с редькой.

Во, а об оборотне-то они забыли. Оказывается, что волкулак уже сам пришел, а теперь вольготненько разлегся у костра. Видимо, в человека он превратился раньше, поэтому кони не забрыкались и не заржали. Появление оборотня как-то «разрядило» обстановку и снизило накал возможной ссоры. Хотя из-за чего могла возникнуть ссора, Соколов пока не понимал. Зато он помнил, что кошкам слишком часто есть рыбу вредно, от этого у них мочекаменная болезнь бывает.

– Ты бы штаны надел, да рубаху, – посоветовал Татень оборотню. – Лежит тут, голым задом сверкает. Щас вот как возьму головяху, да по заду и вытяну.

– А чего, ты голого зада не видел? – огрызнулся Жужель, но послушно пошел к мерину Ярослава, и принялся вытаскивать свою одежду. Знает ведь, что Татень и на самом деле может вытянуть. Конечно, не головней, а рукой, но рука-то у старика тяжелая.

– Если ты среди людей, то голым ходить только в бане приличествует! – наставительно произнес Татень. Потом спохватился: – Ох ты, чуть кулеш-то наш не убежал.

Но кулеш был спасен, старый дружинник вовремя успел стащить котелок с огня, потом засыпал-таки в крупу мясо. Оставив котелок в сторонке, накрыл крышкой, чтобы еда «настаивалась», вздохнул:

– Ты, Ярик, в каких-то диких краях вырос. Ну, скажи-ка сам – разве можно своего спасителя есть? А эти, которые в волчью шкуру рядятся, еще и кошек рыбой кормят. Так бы вот, по башке им и дал. Нет, спасителя есть нельзя.

– Спасителя? – удивился Ярослав. Спасителя он представлял себе по другому. Все-таки, считал себя православным, хотя и в церковь ходил редко. Но бабуля всегда заставляла крестить лоб перед едой.

Он все равно не понимал, каким боком рыба может быть чьим-то спасителем? Сам-то он, допустим, не очень-то любил рыбу из-за ее костей, а вот мать и бабушка рыбу обожали.

Отчего-то вспомнился старый мультик про барона Мюнхгаузена, где доблестный барон спасает пиратов, которых проглотил не то кит, не то огромная рыба. Там еще песенка была.

Мы навеки остаться могли бы,
В животе удивительно рыбы,
Если б ты нас от смерти не спас,
Если б ты не помиловал нас.

Но в чем-таки связь? Одно дело, если кого-то спасают от рыбы, совсем другое – если рыба кого-то спасла.

Тот же самый вопрос теперь мучил и оборотня.

– Татень, так ты расскажи, как рыба человека спасла? – спросил Жужель, теперь принявший совсем человеческий вид. В рубахе и штанах. Они, правда, отчего-то дырявыми стали, но для оборотня это неважно.

Старый воин решил-таки сменить гнев на милость. Ну чего взять с бестолкового народа, который не знает, что рыбу есть нельзя?

– Вот, как поужинаем, так и расскажу, – пообещал ратник, подтаскивая к себе котелок.

Оборотень от ужина отказался. Дескать – вот, ночь настанет, так он опять волчий облик примет, и на охоту сходит. Зайцев тут много, глядишь, пару косых он добудет. Ярослав хотел попросить, чтобы Жужель и им притащил парочку зайцев – испекли бы, но не стал. Еда у них есть, зачем зайчиков обижать?

А то, что от кулеша отказался, так ему же хуже. Зато им с Татенем больше достанется.

Ели молча, по очереди зачерпывая кулеш. Ужин походный опять показался вкусным. Так еще на два или три дня. А потом захочется какого-нибудь разнообразия.

Но за едой Ярослав нет-нет да и посматривал на старого ратника – не начнет ли тот рассказывать историю. Но Татень только хитровато улыбался, отправляя в рот очередную ложку. Ишь, тянет время, паузу держит.

Но все-таки, когда все было съедено, а ложки и котелок вымыты, старый дружинник приступил к рассказу.

– Давным-давно это было, – начал старик с традиционного предисловия. – Так давно, что никто и не помнит, когда это было. На свете не то, что первого князя нашего Брана, но даже его отдаленных пращуров не было. Если по годам считать – не сосчитаешь. И жил на земле человек, чье имя уже никто и не помнит, да и кому нужны имена? Тот, что однажды маленькую рыбеху спас. Та совсем крошечная была, ее не то что окунь, так и карась мог бы съесть. Приплыла эта рыбка и попросила – укрой меня от лихих врагов, да от злых людей. Я маленькая еще, поэтому меня всякий съесть норовит. Понятное дело, что поначалу-то прапращур наш чуть умом не тронулся. Где это видано, чтобы рыбы разговаривали? Может, в воде-то они и говорят, но на суше они все молчат, только пастилки открывают. Но прочухался, понял, что это не бражка вчерашняя в нем говорит, а настоящая рыба. А она просить умеет! Жалко человеку стало рыбку. Посадил он ее в чашку, а та возьми, да и начала расти. Пересадил в кувшин, так и из кувшина рыбка выросла. Потом он для нее прудик выкопал, но рыбка и размеры пруда переросла. Делать нечего – отнес он ее к речке, которая в море впадает. Мол большая уже, не пропадет.

Отнес, да и забыл о ней. Шли годы, а однажды река из берегов вышла. Выбежал человек, а оказалось, что это его рыбка из моря в реку вошла. Но такая она была огромная, что вода выплеснулась. И говорит тут рыба-гигант: «Ты меня спас человек, теперь я тебя спасу. Род и Рожана, которые весь мир создали, решили людей утопить. Устали они смотреть, как их дети друг друга убивают. Вот, этих они утопят, а новые дети станут гораздо лучше и добрее, чем прежние».

Татень сделал паузу, кивком попросил воды. Все-таки, рассказ длинный, в горле пересохло. Ярослав быстренько сбегал к роднику, набрал воды и притащил старику. Тот не спеша напился, опять-таки не спеша огладил бороду, и продолжил:

– И говорит ему рыба – мол, садись на меня, и семью свою бери. А тот вначале отнекивался, не верил, что боги их убьют, но увидел, что вода уже с неба течет. Да так течет, словно с неба огромная река хлещет. Посадил на рыбу семью, скот на нее загнал, да и сам зашел.

И вот, вода текла много-много дней, а сколько именно, никто не знает. И все, кто на земле жил – и люди, и звери, все утонули. А как только вода сошла, то увидели, что вдалеке земля есть. Приплыла туда рыба, и сошел человек и его семья на сушу, скот согнал.

И стал этот человек тут жить, и от него, от его семьи пошли новые люди. И поклялись все, что отныне, они рыбу не станут есть. Ведь если бы не она, то неизвестно, кем бы Род с Рожаной землю заселили. Может, мухами али пауками какими?

Татень замолк, опять огладил пышную бороду. Верно, был очень доволен собой. Все-таки, не так и часто старый ратник рассказывал так долго.

– Татень, а вот ваши друзья – лесные люди, они же рыбу едят? – поинтересовался Ярослав. Он же помнил рассказы про лесной народ, который хлеба не растит, а живет только охотой, да рыболовством.

Но сбить с толку старого ратника было сложно. Он посмотрел на парня сверху вниз, и пренебрежительно фыркнул:

– Так у них свои боги, свои правила. Им рыбу есть ихняя богиня разрешила. У них богиня вод – Йомала. Она и людей лесных создала, и рыбу, и зверя. Но это их дело, кого есть, нас оно не касается. Мы своих богов чтим, но и чужих уважаем.

– Йомала – это баба деревянная, которая как золотая выглядит? – уточнил Ярослав.

– Эх, Ярик ты Ярик, вот зря я тебя хвалю, – почти ласково упрекнул старик. – Баба деревянная, это не сама Йомала, а ее облик. А сама богиня в лесах живет, а к народу один раз в год выходит, когда летнее солнцестояние. Понял, бестолочь?

– Понял, – только и ответил Ярослав. А сам едва не рассмеялся и удержался чтобы не подшутить над старым воином. Ну, что поделать, если он такая бестолочь? Не понимает, как такое возможно, чтобы деревянная баба была обликом какой-то богини вод, а сама богиня по лесам болтается. Ну так, век живи, век учись. Правда, как говорят – все равно дураком помрешь.

Глава 9. Разведка

Прежде чем оказаться на территории воеводы Врабия – Ярослав, Татень и Жужель – пересекли земли воевод Беляя, Замайло и Лиса.

При том, что каждый раз, когда они оказывались на той или иной территории, Ярослав и без комментариев Татень понимал, что они чем-о да отличаются. И это было удивительно. Он совершенно не мог объяснить, почему так происходило, но он нутром чувствовал, что оказывается на чужой земле, будто трава там была иная, да воздух пах иначе.

Как понял Ярослав, земли воевод, пускай и были не идеально равно распределены, но будто лучами расходились от главного центра, а именно города Бранска. Причём сёла воевод находились где-то в глубине территорий, будто специально располагались как можно дальше от города.

Если так представить, то в центре находилась столица – сам город Бранск, потом шло множество деревень, и на окраинах территории находились сёла воевод, которые, видимо, должны были защищать их небольшое государство от угрозы извне. В принципе, в этом был смысл.

По крайней мере, именно в этом и состояла задача воевод – охранять своих людей от врагов извне. И как выходит, что такая тактика и междоусобица, наоборот, сыграла плохую службу. Ведь Вrabий повёл свои войска и на пути у него было не село воеводы, а деревня. И тут уже основным фактором было наплевательское отношение самого Вrabия к простому люду, который готов был ими жертвовать, и положительное отношение Клёста, который своих в обиду давать был не готов.

И если бы не помощь лесного хозяина Нестера, хитрая задумка Вrabия вполне бы удалась. По крайней мере, Клёст, даже зная о таком подлом плане, всё равно бы не оставил своих людей на произвол судьбы и постарался бы приложить все силы для того, чтобы спасти деревни и простой люд.

Как не устал Ярослав за последние дни, они и сегодня скакали на конях до самого вечера. И хоть Ярослав уже всерьёз вымотался, однако терпел и не сдавался.

Во-первых, тренировка тела тоже будет не лишней. Во-вторых, дело превыше всего. Он бы не хотел, чтобы его слабости послужили причиной срыва разведывательной миссии.

Оборотень Жужель, проявив чудеса выносливости, сначала бежал на своих двоих, при том, что бежал он довольно быстро, явно быстрее обычного человека. Но вскоре ему это надоело, и он опять перекинулся в волка.

Жужелю опять пришлось снимать с себя одежду и отдавать ее ратникам. Как сказал оборотень – не хотелось сверкать голым задом. Ярославу это показалось наивным, но он к этому отнёсся по-доброму. Всё-таки несмотря на сущность зверя, таящуюся в этом человеке, сердце у него было доброе и, он бы даже сказал, невинное.

Проскакав вглубь земель Вrabия и старательно огибая деревни и любые населённые пункты, они, наконец, присмотрели себе небольшую рощицу, где и решили остановиться на ночлег.

Костёр не разжигали, быстро перекусили сухпайком так же захваченным с собой, и разместились на ночлег.

Жужель, так и не перекинувшись в человека, попросту свернулся калачиком между двумя воинами. С одной стороны, это было странновато, ведь под личиной человека был здоровенный детина, хотя он и пах мокрым собачим мехом, (или шерстью?) С другой стороны, его тело было довольно горячим, от этого было тепло, что спасало от ночного холода и сырости.

Однако, немного полежав, волк-таки схватил с попоны коня свою одежду, и, отойдя в лес, перекинулся обратно в человека.

– Не могу я так всё время зверем, – пояснил он на недоуменные взгляды Ярослава и Татень. – Человеком тоже хочется побыть.

Тем временем Ярослав и старый воин опять завели нехитрую беседу. Хотя спать и надо было, сон никак не шёл. Не лежать же просто так, глядя на звёздное небо.

– А этот твой Елень нас точно не сдаст? – спросил Ярослав, выискивая на небе падающие звёзды. – Я понимаю там дружба и всё такое прочее, но всё-таки он живёт на территории другого воеводы.

– Долг воеводе безусловно важен. Но и наша дружба священна. И если не вынуждать Еленя нарушать слово, данное воеводе, то и он нашу дружбу предавать не будет, – ответил Татень.

– А как такая дружба у вас получилась? – спросил Ярослав, хотя он уже слышал о том, как ратник Врабия-старшего спас его наставника. Пусть еще раз расскажет.

– Ну, мы с Еленем не в одной битве участвовали, – пожал плечами Татень. – еще когда батюшка Клёста был жив, да отец Врабия здравствовал. Мы тогда не раз вместе ходили мурманов бить, до других залётных разбойников. Я ведь рассказывал, как Елень меня спас, а потом и мне довелось его выручить. Но я же тогда не все рассказал. В последний раз, когда мы бились бок о бок с Еленем, мы тогда уже, не сговариваясь, становились недалеко друг от друга в бою. Меня ранило копьём в плечо, вот сюда. – Татень махнул рукой куда-то в область левой ключицы. – Так Елень меня прикрывал, а потом и вовсе с поля боя вытащил, чтобы меня лекарь исцелил. Его тогда в другое плечо стрелой ранило. Вот тогда мы кровь свою смешали, сделавшись кровными братьями, и перед Перуном клятву дали, что навеки теперь братьями будем и друг друга прикрывать станем. Он мне теперь роднее любого, кто наши земли топчет, даже из дружины Клёста. Даже и ты, хотя и люб ты мне, словно сын, но побратим роднее. Пускай мы с ним давно не виделись, но наша дружба с годами только крепнет.

Жужель, что усевшись на землю и обхватив колени, слушал рассказ воина, недоуменно покачал головой.

– Нет, мне ваши людские традиции не понять, – произнёс он.

– Так это не мудрено, – хмыкнул Татень.

Но Жужель лишь махнул на него рукой.

– Мы ведь не воины. Мы поклялись, что воевать не будем. Видимо, поэтому и не бывает у нас таких случаев, при которых нам нужно друга прикрывать и рисковать жизнью в бою. Но было и другое. Например, мы охотились на оленей, на лосей. Бывало такое, что и от медведей отбивались всей стаей. Но никто так сильно не был ранен или убит. Видимо, вы знали, что ходите по краю и могли умереть, потому и решили пройти этот путь вместе. Наверное, поэтому друг за друга стали держаться. Глядишь, послужу в Клёстовой дружине, и тоже себе такого товарища найду, – он кивнул на Ярослава. – По крайней мере, тебе я очень благодарен за то, что спас меня.

Ярослав благодушно улыбнулся.

– Ладно, спать давайте, – скомандовал Татень. – Завтра ни свет ни заря надо отправляться, а к полудню уже будем в деревне Лунёвки. Я пока покараулю, потом тебя разбужу, – он кивнул Жужелю. – Ты, Ярослав, сегодня спишь. Избавим тебя от дозора.

Ярослав не сопротивлялся.

Поутру его и вправду разбудил Жужель. Несмотря на то, что Ярослав спал мало, да и умаялся за прошедший день, подорвался он сразу. И хоть мышцы ломило, но он довольно быстро промыл глаза росой и перекусил вяленным мясом.

Дальнейший путь прошёл довольно быстро, и наконец, спустя часа четыре, они остановились на границе леса, за которым начинались поля, а потом открывался вид на деревню.

– Коней здесь оставим, – командовал Татень. – Пойдём вместе. Тебя, Ярослав, представлю своим сыном, – сказал старый воин. – А ты... – он посмотрел на Жужеля, который так и оставался в облиии волка, – с нами пойдёшь, будешь нашим питомцем. Есть возражения?

Волк совсем по-человечески помотал головой из стороны в сторону.

– Вот и хорошо.

Татень критически осмотрел небольшой отряд, немного подумал и сказал:

– При оружии идти нельзя. Пускай это и опасно, но идти в полном снаряжении – это местных будоражить, а так может сойдём за простых путников. Поэтому надо здесь оставить доспехи и оружие, и коней тоже.

Быстро раздевшись и сняв с себя лишнюю одежду, только ножи под рубахи упрятав, они направились в сторону деревни.

Очень быстро Татень свернул к одной из изб, стоящих у дороги. Оттуда как раз выходил какой-то мужчина, который при виде Татеня распахнул глаза и, громко рассмеявшись, бросился к другу.

– Татенёк, дружище, как давно я тебя не видел!

Мужчины обнялись, похлопали друга по плечам. Затем мужчина вдруг осёкся:

– А ты чего это здесь? – спросил вдруг он, с прищуром оглядев сначала Татеня, потом Ярослава.

– Да вот, хотел с тобой потолковать по поводу того, что происходит.

– Сам решил прийти, али по поручению воеводы?

– И так, и так, – произнёс Татень. – Тебе-то, как я слышал, дела уже никакого нет до разборок воевод.

Мужчина, судя по всему, тот самый Елень, поджал губы.

– Ладно, заходи ко двору. Не следует здесь разговоры вести, лишнее внимание к себе привлекать. Заходи в избу, а там уж потолкуем.

Внутри изба была довольно светлая, хоть и пыльная. Сразу видно отсутствие женской руки. Видимо, не было у Еленя супруги или ещё кого-то, кто мог бы поддерживать дома уют.

– Небось, голодные с дороги? – спросил мужчина и, не дожидаясь, принялся варганить какую-то похлёбку.

Татень друга не торопил. Видимо, давал тому время всё хорошенько обдумать и понять, как себя вести.

Ярослав же совершенно не сопротивлялся и не возмущался. Он, наоборот, очень рад был возможности отдохнуть. Он попросту вытянулся на лавке и сам не заметил, как снова провалился в сон.

Проснулся он рывком от голоса Еленя. Сколько прошло времени, Ярослав не знал, но на столе уже стояла тарелка с дымящейся похлёбкой. А рядом сидел Татень.

– Давай-ка, Ярик, поднимайся и покушай. А потом разговоры будем разговаривать.

Ярослава уговаривать не надо было. За эти дни он очень соскучился по горячей еде. И быстро справившись с горячей похлёбкой с хлебом да квасом, принялся слушать.

А Елень, который то и дело то хмурился, то чесал бороду, будто явно на что-то решаясь, наконец заговорил:

– Думаю, сам понимаешь, что не зря я из дружины ушёл, – наконец произнёс он, искоса взглянув на друга. – Когда наш старый воевода умер, ещё держался за службу. Но молодой Вrabий совсем из-за жажды власти голову потерял. И с каждым месяцем вёл себя всё хуже и хуже. Простых мужиков шпынял, требовал с них непомерные подати. А кто недоволен был, того мог и высечь. А то и приказать прибить. Пытался заставить мужиков науку ратную изучать. Но когда тем... Им пахать надо в поле. Но Вrabий требовал, чтобы они ещё и военную повинность несли. И это ещё самое простое. Идей у него была масса, и каждая лучше другой. Только от этих его идей простой люд страдал, да у дружинников руки покрывались кровью своих же.

Я этого долго терпеть не стал, и быстро сказал правду, что по его правилам жить не буду. Он мне угрожал даже. Говорил, что не отпустит меня просто так, а только через смерть. Я ему и сказал, что коли так считаешь, забирай жизнь. Но честь дружинную у меня никто не отнимет. Так меня и отпустили на вольные хлеба. Я вон себе домик отстроил знатный. Пытаюсь вот охотой промышлять, да другими делами. На хлеб с солью хватает. Что до остального – тут уж как жизнь повернётся. Глядишь, найду себе ещё молоденькую бабёнку, да может, детишек заведу, или вдовушка будет, с детками – тоже неплохо.

– А Врабий-то что? – перевёл Татень разговор в интересующую его тему. – Я слышал, ты уже два года как ушёл из его дружины. За эти два года есть какие-то новости, чем он занимался?

– Я слышал, что он готовился основательно к тому, чтобы сесть в Бранске как князь. Слышал, что он готов был даже свою дружину против других братьев воевод пустить, если те будут противиться. Но, как я знаю, что-то пошло не по плану. И вернулся Врабий сам не свой. Да только откуда-то у него воины в дружине появились, которых раньше не было. Кто такие, я не знаю. Не интересовался. Это мне один мой старый друг в парадной службе рассказал. А в остальном же... – он вдруг замолчал и призадумался, то и дело поглядывая на Татеня.

– Я тебя неволить не стану, – произнёс соратник Ярослава. – Говори, что можешь. А что не можешь, не говори. Прекрасно понимаю, что хоть ты и не служишь своему воеводе, но вредить ему или нарушать клятву, данную его отцу, не станешь. В любом случае, главное, что цель, которую я преследовал – это тебя повидать. А то при всех этих событиях вдруг больше и не увидимся никогда. А мне это было бы тяжело пережить.

– Плохое он задумал, – вместо ответа на любезность произнёс Елень. – Как мне сказали, пока Клёст будет отвлечён на спасение своих деревень... – Елень стрельнул глазами на Татеня, будто проверяя, в курсе ли тот этой информации.

Татень же согласно кивнул.

– Ну так вот, пока Клёст будет заниматься спасением деревень и, скорее всего, выведет дружину из села Клёстово, а сам Врабий пошёл окружным путём. Сначала с того направления, откуда Клёст его не ждёт, он захватит село Клёстово, перебив защитников, а потом пойдёт по следам воеводы, чтобы ударить ему в спину и разбить. Понимаю, что сейчас преступление совершаю перед богами, но я по-другому не могу. Пускай уж я буду клятвopреступником, чем буду злодействам потакать.

Глаза Татеня расширились.

– Так это он что такое задумал-то? Это же совсем нечестно!

– О том и речь, – покивал Елень.

– Так надо срочно в дорогу пускаться! – тут же засуетился Татень. – Надо Клёста предупредить.

– Да куда уж вы на ночь глядя пойдёте? – произнёс Елень.

Ярослав с удивлением увидел, что за окном действительно уже начало темнеть.

– Переночуйте здесь, а завтра я вас с первыми петухами подниму, да в путь отправлюсь. В любом случае, вы так и так опередите Врабия. Слишком уж он длинный маршрут выбрал.

Ярославу спать не хотелось, но и сейчас он спорить не стал. Всё-таки его тело требовало отдыха, а после горячей пищи ни о чём другом, кроме как о тёплой постели, он больше думать не мог. Его мышцы требовали хоть какой-то разгрузки и отдыха. Тем временем он думал о Врабии и о его смекалке. Всё-таки план он придумал прекрасный. Ведь, если бы не помощь лесного духа, Клёст до сих пор бы не добрался до своего села. По крайней мере, с учётом того, что тушил бы пожары в деревнях, подожжённых людьми, подосланными Врабием.

Однако ход с отправлением гонцов в родное село был довольно предсказуем. И всё было разыграно будто по нотам.

А как раз сейчас, быть может, Ярослав с Татенем без помощи Нестера только добрались бы до села Клёстово. И оттуда как раз бы собрали дружину и отправились на помощь

своему воеводе. В итоге, уменьшив количество воинов в селе, что сделало бы Клёстово лёгкой добычей. А там пока войска не спали ночами, пытались бы бороться с пожарами, спасая людей. Врабий бы потом, после захвата Клёстово, застал бы врасплох воеводу и его людей, умаявшихся, не готовых к бою.

Видимо, сказывалось то, что Ярослав проспал почти весь день и спал он тревожно. Ему снились беспокойные сны, в которых конные дружинники сходились в бою, а из-под копыт животных вверх взмывали какие-то ростки, что опутывали и воинов, и коней, связывая им ноги и опутывая их с ног до головы. Потом эти ростки куда-то исчезали, а на месте оставались лишь изъеденные временем костяки.

Во время этого сна Ярослав сохранял удивительно чистое сознание и был сторонним наблюдателем, однако смысл этого сна понять никак не смог. И в итоге, когда его разбудил топот ног и беспокойные возгласы Еленя, почти сразу поднялся, будто и не спал.

– Татень, Татень, вставай! Беда! Не углядел, дурак старый!

– Чё? – не понял Татень, поднимаясь.

– Беда, говорю.

– Какая беда? – тут же подскочил Татень, будто и не храпел минуту назад.

– Я сначала не сразу понял, что произошло, только потом узнал. Наш староста, чирей ему на копчик, как чужаков увидел, вас то бишь, так к Жаворонку сразу же людей послал. Не сразу, так бы я узнал, а чуть попозже, я только сейчас это понял.

– Жаворонку, кто такой Жаворонок? – тут же спросил Татень.

– Так это помощник Врабия, правая рука его. Ты хоть и переоделся в простую одежду, но воина в тебе за версту видать. Видимо, и староста что-то понял. Вот он и послал за дружинниками, а я, дурак старый, сразу и не распознал, куда это наш Прошка – гонец старосты, умчался. Вот я пол ночи не спал, размышлял, и теперь всё сошлось, и на свои места встало. Бежать вам надо, срочно. Потому как если дружинники сюда нагрянут, да вас без оружия застанут, ничем хорошим не закончится.

Хоть Ярославу и показались странными предположения Еленя, но Татень воспринял их всерьёз, и направился к Ярославу, явно намереваясь растолкать того.

– Я уже не сплю, – поднялся парень со своей лавки.

– Тогда отправляемся.

Татень покосился на Жужеля, что тоже, наострив уши, наблюдал за беседой.

– Может, ты с нами? – спросил Татень своего старого друга. – Тебя ведь и казнить могут за это, особо не разбираясь.

– Нет, – покачал головой Елень, – здесь моя земля, не уйду я. А в остальном это ведь и мои дела. Если осуждено умереть здесь, значит, так и умру. Воеводу я не предавал, по крайней мере, ни того, кому давал присягу, да и побратима я спасти обязан.

На том и распрощались. В спешке покинули дом Еленя и бросились к тому самому месту, где были кони и снаряжение.

Добравшись до места, быстро облачились в доспехи, опоясались мечами и, растормошив посапывающих коней, пустились в обратную дорогу.

Шли долго. Старались не торопиться, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Всё так же петляли, огибая деревни и жилые поселки. Как раз люди стали просыпаться и отправляться на работы. Нет-нет, мимо пробежали дикие зверята, порой даже не обращая внимания на двоих всадников и люто выглядящего волка, что бежал рядом с двумя конями.

На привал решили остановиться за полдень. Присмотрели аккуратную полянку и принялись жевать сушёное мясо.

– Ты, Ярик, запомни простую науку, – глядя на парня, пояснял Татень. Он за эти дни довольно много чего ему рассказал о ратной науке. Ярославу это было приятно. – Без меча

на чужой земле вообще никуда не ходи. Даже по нужде с ним не расставайся, ведь никогда не знаешь, где тебя враги могут застать.

– А как же мы ходили к Еленю без оружия? – не удержался от вопроса Соколов.

– То дело другое. Там нельзя было внимания к себе привлекать, – пояснил Татень. – А в остальном же, в любое другое время, с оружием в обнимку спать должен, как с девкой любимой. Немного помолчали, а потом Татень вдруг произнёс:

– Хотел я представить тебя как сына, – произнёс он. – Да вспомнил, что Елена так просто не проведёшь. Да и врать побратиму не хотелось. Он ведь знал, что жена моя да сын малой давно уж как померли от болезни. И с тех пор вот вдовствую.

Ярослав никогда не знал, что в таких ситуациях нужно говорить, поэтому молча слушал воина.

– Многие спрашивают, чего я другую жену не завёл. А вот не могу. Никого лучше своей Миланки так и не встречал. Молодухи заглядываются, но я их и близко не пропускаю. Никто мне Миланку не заменит. Она ведь мне сына родила. Пускай тот умер. Другого сына мне не хотелось. А вот на тебя, Ярик, смотрю и думаю, хороший ты парень. И науку ратную быстро схватываешь. На тебя все не нарадуются.

В этот момент оборотень опустил морду, будто засмутился, и, развернувшись, направился куда-то в лес. А Татень на него только махнул.

– Ну его, этого шерстяного, – и продолжил рассказ: – Не пойми неправильно. Ты уж на меня не сердчай, что я тебя порой поучаю, но ты уж поверь, я что знаю, тому тебя научу. А если не подведёшь и проявишь себя как настоящий воин, я тебе свой меч оставлю, как наследие передам.

Ярослав от такого немного смутился. Он ещё не особо хорошо разбирался в местных порядках, но знал, что меч для ратника – нечто сакральное. И такое заявление для него было немного удивительным. Ведь он вообще не из этого мира. Для него этот меч не представлял той ценности, что для других людей этого мира. Да и вообще надеялся однажды домой вернуться.

Однако такое отношение к себе оценил. И посмотрел на Татеня совсем другими глазами. Если до этого он ему казался сварливым стариком, то сейчас у него что-то в голове сложилось, и он увидел за этим опеку, пускай и сварливого, но родителя. Чего-то такого ему в последние годы очень не хватало.

Он расплылся в улыбке и только сказал:

– Спасибо тебе, Татень. Для меня это очень важно.

В этот момент раздался какой-то треск. Ярослав отмахнулся, было подумав, что это оборотень гуляет. Но тут до него дошло, что оборотень скрылся в другой стороне, да и ходит бесшумно. Он обернулся, прислушавшись. Татень тоже умолк, насторожившись и положив руку на меч.

В этот момент на дальнем краю поляны зашевелились кусты, а следом появилась человеческая фигура. Это был воин в полном доспехе с обнажённым мечом. Ярослав и Татень медленно поднялись, развернувшись к неожиданному гостю.

Следом за первым воином на поляну ступили ещё трое, затем ещё четверо.

– Вот мы вас и догнали, – наконец произнёс тот, что выступил первым. – Весь день гнались. Думали, обманул нас старый пень. Но нет. Вот уж потеха нам будет.

– А мы думали, коли оставили нас в селе, так без боя останемся, – добавил другой воин.

У Ярослава после этих слов всё совсем упало. На них смотрели не как на противников, а как на два трупа. И не мудрено.

Ведь на поляне против них выступило девять воинов. Против такой силы вдвоём особо не поспоришь, какими бы навыками они не обладали. И надеяться на удачу, которая когда-то спасла его, теперь точно не приходится.

Из леса вдруг выбежал Жужель, но так и застыл. Затем выгнул спину и гулко зарычал.

– Беги, – закричал Татень, выступая вперёд. – Я их задержу. А ты, – он посмотрел на волкулака, – головой за Ярика отвечаешь.

Глава 10. Бег по пересеченной местности

Ярослав подивился, как к ним так быстро и незаметно подоברались, но что тут голову ломать – это их земля, они тут каждую тропку ведают.

Прыгать в седло и убегать верхами, времени не было – коней успели стреножить, пока до них добежишь, пока распутаеть – пять раз убьют.

– Чего стоишь, дурень? В лес, быстро! – скомандовал Татень, выхватывая меч из ножен.

Старый воин отходил, прикрывая собой молодого ратника. Вон, один из воинов Врабия выпустил стрелу, но Татень умудрился отбить ее клинком.

Ярослав не стал обнажать свое оружие – он-то стрелу не сумеет сбить, навыка нет, но послушно попятился. А куда Жужель девался? Вроде, только что здесь был. Был – и нет его. Ладно, оборотню, на четырех лапах удирать легче, а в звериной шкуре в лесу укрыться проще, нежели в человеческой.

Принимать бой вдвоем, против десятка опытных воинов, может только безумец. Когда пять человек на рыло – это перебор. Ярослав даже в схватке с уличными хулиганами не хотел бы так драться. Один на один, против двоих – еще куда ни шло. А пятеро на одного? Нет, многовато.

С пятерыми станет драться только сумасшедший. Ну, еще какой-нибудь наемник из Средних веков. Да и то – не сам наемник, а автор коммерческих изданий о непобедимом воине Артаксе, что заставляет своего героя воевать там, где воевать не стоит. А нормальный воин, если у врага численное преимущество, храбро отступает! Ярослав понимал, что сейчас очень важно уйти с открытого места, где они со стариком всего лишь мишени для стрел. А если и рукопашный бой, то десяток их окружит со всех сторон, и шустро проткнет клинками. А в лесу какой-никакой шанс. И окружить труднее, да и численный перевес противнику реализовать сложнее.

Зайдя за деревья, которые помешают целиться лучникам, Татень опять скомандовал:

– Бежим, что есть мочи!

Оба дружинника, и молодой, и старый, развернулись и припустили, что есть сил.

Бежать мешала и трава, и кусты, и ветви деревьев, да и дорога под ногами не слишком подходящая для бега. Но, коли жить захочешь, так ещё и не так забегаешь!

Вот так вот, и бежали, пыхтели. А Татень очень скоро стал сдавать. Правильно, у него и возраст, и вес лишний. Да и давно старик не тренировался в беге по пересеченной местности. Для его возраста выдержать ту дистанцию что они преодолели – это уже очень неплохо. Ну да, Татень не пьет, и не курит. Легкие чистые, без никотина. Плохо, что тренируется мало, но это уже общая беда. Здешние дружинники привыкли на коней ориентироваться, нет бы, на свои ноги, как римские легионеры.

Вот, старик прислонился лбом к сосне, и пробормотал, хватая открытым ртом воздух:

– Все, парень, беги один. Я больше не выдержу. Лучше я здесь бой приму, а ты беги. Задержу, насколько можно.

Ярослав, хотя и не успел особо устать, но тоже остановился. Переведя дух, сказал:

– Если бы тут какой-нибудь проход был, по которому я смог бы уйти, так и на самом деле – встал бы ты, аки скала, прикрыл бы мою спину своей грудью. А так, без толку ты погибнешь. Так что, бери ноги в руки и побежали.

Ярослав потянул старого воина за руку, а тот, верно, слегка отдохнув, кивнул, выдохнул и побежал. Бежали вровень, а Соколов с улыбкой сказал:

– Ты мне свой меч обещал в наследство оставить. Если ты на месте останешься, тебя убьют, так и меч кому-то из врабиевских дружинников перейдет.

Татень бежал, экономя дыхание. Верно, второе дыхание пришло. Молодец, старый! Но хвалить его пока рано. Надо его еще немного подначить, а потом можно недолго и отдохнуть.

– Давай-давай, шевели копытами, – покрикивал Ярослав на ратника. – Телишься, словно медведь в берлоге.

– Ах ты засранец! Да я щас твои уши оторву, да к сосне прибью! – взревел Татень, рванув вперед. Не то спасаясь от погони, не то желая надрать уши молокососу.

Пробежали еще с километр, может чуть больше. Кажется, старый ратник опять стал выдыхаться? Но ведь и в погоне живые люди.

– Стой! – принял командование на себя Ярослав. Прислушавшись к какому-то шуму, сказал: – Отдыхаем пару минут.

Татень, как был, повалился наземь, а Ярослав прислушался. А сзади донеслись какие-то крики, визги. А еще чей-то голос – словно бы ранили кого. А еще – не той лай, не то волчий рык. Наверняка волкудлак кого-то цапнул. Хорошо бы, если бы не одного. А еще лучше – если бы сам под чужой меч не попал.

– Похоже, там наш Жужель дает копоты, – хмыкнул Ярослав.

– Чего дает? – не понял Татень. Махнув рукой – мол, опять парень непонятное говорит, сказал: – Броню скидывай! Легче бежать будет.

И впрямь – чего это они, как дураки, по лесу в панцирях бегают? Кожа, обшитая железками да костяными пластинами – это не железная кольчуга, но все равно, весит изрядно. В бою с превосходящими силами доспехи всё равно не спасут, а удирать лучше налегке.

Слегка отдохнув, скинув панцири – даже прятать не стали, оба ратника побежали дальше. Без доспехов бежать оказалось гораздо легче.

Будь воля Ярослава, он бы и меч выбросил, штука это тяжёлая, весит добрых полтора килограмма, но меч не панцирь, его выкидывать нельзя.

А тут еще из кусов выбежал волк. Нет, это же Жужель. Судя по окровавленной морде – кого-то он не просто цапнул, а порвал. Молодец!

– Погоня далеко? – на бегу спросил Ярослав.

– Р-рр, – отозвался оборотень.

Ярослав чуть было не выругался – мол, говори по-человечьи, но вспомнил, что Жужель в волчьем облике и говорит только по-волчьи, а он сам виноват, что до сих пор не разобрал, что сказал волкудлак. Нет, кое-что разобрал в волчьем рыке. Вроде бы, пять рывков-прыжков, если по ровному полю? Пусть даже и разобрал, а что от этого толку? Жужель ведь и расстояние с временем указывает по своему. Рывки-прыжки – это как? А в минутах – это сколько? Или в километрах?

Еще отчего-то подумалось, что одежда оборотня осталась там, на месте бивака. Так что, если Жужель обернется человеком, то придется ему светить голым задом. Ладно, потерпим, чего уж теперь.

Все трое уже потеряли счет времени, и расстояния, а старый ратник опять начал выбиваться из сил.

– Стоим! – поднял вверх Ярослав правую руку.

Он упал на колени, Татень последовал его примеру. Старик стоял, шумно выдыхая воздух.

– Нет, дальше не побегу, – помотал головой Татень.

Ну вот, опять заладил.

– А кто мне меч обещал оставить? – снова поинтересовался Ярослав.

Но в этот раз не прокатило.

– Меч ты потом мой потом с боя возьмешь, – сказал Татень. – Вот, как меня убьют, меч заберут, так ты за мою смерть отомстишь и меч вернешь. Считай, что это мое завещание.

Похоже, старый ратник на самом деле решил принять бой, как триста спартанцев, прикрывавших отход всего греческого войска. Но тут не Фермопилы, обойдут с флангов. А где-то вдали – в пятидесяти метрах или в ста, послышался треск веток. Ишь, настырные дружинники у Врабия. Другие бы уже плюнули, и отстали. А эти идут.

Что бы такого еще придумать, чтобы расшевелить Татеня? Ярослав сказал так:

– Нет, Татень, так не годится. Меч ты мне свой оставишь лет через десять, а еще лучше – через двадцать. Так, чтобы я его из твоей мертвой руки взял. А сейчас получается, что ты меня обманул? Вот, вернусь в Клестов, всем буду говорить, что старый пень меня обманул – пообещал меч, а сам взял, да и помер, завещание не исполнив. Бери, говорит, у того, кто мой меч взял! А где я его найду? Или заберут твой клинок, да в кузницу отнесут, и кочергу из него скуют, или петли на амбар. Или из твоего меча серпы выкуют. А еще всем скажу, что ты меня нарочно в лес завел, да там и оставил. Как я без тебя выйду отсюда?

– Рыр-рр, – подал голос Жужель, намекая, что уж с ним-то в лесу заблудиться невозможно. Но Ярослав перевел речь оборотня по-своему:

– Вон, даже оборотень говорит – не выбраться нам из этого леса, страшно ему. Мол – теперь из-за старого Татеня все погибнем, а старый хрыч только помереть хочет. Боромир хренов.

– Ну так чего расселся? – рывкнул Татень. – Побежали, маменькины сынки, мать вашу! Ничего без меня не могут!

Старый ратник выпрямился и припустил дальше, обронив нечто: «Вот, придем в село, я вас обоих ушами к стене прибью!»

Пробежали еще невесть сколько, а потом перешли на шаг. Похоже, погоня-таки отстала. Или просто потеряла след. Собак-то у них нет.

А вот теперь бы и самим неплохо понять – куда идти?

– Куда дальше? – поинтересовался Ярослав, посмотрев сначала на Татеня, а потом на оборотня.

Ни тот, ни другой ответить не успели, потому что между деревьев появилась едва заметная тропа.

Оборотень вышел вперед, прошелся по тропе и с удивлением покачал лохматой башкой. Мол – непонятно, что за тропа? И не человеческая, но и не звериная, вроде тех, по которым ходят на водопой олени и кабаны.

Если человеческая тропа – должны быть и люди. Только – свои они, или чужие? Но тропа, набитая ногами людей в глухом лесу?

– Не иначе, лесной хозяин тебе знак подает, – предположил Татень.

Ярослав только пожал плечами. Вполне возможно, что и Нестер дает знак. Он, к слову, пока бежали, о своем лесном друге и позабыл. То ли из головы вылетело с перепуга, то ли понимал, что леший помогать не станет.

– Вот и посмотрим, – решительно сказал старый воин, ступая на тропу.

Следом за ним пошел и Ярослав, а самым последним был оборотень. Причем, оборотень, встав на тропу, так и остался стоять.

– А ты чего? – недоуменно спросил Ярослав.

Но Жужель ничего не ответил, а продолжал стоять, моргая глазами.

– Ниче, догонит, – махнул рукой Татень, который шел так быстро, словно не он только что загибался от усталости.

Тропа вывела ратников на поляну, посреди которой стоял ... дом. Не лесная избушка, вроде тех, которые ставят себе охотники, не развалина какая-нибудь, и не полуземлянка, а высокий дом, напоминающий сказочные дома на старинных новогодних открытках, которые

хранит бабушка. Теперь бумажными открытками никто друг друга не поздравляет, предпочитая социальные сети или ватсап, а вот раньше да, писали, поздравляли.

И откуда такие терема берутся в густом лесу?

Ярослав даже подумал, что это дом Нестера. Вдруг да лесной хозяин построил себе дом, куда приводит в гости своих лешачих? То есть, не лешачих, а лесных русалок. Сидит себе, смотрит на них в окно, да посмеивается. Если Нестер, то надо бы поздороваться.

Но только парень открыл рот, как из-за домика появился ... Вернее, появилась молодая женщина, а то и девушка, нисколько не напоминавшая сучковатого лесного хозяина.

Выглядела женщина так, словно сошла с обложки глянцевого журнала – длинные светлые волосы, высокая грудь, а одета не в сарафан, а в ночную сорочку. Нет, это не сорочка, это такое платье. Точно – бельевого стиль! Говорила же ему как-то подруга, что такие вещи нынче в моде. В общем – не девушка, а мечта!

Похоже, что не один Ярослав так думал. Вон, старый Татень охнул, округлив глаза.

– И что это за чудо-чудное, диво-дивное? – спросил старый воин, растянув губы в улыбке.

Старый ратник выглядел словно лось, завидевший прекрасную лосиху. Ну, или мартовский кот, узревший красавицу-кошечку. В иное время Ярослав и посмеялся бы над этим, а может, даже и возревновал бы его к красивой девчонке, но тут отчего-то не хотелось ни ревновать, ни смеяться. Что-то ему подсказывало, что не простая здесь девушка. А и девушка ли это? Ярослав попытался увидеть ее суть, но ничего подозрительного не усмотрел. Ну да, женщина. Красивая женщина. Не просто красивая, а очень красивая. На вид – очень молодая, вот только эта молодость... Нет, даже и сказать он не взялся бы, что за молодость. Кажется, здешние вековые деревья, которые растут на поляне, моложе этой красавицы. Может, это ведьма лесная? Но зла Ярослав от нее не чувствовал. Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Он сам не ведун, и не волхв, чтобы чувствовать зло. Чему-то поднахватался от лесного хозяина, но это такая мелочь, что о ней даже и вспоминать не стоит, а не то, что хвастать.

– Это что за красавица? Как звать-то тебя? – опять спросил Татень, возобновляя неуклюжие ухаживания.

Но девушка, скользнув взглядом по старому ратнику, обратила свой взор на молодого. Ярославу бы порадоваться, но почему-то по спине невольно пробежали мурашки.

– Кто ты? – спросила красавица с повелительными нотками в голосе.

Отвечать такой девушке нужно правдиво! Так ему пока и врать-то не о чем. Да и незачем врать-то!

– Ярослав Соколов, – послушно отозвался парень. Подумав, добавил: – Бывший студент, а в настоящее время ратник. Откликаюсь на имя Ярик.

Соколов еще хотел что-то сказать, но из кустов, где начиналась тропа, ведущая на поляну, послышалось жалобное поскуливание. Чего это наш оборотень скулит? Кого испугался?

– Опять эта псина пришла! – пренебрежительно сказала девушка, наморщив носик. – А я ее предупреждала! Сейчас худо будет.

Почувяв опасность для Жужеля, Ярослав крикнул:

– Не трогай его, это мой друг.

– С каких это пор ты с волкулаками дурными дружбу водишь? – пожала плечами девушка. Потом опять внимательно посмотрела на парня. – Ты меня боишься, что ли? Так не бойся. Я на тебя давно уже зла не держу – зачем его держать, если столько лет прошло после нашего расставания? И нечего тебе чужим именем представляться, да чужую личину надевать. Ну-ко, покажи мне свое лицо. Хочу на тебя на настоящего глянуть. Н-ну, – топнула ножкой красавица, – снимай личину!

– Личину? – удивленно вскрикнул Ярослав. – Какую личину?

Но девушка, не говоря ни слова, посмотрела ему в глаза.

– Личину снимай, говорю, – потребовала красавица, а потом подняла ладонь и провела ею перед лицом Ярослава. Один раз. Потом другой.

У Соколова возникло желание подпрыгнуть повыше, а потом выпрыгнуть из штанов, скинуть рубаху, но он с трудом удержал в себе эти порывы. А девушка с удивлением посмотрела на свою ладонь, а потом на лицо парня.

– Странно. Почему не снимается? – хмыкнула девушка. – Это ведь не твой облик, а?

Ярослав собрался что-то объяснить, но тут из леса послышался треск веток, шум, лязг доспехов, шумное дыхание. Ну вот, нагнали-таки!

Глава 11. Лесная красавица

Судя по шуму, позади Ярослава и Татеня на поляну высыпали врабиевы воины. Ярослав буквально физически ощущал направленные в его спину злые взгляды.

– А это ещё кто? – требовательно спросила девушка, уперев руки в бока. Она окинула критическим взглядом новоприбывших.

Соколов кое-как смог разорвать зрительный контакт с девушкой и обернуться, чтобы рассмотреть – сколько там этих, “врабиевцев”? Краем глаза скользнул по Татеню, а тот так и стоял, выпучив глаза на девушку и глуповато улыбаясь.

Ярослав только сейчас понял, что и на него будто накатило какое-то помешательство. Ведь он сам уже не меньше десяти минут так стоит и смотрит на эту красавицу, в то время как она вертит воинами как хочет, тратя драгоценное время, которое следовало бы направить на уход от погони, а теперь и вовсе загнав обоих беглецов в ловушку. Сейчас-то они уже точно не уйдут. Во-первых, сил, чтобы убежать, больше нет. Да и драгоценные минуты, что они до этого выиграли, безвозвратно потеряны. Ещё и Татень, похоже, совсем потерялся – абсолютно не смотрит по сторонам и такое ощущение, даже не подозревает, что позади их собрались воины с обнаженными мечами и сейчас, похоже, начнут их рубить.

Ярослав, будто в полусне, толкнул Татеня в плечо, а сам потащил из ножен свой меч, чтобы встретить врага, как полагается. При этом в голове парня был полнейший сумбур, словно он опьянел.

– Ну что, далеко-то не убежали, – произнёс вдруг один из воинов, оторвав взгляд от красавицы и уставившись на Ярослава плотоядным взглядом. – Сейчас мы вас тут порубаем, а потом и красавицей вашей займёмся.

– Ух какая! Давно таких не видывал, – поддержал товарища второй воин, – сейчас мы тебя приголубим.

Ярослав вдруг поймал себя на мысли, что лучше бы эти молодчики держали языки за зубами и не обращались столь пренебрежительно и нагло к этой красавице. По крайней мере, это будет чревато...

– Что ты сказал? – вдруг спросила девушка таким голосом, что по спине Ярослава табунами забегали мурашки. По голосу красавицы было слышно, что она очень сильно рассержена. – Как смеете вы допускать такие помыслы?!

Ярослав, тискающий в ладони меч, был готов к любому развитию ситуации. И в первую очередь он ожидал нападения и жестокой схватки, в которой он скорее всего умрёт. Но чего он точно не ожидал, так этого того, что одного из воинов, что посмел непочтительно обратиться к красавице, что-то с силой и громким хрустом ударит прямо в грудь.

Что-то громыхнуло, и Ярославу вдруг обожгло щёку чем-то ледяным.

Послышался сдавленный хрип, а дружинника, который первым открыл рот, словно бы сложило пополам, а затем, будто из катапульты отбросило обратно в лес.

Стоило изломанному телу скрыться в лесной чаще, как Ярослав сразу для себя решил: Ни за кем он уже не погоняется – как бы вообще жив остался.

Остальные ратники, похоже, недооценив угрозу, покрепче перехватили мечи, в этот раз решив обратить внимание не только на двоих беглецов, но и на девушку.

– Ты что натворила, тварь? – просипел один из них. – Ты десятника нашего... – начал было говорить один из воинов, но ему не дали закончить.

Снова послышался треск...

– Ну и друзья же у тебя, Якош, – произнесла вдруг ведьма. – Совсем хорошим манерам не обучены! И где ты таких только отыскиваешь?

В следующий миг с воинами, прибывшими на поляну, стало что-то происходить. Один из них вдруг принялся оплывать, словно восковая фигура под пламенем газовой горелки. Он жалобно застонал, странно забулькал, а потом стал терять форму. Сначала стал похож на огромную жабу, затем и вовсе растёкся по поляне неаппетитной зеленоватой лужей.

Сосед “растекшегося”, занеся над головой меч, стремительно бросился вперёд, Непонятно – на кого он решил напасть – на Ярослава или на ведьму. Но его порыв ничем хорошим не закончился. Он вдруг вспыхнул пламенем, да так ярко, что Ярослав зажмурился, тут же обругав себя последними словами. Ведь нельзя глаза закрывать во время боя.

Но стоило ему, снова посмотреть на воина, как увидел, что тот загорелся таким ярким огнём, будто спичка. А уже спустя пару секунд потух. Вот только на его месте ничего не осталось. Один только пепел осыпался на землю.

Ещё одного воина будто что-то невидимое, но очень тяжёлое придавило сверху. То ли камень, то ли ещё что-то подобное. Но ратника буквально расплющило и размазало по земле тонким слоем.

Ещё двоих оплели ветви и потащили в разные стороны. Ярослав отвёл глаза, чтобы не видеть чем этот ужас закончится.

Оставшиеся в живых воины, что были позади отряда, вдруг развернулись и помчались обратно в лес, но их остановил окрик девушки.

– Вы куда это собрались? – требовательно спросила она.

И воины, будто одеревеневшие куклы, застыли на месте, не в силах двинуться.

– Ну-ка развернитесь и в глаза мне посмотрите, – последовал новый приказ лесной колдуньи.

Воины подчинились.

Ярослав кое-как себя сдержал, чтобы не последовать её приказу, сам не понимая, как у него-то получилось сопротивляться давлению.

– Я вас научу женщин уважать, – назидательно произнесла девушка. – Женщину беречь надо. Она мать будущая. И не важно какая она и на чьей земле живёт. Своя она или чужая – нужно женщину на руках носить и всячески оберегать. А вы что удумали?! Видела я, по глазам ваших похотливых дружков, что они хотели сделать... Радуйтесь, что вы не успели плохому научиться. Иначе я бы и из вас соки-то повыжимала.

На парней было жалко смотреть. Они явно не могли двигаться, но все их эмоции, чувства и желания выдавали глаза, а также побелевшие лица. Ярославу показалось, что один на полном серьёзе обмочил штаны.

– Вот сначала приберите здесь за собой, своих товарищей с моей полянки утащите. А потом, быть может, отпущу вас восвояси. А то ишь, хозяйничать здесь вздумали.

Воины, будто куклы, повинующиеся ниточкам кукловода, двинулись вперёд и принялись неловко собирать останки своих товарищей, которые ещё несколько мгновений назад были живыми людьми.

Ярослав вдруг услышал голос Татень и поначалу содрогнулся, как бы тот тоже каких-нибудь глупостей не наговорил. Но всё оказалось ещё хуже.

Татень восхищённо протянул:

– Вот это женщина! Чудо чудное, диво дивное...

– Слышь, Якош, а друг-то твой не промах, умеет найти подход к девушкам! И инстинкты самосохранения на месте, – произнесла красавица, явно используя слово не из своего времени. По крайней мере, такими терминами местные никогда не пользовались.

А Ярослав наблюдал за происходящим, едва держась, чтобы не раскрыть рот от удивления. Он поискал глазами оборотня, но того не было видно. Он, кажется, уже понял, с кем повстречался. И помнил, что случилось с семьёй оборотней при прошлой его встрече с этой особой.

Тем временем Татень, будто пьяный, совершенно ничего не соображающий и, похоже, слепой, потому как вообще никак не отреагировал на происходящее, одурманенным голосом произнёс:

– Красавица, голубушка, солнышко лесное... – таким елеиным голосом произнёс он, что Ярослав ушам не поверил. – А твои новые прислужники, как порядочек наведут, пускай лошадок наших привезут. А ещё мы там доспехи потеряли, негоже их в лесу оставлять.

Девушка фыркнула.

– Отдохнул бы ты, старый, – ответила она. – А то, видимо, солнцем голову напекло. Кони ваши сами придут. А с доспехами позже разберётесь. Белки да зайцы их себе не возьмут, не бойся. А теперь поспи. Дай-ка мы пообщаемся со старым другом.

После этих слов Татень осел на землю и действительно захрапел, подложив сложенные ладони под голову, будто младенец.

И только сейчас до Ярослава стало кое-что доходить. Эта девушка ведь назвала его Якошем, а именно так звали того самого мага, узилище которого он нашёл, копая погреб своей бабушки, и из-за которого он оказался в этом мире.

Набрав полную грудь воздуха и собравшись с силами, Ярослав развернулся к девушке:

– Ты знаешь Якоша Святославича? – напрямик спросил он, пока сила воли вновь не оставила его.

А девушка от этого вопроса ещё больше нахмурилась:

– Значит, ты действительно не он. И это очень странно. Уж я-то ошибиться не могла. А как так вышло, в голову никак не возьму. Силу его я в тебе чувствую, и дух его в тебе присутствует. А лицо другое. Так кто же ты? И что ты сделал с Якошем? – требовательно спросила девушка.

Ярослав хотел было ответить, но вдруг услышал девичий голосок, принадлежащий явно ребёнку, напевавший бесхитростную песенку, видимо та игралась. Из-за избушки вдруг действительно появилась девочка. В ручках она сжимала венок из трав и цветов.

Девочка была одета в белую рубашку, а волосы чёрные, будто смоль. Ярослав не сразу понял, в чём подвох, но потом вдруг обратил внимание, что тень у девочки совсем не человеческая, а кошачья. Как такое возможно, он не понимал, но тем не менее факт оставался фактом. И тут до него дошло – кого же он видит.

– Алия? – удивлённо воскликнул Ярослав, вспомнив, как звали девочку Итисии, той самой Рыси.

Девочка вдруг встрепенулась и с удивлением посмотрела на гостя. И тут Ярослав окончательно уверился, к кому именно привела его лесная тропа. Единственное, чего он не знал, это как себя вести в этой ситуации. Ведь перед ним сейчас стояла грозная ведьма, которая создала проблем всемогущему в своём лесу Нестеру и хорошенько отдавила хвост рыси Итисии. И что он ей противопоставит, что ей скажет? Обвинять её в чём-то? Ну нет, такой ошибки он не допустит. По крайней мере ребята, которые пару минут назад решили повести себя непочтительно, в качестве изуродованных трупов сейчас украшают поляну. И уж очень ему не хотелось бы разделить их судьбу. А ещё не хотелось бы, чтобы эта маленькая девочка увидела результат творений ведьмы, сколько бы там ей лет не было.

И как себя вести? Была мысль взять девочку в охапку и побежать, но кого он обманывает? Во-первых, тут ещё Татень, а ещё где-то там оборотень Жужель, их он не бросит. Да и вряд ли ему дадут уйти.

Вряд ли он, принимая скоропалительные решения, выберется из этой ситуации живым. Здесь нужно вести переговоры, и очень хорошо надо подумать, о чём с этой женщиной говорить и что ей рассказывать, чтобы это не привело к негативным последствиям для него и его друзей.

А ещё надо бы побольше выяснить про этого Якоша Святославича. Судя по заявлению ведьмы, старый маг живёт и здравствует в этом мире, и неплохо бы его найти. По крайней мере,

что-то Ярославу подсказывало, этот мужчина вполне может оказаться его обратным билетом домой.

Глава 12. Сестрица колдуна

На полянке, по которой только что прошлось с десяток, а то и больше мужиков в доспехах, не осталось никакого следочка. Словно бы никто и траву не топтал, и не оплывал, и не горел.

Зато была малышка, что неспешно несла маме букет цветов. Ярослав прямо-таки залюбовался девчушкой. Такая миленькая! Вот, если бы еще и тень была нормальной, человеческой, то цены бы такой крохе не было. Он бы и сам такую дочку хотел. Потом, попозже, когда-нибудь.

Ярослав видел, с какой любовью лесная ведьма смотрит на девочку с нечеловеческой тенью. Если бы не знал, так решил бы, что она и есть родная мать.

Хозяйка поляны нежно потрепала девчушку по волосам и сказала:

– Алия, девочка моя, сходи-ка, поставь цветочки в воду, чтобы не завяли.

– А какой кувшинчик взять? – поинтересовалась девчонка.

– Так ты любой и бери, – улыбнулась ведьма. – Если какой и расколешь, так мы его снова соберем, как я учила. – Потом сказала: – Слишком-то большой брат не стоит, цветы провалятся. Возьми тот, что поменьше. – Махнув рукой, приемная мамка решительно заявила: – А вообще, бери тот, что на тебя смотрит.

– Ага, – понятливо кивнула Алия. – Такой, чтобы как в прошлый раз, у которого глазки появились?

– Точно, у которого глазки, – еще раз улыбнулась ведьма.

Ярослав, слушая диалог, сначала хотел уточнить – мол, «который на тебя смотрит», это ведь фигура речи? Но здесь понял, что у ведьмы и посуда бывает особенная. Ишь, глазки на кувшине появились. Глазки на кувшине, а у миски ручки. А ножки у кого?

Еще разок подозрительно посмотрел на сам дом. Нет, куриных ножек не видно. Впрочем, вполне возможно, что изба их под себя засунула, чтобы никто не видел. А баба Яга вполне себе может принять облик и молодой женщины, и юной девушки. Вон, в старой сказке про приключения Маши и Вити баба Яга вообще была вполне себе симпатичной, в мини-юбке. Правда, фильм этот давно снимали и актриса, что играла колдунью, уже давным-давно бабушка, а не просто баба Яга.

За девочкой закрылась дверь, а лесная красавица (или ведьма, тут уж хоть так, хоть этак), повернулась к гостю.

– Ты знаешь эту девочку? Откуда? – требовательно спросила женщина.

– Саму девочку я не знаю, – терпеливо доложил Ярослав. – Зато я знаю ее маму. И имя от мамы узнал.

– Вот как? – слегка удивилась ведьма. – Значит, ее мать жива?

– Жива, – подтвердил Ярослав. – Только ее мама не просто женщина, а лесной дух. Полу-женщина-полурьсь. Кстати, ее Итисия звать.

– Как зовут ее мать – мне все равно, – отмахнулась ведьма. – Рысь она, или женщина – тем более. А то, что Алия не простая девчонка, я в первую же ночь поняла. Она по ночам котенком оборачивается, потом плакать начинает, к маме просится. Правда, котенком она недолго пребывает – силенок мало. Значит, ее мать жива...

Кажется, новость о том, что мать девчушки жива, особой радости ведьме не доставила.

– Так если она не женщина, а дух, как тут ее убьешь? – удивился Ярослав.

– Так запросто, – отмахнулась ведьма. – Духа можно убить, если он в одном облике долго пребывает. А ты говоришь – Итисия эта, она рысь? Вот, как рысь-то ее и можно убить.

Соколов только почесал затылок. А ведь и на самом деле. Рысь несколько раз попадала в переделки, в которые дух, в общем-то, попадать не должен.

– А тебе бы положено помнить, что дух, когда его от родных мест оторвут, половину силы теряет, – укоризненно сказала ведьма.

Нет, определенно, лесная красавица принимает его за кого-то другого. Кажется, она уже должна понять, что он не могущественный колдун Якош. Ладно, потом поймет. А он сам ничего в духах не понимает. Куда там они уходят, какие силы? Да кто его знает. Вон, он сам до сих пор не понял – как удалось «оживить» старую дверь.

– А как ты девчушку нашла? – поинтересовался Ярослав. Интересно, что скажет ведьма? Вдруг она возьмет, да и ответит, что это она Алию у матери и украла? Раньше, говорят, цыгане детей воровали. Или это лишь домыслы?

Но ведьма сказала другое:

– Я эту девчушку в лесу встретила. Не одну, а с какими-то странными людьми. Спросила – откуда, мол, и куда? А они, вместо того, чтобы ответить, стали мне угрожать. А дальше... – Ведьма улыбнулась, показав белоснежные зубки, не ведающие стоматологов. – А дальше мне уже спрашивать было неинтересно. Мне угрожать, то дурная. А девчушка славная!

По улыбке женщины Ярослав понял, что можно не спрашивать, что стало с теми «странными» людьми, которые украли дочь лесного духа из далекой страны. Скорее всего – ими уже перекусила лесная братия, пернатая и хвостатая.

– А её мамка ищет повсюду, – вздохнул Ярослав. – Она за похитителями из своего леса шла, а теперь не знает, как дочурку найти.

– Не мудрено, – хмыкнула красавица. – На эту поляну, без моей воли никому хода нет. Ни духам лесным, ни нечисти какой. Вон, твой приятель-оборотень забрался, так сам не рад. Ополоумел, а потом на всех подряд кидаться начал.

– А как мы прошли, да и эти воины? – спросил Ярослав, кивая в ту сторону, куда уползли остатки «врабиевцев» и куда утащили останки своих товарищей.

– Странные ты вопросы задаёшь, – пожала плечами ведьма, – Уж с твоей то силой любую защиту пробить можно, но в этот раз я сама тебя пустила. Но все равно не пойму, отчего ты скрываешься от меня до сих пор? И личину не снимешь? Или это у тебя и впрямь, не личина, а твой истинный облик?

Странно. А ведь ведьма, кажется, до сих пор не верит, что он живой человек, а никакой не маг, обладающий непонятной силой? Или все-таки верит, но сомневается?

Чтобы собраться с мыслями, задал встречный вопрос:

– Вот, скажи-ка, незнакомка – а как мне тебя называть? Ты мое имя знаешь, а я твое нет.

– А никак меня не надо называть, – усмехнулась женщина. – Кроме меня, да твоих друзей здесь никого нет, я пойму, что ты ко мне обращаешься. Если ты не тот, за кого ты себя выдаешь, то это знание со мной плохую шутку сыграет. Ежели могущественный колдун истинное имя узнает – он над человеком власть получит. Я колдунов, даже могущественных, не боюсь, только зачем мне это? А если ты тот, так к чему мне говорить то, что ты и так мое имя знаешь? Рассказывай.

Ярослав где-то читал, что узнавший истинное имя человека приобретает над ним власть. Но считал, что это все глупости. Какую власть может дать знание букв, которые складываются в слово? Правда, все люди, с которыми его здесь свела судьба – и друзья, и враги, назывались по прозвищам. Вон, вроде бы, только князей называли по именам. А он сам никогда не скрывал своего имени.

– Так ты расскажешь, или нет? – снова спросила ведьма.

Женщина в нетерпении топнула ногой. Ишь, какая грозная. Но с этой незнакомкой лучше не шутить.

Ярослав слегка призадумался. Сказать или не сказать ведьме всю правду? И то, что он видел этого самого Якоша прикованным к стене, да еще и в виде скелета? А какой смысл врать?

Да и что он ей врать-то станет? И, вообще, парню из двадцать первого века казалось, что ведьма сейчас листает его мысли, словно раскрытую книгу. Все равно ведь поймет, что он не тот, за кого она его принимает. А от вранья пользы никакой.

Соколов мысленно вздохнув принялся рассказывать всё. Он поведал красавице, что он жил в очень далеком будущем, что он учился, а еще работал, что приехал к любимой бабушке, чтобы помочь по хозяйству, а заодно и выкопать погреб. И вот там-то он наткнулся на старинную стену, за которой оказался скелет. Он даже рассказал о странной чаше, стоявшей на столе, а потом рассыпавшейся. Вроде, в этой чаше, выглядевшей пустой, и заключалась неведомая сила колдуна Якоша Святославовича.

– Вот значит как, – задумчиво протянула ведьма, опять оглядывая Ярослава. – Значит, ты себя за колдуна не выдаешь?

– Да боже упаси, – фыркнул Ярослав. – Незачем мне себя за кого-то выдавать. Я тот, кто я есть. Чужой силы мне не нужно, мне бы свою сохранить. Я ратник, моя сила в руках, да в мече. Вот только, – смущенно добавил парень. – Умения у меня маловато, опыт нужен.

Лесная красавица словно не слушала парня, а опять хмыкнула:

– Говоришь, одолели таки Якоша соперники? Одолели, да на железную цепь посадили? И где же они столько железа отыскивали, чтобы цепь сковать? Такую, чтобы Якоша удержала? Только я в это не верю. Если бы Якоша на белом свете не было, я бы это почувствовала.

– А с чего бы ты это почувствовала? – набравшись смелости спросил Ярослав.

– Так Якош-то, мой старший брат, – пояснила незнакомка. – Мать у нас с ним одна, а отцы разные. Разница в возрасте у нас есть, но какая – тебе лучше не знать. Но все равно, я всегда знала, что с ним, и как он. Если бы он был мертв, я бы уже знала.

– Так брата-то твоего, Якоша, победили не вчера, – хмыкнул Ярослав. – Вполне возможно, что он здесь еще на свободе, и полон сил. Тому скелету, что я нашел, много лет было. Я даже и сказать не берусь, сколько! Может быть тысяча, а может и больше. А сколько он там сидел, тоже сказать трудно. Я думаю – его враги еще не победили, но победят. А вот когда, сложно сказать. Может быть, через год, а может – и через сто лет, через двести. Это его будущее, а уж случится ли оно, так только от него и зависит.

Ведьма опять призадумалась, потом спросила:

– Верю, что ты о будущем говоришь. Стало быть, в будущем Якоша победят, в темницу посадят, да еще и к стене прикуют. А со мной что? Про меня он не говорил?

– В темнице только один скелет был, – виновато пожал плечами Ярослав. Пытаясь вспомнить, что раздавалось в его голове, но так и не вспомнил. А ведь что-то такое колдун говорил. И о том, что он должен прийти в мир, стать его заменой. Но, учитывая тот факт, что Ярослав в прошлом, как можно стать заменой того, кто еще и не умер?

– Подожди-ка, ты еще мне сказал, что в темнице какая-то чаша была? – напомнила ведьма.

– Ну, что-то такое деревянное, – принялся вспоминать Ярослав. – Вроде бы, она и на кадку похожа, только маленькая. Такая вот, составная, из отдельных кусков. Как их там правильно-то? Клепки, что ли? Да, клепки – такие дощечки, из которых кадки собирают. А потом еще обручем стягивают. А по форме – вроде и чаша. И обручей, которые клепки держат, тоже нет. У бабушки на огороде остатки кадушки лежат – обручи вниз сползли, а доски еще стоят. Она раньше туда воду собирала, а потом кадка развалилась.

И к чему это он стал объяснять? Женщина этой эпохи лучше его понимает, что такое кадка, а что такое бочка.

Ведьма вдруг развернулась и скрылась в доме, а через несколько секунд она выскочила, а в её руках была точно такая же чаша, которую Ярослав видел в том подземелье – чаша, собранная из клепок, но без обручей.

– Такая чаша? – нервно спросила ведьма.

– Она самая, – кивнул парень. Подумав, сказал: – Или, точно такая же. Я же не знаю – имеются тут какие-то метки, нет ли? Вот, такая штуkenция и стояла на столе подле скелета. Но когда я до нее дотронулся, она рассыпалась.

Про себя парень подумал, что странно, что эта чаша вообще дождалась его появления. Могла бы и раньше рассыпаться.

А лесная красавица принялась рассуждать:

– Если чаша стояла на столе перед Якошем, значит кто-то хотел его силу в эту чашу собрать, а потом ею воспользоваться. А сила эта, как ты сказал, тебе досталась.

В устах девушку прозвучало – мол, все лучшее-то дураку и досталось! Но что поделать, если Ярослав до сих пор не мог определить эту силу?

Понятно, что не сам Якош решил выкачать из себя силу. Зачем ему это нужно? Не будет же нормальный человек так просто сливать свою кровь.

– Да, а как ты догадалась, что чаша была именно такой? – спросил Ярослав, кивая на деревянную посудину.

– Так только такая чаша и может колдовскую силу удержать, – улыбнулась девушка, протягивая ему чашу. – Она сама не простая. Вот, глянь.

Ярослав глянул. На самом деле – дощечки, из которых собрана чаша, были без обруча. А как они держатся? И каких-нибудь гвоздиков или шурупов не видно. Разве что, на клею закреплены? Ну да поверим ведьме на слово. Доски собраны и держатся чудом.

Что-то он еще позабыл? Точно, ведь он про возраст Якоша знает.

– Скажи-ка, – нахмурился парень. – А сколько лет твоему брату?

– А зачем тебе это? – подозрительно спросила девушка.

Ишь ты, она еще и кокетничает. Типа – если она младшая сестра, то по возрасту брата можно определить и ее возраст. А у женщин про возраст не спрашивают.

– Скелет, который Якошем Святославовичем назвался, сказал, что он жил семьсот лет, а уже потом его враги в темницу заточили, – пояснил Ярослав.

– Семьсот... – повторила женщина, потом покачала головой. Интересно, что она надумала? Может, ее братцу уже шестьсот девяносто девять лет? Или напротив – всего-то каких-то триста?

Если подумать, то она ничего интересного не сказала. Поняв, что разговор заходит в тупик, решил форсировать события и спросил:

– А как бы мне с Якошем пообщаться? А вдруг он сможет меня обратно в моё время вернуть?

– Эх какой приткий, – усмехнулась женщина. – Домой его отправить... Не слышала я о таком, чтобы магией кого-то во времени отправляли. По местности – по степи там, или по лесам – это да. Ну а чтобы с Якошем увидеться, так это надо, чтобы он сам того захотел. Вот, я его сестра, так и то не могу с ним видаться, когда захочу. Решит мой брат, что ты ему нужен – он и придет. А так, не взыщи.

Ярослав загрустил. Он-то было решил, что коли тут имеется могущественная ведьма, да еще с такими связями, то раз – и отправила бы его обратно, к любимой бабушке.

– А знаешь, что, – вдруг заявила ведьма. – А ведь вполне возможно, что все это сам Якош и затеял.

– Якош? – вытаращился парень.

– Якош, – кивнула женщина, а потом усмехнулась. – Братец-то мой – шутник известный. Может, он сам себя на цепь посадил, силу свою собрал, а тебя в прошлое и отправил, чтобы силу эту самому себе передать? У него же силы и так немало, а теперь, у него вдвое больше ее станет. А ты не боишься, если с Якошем встретишься, лишиться своей обретенной силы?

Ярославу стало смешно. Ну, о какой-то такой силе может идти речь? Он бы понял, если бы вдруг ослаб, позабыл о своих навыках боксера. А так, когда говорят о чем-то таком неопреде-

ленном, ему абсолютно ненужном. Вспомнились его мучения по «оживлению» ростка, подаренному лешим, и «непонятки», случившиеся с дверью, вдруг превратившейся в живую материю. Или, во что там эта дверь превратилась? Но как превратилась она непонятно во что, так и опять стала деревом. Поэтому решительно сказал:

– Жил я как-то почти двадцать лет без чужой силы, так еще бы два раза столько прожить – а большего мне и не нужно.

– Что ж, ратник, как знаешь, – покачала головой женщина. – Ты в своей жизни сам хозяин, сам должен решать. Пошли-ка в дом, я тебя накормлю.

Ведьма открыла дверь, пропуская парня вперед. А тот, опустив голову (притолока-то низкая), вспомнил сказку про бабу Ягу. Что там бабуля говорила зашедшим к ней путникам? Мол – накормлю, да в баньке попарю. Накормлю – так значит, чтобы гость пожирнее да повкуснее стал. А баньку, оно тоже понятно. Гость пробыл в дороге, весь грязный. Лучше всего чистенького съесть. А не то подцепишь какую-нибудь заразу, лечись потом.

Но все-таки, в младшей сестре Якоша он пока не увидел признаков людоедки. Впрочем, а что за признаки-то? Ну, станет она его есть, тогда и узнаем. А пока-то чего суетится?

Уже на пороге Ярослав спохватился. Кивнув на спящего Татеня, спросил:

– А что с моими товарищами? Вон, со стариком? А с оборотнем?

Ведьма фыркнула:

– Старик пусть спит. Нечего ему слюни пускать, да на меня пялиться. Есть захочет – проснется, миску щей я ему налью. А оборотень пусть по лесу шастает. Нечего ему на моей поляне делать. Вот, лошадей приведет, да доспехи ваши, что вы по лесу растеряли отыщет, пусть тогда и является. Должна же от оборотня какая-то польза быть, кроме вреда?

Глава 13. Первостепенные задачи

Ярослав то и дело ловил себя на мысли, что не в силах противиться словам ведьмы и готов делать всё, что бы она ни попросила. И это ему очень не нравилось. По крайней мере, то, какой властью она обладает, откровенно пугало. Опять же, непонятная ситуация с её братом и самим Ярославом. Мало ли, что она себе надумает.

С одной стороны, она уверена в том, что Якош Святославич жив. С другой стороны, кто знает, что у этой ведьмы на уме. Ещё и та самая кадка, которая когда-то забрала силу у Якоша Святославича. А что, если она применит её сейчас против Ярослава? Заберёт себе силу и отправит его по добру-поздорову? И какой-то определённости совершенно нет.

Ярослав так и вертел у себя в голове эти мысли, когда они наконец оказались в просторной и светлой избе.

Удивительно, но изнутри она оказалась гораздо больше, чем снаружи. Не мог такой огромный зал поместиться в том тереме, который Ярослав видел до этого. Тот снаружи казался от силы под сотню квадратных метров, а тут едва ли не спортзал.

– Слушай, – спросил вдруг Ярослав, – а ты меня обратно-то отпустишь?

Девушка хитро обернулась, и окинула его взглядом.

– Не себе же мне тебя оставлять, – улыбнулась она. – Парень ты, конечно, симпатичный, но мне и без тебя хлопот хватает.

– Ты пойми, для меня очень важно и домой вернуться, и с Якошем Святославичем повидаться. Но есть у меня и другое дело очень важное. Надо мне к нашему воеводе Клёсту срочно новости принести. Ему страшная беда грозит. Если мы его не предупредим, он может погибнуть, да и землю свою потерять вместе с людьми, живущими на ней. А такой беды никому не надо. Да и я домой с таким клеймом на совести вернуться не смогу.

Девушка молча слушала Ярослава, склонив голову на бок и ничего не отвечала, будто действительно размышляла, стоит ли его оставлять или отпустить.

– Там ведь товарищи мои, они уже мне как братья стали. Не могу их бросить.

– Да ладно тебе, отпущу я тебя. Ишь, разошёлся. Говорю же, не солить же мне тебя в кадке.

Она улыбнулась так, что у Ярослава мурашки пробежали по спине, как будто именно это она и планировала с ним сотворить. Однако после её заверения он поуспокоился и даже немного осмелел. Он вдруг заметил играющую в дальнем конце помещения Алию.

– А с девочкой ты что собираешься делать? – спросил у ведьмы Ярослав.

Та снова напевала свою бесхитростную песенку. Девушка перевела взгляд с Ярослава на дочку рыси, затем обратно посмотрела на него.

– А что мне с ней делать? – спросила она. – Не переживай, ты можешь говорить при ней. Она всё равно нас не слышит. Я отделила её.

Ярослав не понял, что ведьма имеет ввиду, но понял, что Алия каким-то образом не будет слышать то, о чём они говорят.

– Делать я с ней ничего не собираюсь. А так, пускай у меня живёт. Я то о ней позабочусь и вырашу как надо. Да и мне самой будет не скучно. А то я давно уже живу на этом свете и всё время одна да одна. Порой хочется за кем-то поухаживать.

Она мягко улыбнулась.

– Так её родная мать ищет, всё мается. Никак покой не найдёт, – произнёс Ярослав.

– Так плохая мать, если дочку потеряла, – заявила девушка, обернувшись и уперев руки в бока. – Потеряла один раз, потеряет и второй. А уж я-то точно не потеряю. Поверь мне. Мне Алия уже совсем родной стала. Нет, парень, не проси. Девчушку я матери точно не отдам.

– Так как же быть-то? – удивлённо посмотрел на неё Ярослав. – Она столько времени её ищет, от тоски умирает. Поставь себя на её место. Представь вот, что у тебя была бы дочь, которую бы кто-то забрать решил...

Ярослав оборвал фразу на полуслове, поймав на себе грозный взгляд.

– Ты бы лишнего не говорил, – вдруг очень хмуро произнесла девушка. – Ты ничего про меня не знаешь. И нечего предполагать, что было бы, если бы да кабы.

– Ничего не знаю о тебе, – честно согласился Соколов. – Но я точно знаю, что родная мать этой девочки очень страдает. И вряд ли по неосторожности потеряла её. Её уже ведь несколько раз убить пытались, а она всё не успокаивается и рыщет вокруг, пытаясь отыскать свою девочку.

Ярослав не стал хвастаться тем, что именно он уже несколько раз спасал рысь Итисию от верной смерти.

– Совесть тебя потом мучить не будет за это? – спросил он. – И девочка как, не страдает от того, что мать не видит?

Ведьма призадумалась.

– Сейчас ответа тебе не дам. Я подумаю, как поступить, но говорить тебе пока ничего не буду. Вот сходишь к своему воеводе, решишь свои дела, потом возвращайся. И заодно... – она кивнула, будто на что-то решаясь. – Найди мать этой девочки и с ней в следующий раз приходи.

– А ты Итисии ничего не сделаешь? – осторожно спросил Соколов.

Девушка хмыкнула и качнула головой:

– Неужто я такой опасной выгляжу? Или давала повод меня бояться?

– Ну вообще-то да, – покивал Кирилл. – По крайней мере, с теми ребятами ты очень уж круто обошлась.

– Ну так они сами нарвались, – невозмутимо пожала плечами девушка. – Ты же ведь мне ничего плохого не сделал. Или замышляешь чего?

Она вдруг прищурилась.

– Нет-нет, – помотал головой Ярослав. – Ничего такого не замышляю.

– И это правильно, – кивнула ведьма. – И мать этой девочки мне ничего не сделала. Наоборот, родила такую прекрасную малышку. Поэтому я ничего не сделаю. По крайней мере, вредить точно не стану. А сейчас ешь, пей, а меня от дел не отвлекай. И глупые вопросы не задавай. А то ишь, разошёлся. Не у себя дома, чтобы хозяйничать да командовать.

В этот момент в дверном проёме показался пошатывающийся Татень.

– Вроде и не пил, а как будто пьяный, – сказал вдруг старый ратник, почёсывая макушку, и весело рассмеялся.

– Садись-ка за стол, – кивнула хозяйка воину. – Кормить я вас буду. А потом в путь-дорогу отправитесь.

– Но это я всегда рад, – хохотнул Татень и уселся за длинный стол.

Яства, что поставила на стол колдунья, были, наверное, самыми вкусными, что Ярослав пробовал за всё время пребывания в этом мире. Да и не только в этом мире.

Что-то, а готовить красавица-ведьма умела. Там были и пироги, и щи с мясом, и лёгкий освежающий морс, и очень нежный сыр, что Ярослава очень удивило. Он даже не удержался от вопроса:

– А откуда сыр-то взялся? Коров я здесь не видел что-то.

– Так лоси в лесу водятся, – ответил вместо колдуньи Татень. – Чувствуешь привкус? Этот вкус я ни с чем не перепутаю. Такой вкус только у лосиного молока.

Закончив с едой, у него поднялось настроение, и он даже изволил шутить, правда, про себя. Он даже подумал, что стал понимать Алию. Он бы, наверное, тоже остался вместе с ведьмой после такой-то вкуснятины.

Попроситься что ли, чтобы она его усыновила?

На этом моменте Ярослав поймал на себе насмешливый взгляд ведьмы, которая будто прочитала его мысли. Тогда он решил отбросить глупости. Однако не мог отделаться от мысли, что в женихи бы набиваться точно не стал. Опасался повторить судьбу тех ратников Врабия, а такая участь его не вдохновляла.

После этого он снова поймал на себе смеющийся взгляд ведьмы и решил, что она точно мысли читает. Однако после этого она больше себя никак не проявляла.

Наевшись, немного передохнув, Ярослав толкнул Татеня локтем в бок, мол, собираться надо в дорогу. А старый воин всё не сводил взгляда с девушки и довольно потирал усы.

– Ух, какая красавица! – то и дело повторял он.

– Кстати, а как я тебя найду? Имени твоего не знаю. Как мне тебя звать-то? После того, как закончу со своими делами и найду мать девочки.

– Как захочешь меня найти, тебя лесная тропа сама и выведет. Если, конечно, и вправду захочешь, – она хитро улыбнулась. – Ну а в целом ты вроде и не дурак, но отчего не понимаешь, сколько в тебе силы. Даже захочу я от тебя скрыться, ты меня так и так отыщешь. По крайней мере, сила в тебе великая, парень, сокрыта.

О какой силе она говорила, Ярослав не знал. Он ничего такого в себе не ощущал. Да и Нестер говорил тоже про какую-то силу. Но пока что ему только и удалось, что прорастить ветки из двери, что, к слову, тоже Нестера очень удивило.

Хотя Ярослав ведь и не занимался никак своей силой. Тот росток, что дал ему лесной хозяин, до сих пор покоится у него под рубахой. И времени на то, чтобы прорастить его у Ярослава так и не появилось. Слишком уж всё за последнее время было насыщенным.

Однако ответить ведьме он ничего не успел. Спустя пару минут, будто по заказу, за окнами раздался волчий вой. Этот вой Ярослав сразу узнал. Это был Жужель. И сообщал он, что пригнал коней и доспехи притащил. Ярослав уже давно привык к тому, что каким-то образом понимает все эти завывания и распознает послание, что Жужель говорит нечеловеческим голосом. И это, с одной стороны, удивительно. С другой стороны, он что-то такое помнил из учений Якоша Святославича про понимание звериных голосов.

– Ну что, поели, отдохнули? А теперь вам действительно пора в дорогу. Давайте-ка собирайтесь, – заявила вдруг ведьма. – К воеводе вашему дорога свободна, погони нет, так что опасаться вам нечего. А если ещё докричитесь до своего лесного друга, так он вас за пару часов до места доставит. Так что езжайте.

– Кстати, о лесном духе, – вдруг переполошился Ярослав, – он сильно переживает о том, что ты на его земле находишься, и он боится, что ты беду ему можешь принести. Говорит, что ты очень сильна, и он не может никак тебя найти, оттого переживает, что если ты чего замыслишь, то он тебе даже противостоять не сможет.

– Дурак он, – расхохоталась ведьма, – как и все мужики, впрочем. Даром, что деревянный. Успокой его, что ничего худого ему не сделаю. И вот, передай ему пирог от меня в знак доброй воли.

У ведьмы в руках вдруг появился свёрток из холстины. Судя по очертаниям, там действительно находился один из тех пирогов, которыми почивала их ведьма.

– Вот передай ему. Скажи, что это от меня в знак доброй воли. Я-то уж знаю, как эти лесовики поесть любят, – она подмигнула Кириллу. – А как поест, так поймёт, что от меня зла ждать нечего.

Ярослав вспомнил о судьбе дружинников, да и про оборотня вспомнил. И решил не брать слова ведьмы на веру. Однако принял из её рук завернутый пирог, и хотел было направиться к выходу, но она снова их остановила.

– Ну-ка постой-ка. Вот ещё что.

Она вдруг повернулась, ушла в дальний угол комнаты, где стоял довольно большой, окованный железом сундук.

– У меня остались старые штаны и рубаха Якоша, – вдруг произнесла она. – Они ему ни к чему, а вот вам пригодятся, – произнесла женщина, действительно достав из сундука просторные штаны и рубаху.

Ярослав не понял, зачем ему может понадобиться чья-то ношенная одежда, но решил лишний раз не спорить. Поклонившись хозяйке и поблагодарив, он повернулся и вышел из избы.

Выйдя на крыльцо, Ярослав практически сразу понял, зачем им понадобилась запасная одежда, когда увидел голого Жужеля, что держал коней за уздцы и неловко прикрывался доспехами.

– Ты куда мой доспех напяливаешь, злодей? – затряс кулаками Татень. – Их на другое место цепляют. Я тебя их чистить заставлю. И сколько раз тебе говорить, голым задом-то не сверкай, а то я тебя точно оглоблей огрею.

* * *

После того, как ведьма отправила их в путь, Ярослав и сам не сразу понял, что как сомнамбула шагает к выходу с поляны.

А когда терем ведьмы скрылся среди деревьев, он будто отмер и принялся озираться. Тем же самым сейчас занимались Татень и Жужель, что, кое-как одевшись, по-прежнему держал лошадей за уздцы. И, судя по их округлившимся глазам, Ярослав понял, что те сами вообще ничего не понимают и, кажется, не помнят, что происходило пару минут назад.

– Где это мы? – задал Татень самый актуальный на данный момент вопрос. – И где погоня? Бежать же надо! Чего мы стоим-то? – он принялся озираться. – Жужель, а ты здесь что делаешь? И коней зачем привёл?

Ярослав не знал, что удивило его больше всего – чудовищная сила ведьмы, которая с живыми людьми была способна играть будто марионетками, или то, что Татень, будучи абсолютно не в себе, вёл себя с лесной красавицей, на удивление, тактично и корректно. Он бы даже сказал «галантно».

– А зачем я оделся? – спросил вдруг Жужель, глядя на поношенную одежду, что явно была ему великовата. – На четырёх лапах ведь бежать надо. И зачем я это сделал?

Ярослав решил ничего не объяснять.

– Так чего же мы стоим-то? – вновь переполошился Татень. – Погоня ведь, бежать ведь надо!

Ярослав поспешил успокоить воина.

– Всё уже, нет никакой погони, – произнёс он.

– Как это? – не понял Татень.

– Да, ты, видимо, не помнишь, головой, наверное, стукнулся. Отбились мы от них, ну и добрые люди помогли.

– Отбились? – у Татенья аж глаза заблестели, и он принялся оглядываться. – От десятирех Врабиевцев? Прямо сами? А что за добрые люди?

Ярослав про себя подумал о том, что то, насколько эти люди добрые, вопрос очень даже спорный. Однако ответил:

– Что за люди, это не важно. Главное, что мы живы и целы. И у нас важная задача не выполнена. Врабиевцев не всех положили. Из них три или четыре человека осталось, я точно не помню. И они, как я понимаю, уже бегут обратно к себе в село. Мы ведь не знаем, есть ли у них ещё воины, так что не будем рисковать, а то вдруг они за нами снова погоню пошлют.

А Татень Ярослава будто и не слышал.

– Экий я воин-то! Пощипал врага, троекратно нас численно превышающего. Пощипал их так, что они кое-как ноги унесли, и даже не помню этого.

Татень с громким смешком вытащил меч из ножен и принялся его изучать:

– Странно, а чего на мече крови нет? Ну это ладно, я бы обтёр, но и зазубрин нет. А не лжёшь ли ты мне, часом?

Он вдруг подозрительно поглядел на Ярослава. Соколов же едва держался, чтобы не расхохотаться.

– Так ты и не мечом сражался, а будто лев скалил на них зубы, а ещё дубиной от них отбивался, будто древний герой.

– Дубиной? И что это за герой такой? – тут же наострил уши старик, примеряя на себя новую роль.

– Да ты, наверное, не знаешь такого. Он из другого княжества, Геракл его зовут.

– Геракл, – произнёс Татень, будто пробуя имя на вкус. – Действительно не слышал. И что это за герой такой?

– А у него дубина была, которой он всех колошматил, – сдерживая смех, принялся рассказывать Ярослав, попутно взяв из рук Жужеля доспехи и принявшись облачаться в них. – Он этой дубиной и гидру многоголовую победил и льва Лернейского.

– Лернейского? – округлил глаза Татень. – А это как – Лернейский?

– Да, значит большой очень, – тут же пояснил Ярослав.

А Татень, по его примеру, пребывая в глубокой задумчивости, тоже принялся облачаться в доспехи.

– Ну ладно, ты это мне потом расскажешь, – наконец, облачившись, произнёс старый воин. – Нам бежать надобно, да побыстрее.

Ярослав, совершенно не видя поводов для споров, быстро вскочил в седло.

– Так, братья-дружинники, – оглядел он своих товарищей. К тому времени не только Татень успел облачиться в доспехи, но и Жужель уже перевоплотился в волка. – А кто-нибудь знает, куда ехать-то? Я, кажись, заблудился.

– Ну, если не знаешь, куда ехать, – весомо произнёс Татень, – езжай прямо! – изрёк он и направил своего коня аккуратно туда, где пару минут назад находился терем ведьмы.

Ярослав хотел бы окликнуть воина, но с удивлением заметил, что тропинки-то уже и не было. Поляна с теремом и лесной красавицей им тоже не открылась.

Ярослав не успел испугаться, но, поняв, что на пути ничего нет, последовал за воином.

Эх, сейчас бы Нестер не помешал. Но не факт, что это его земли. Поэтому, Ярослав пока не стал дотрагиваться до своего волшебного пояса и звать лесного хозяина, чтобы пока не привлекать к себе внимание, а то мало ли, какой здесь лесной дух хозяйничает и насколько благосклонно он отнесётся к незванным гостям.

А когда будет уверен, что оказался на землях Клёста, вот тогда он и позовёт своего товарища и наставника. Пока что ему выяснять отношения с чужими волшебными существами точно не с руки, только лишним будет.

Оборотень, тем временем потянув носом воздух, вдруг припустил куда-то вглубь леса. Кто-кто, а он-то дорогу точно должен найти, как минимум по нюху.

Татень было нахмурился, но оборотень, вильнув хвостом, будто показывая, куда ехать, твякнул и побежал вперёд. Ну а Татень, в свою очередь, тут же направил своего коня следом за хвостом четырёхлапого.

Тропка под ногами хоть и угадывалась, но была она совсем нехоженная, отчего путь оказался непростым. Они пробирались так по лесу около сорока минут, когда на пути Ярослава вдруг показалась очень узнаваемая арка. Он было обрадовался, что Нестер наконец-то вышел на него. Но в этот момент всё вокруг вдруг задрожало от глухого рокота. А затем громогласный голос заставил коней застыть на месте:

– Вот я тебя, злодей, и отыскал! – раздался очень грозный, но при этом очень знакомый голос.

В следующий миг Ярослав вдруг понял, что неведомая сила выдернула его из седла и увлекла куда-то вверх.

Его полёт был недолгий, и закончился он, когда Ярослав со всего маху врезался плечом в толстый ствол дерева, а затем, скатившись кулём, распластался на земле. Следом на Соколова навалилось нечто тяжёлое и явно деревянное.

– Сейчас я тебя... – вопил лесной хозяин, но тут же осёкся: – Ах, так это ты? – удивлённо спросил он.

А Ярослав вдруг увидел над собой два горящих оранжевых глаза.

– Пугало лесное! – не выдержав, воскликнул Соколов. – Я тебе тут дары от ведьмы несу, да новости, а ты на меня тут бросаешься без предупреждения!

Ярослав тут же осёкся, понимая, с кем и каким тоном говорит, но лесной хозяин, кажется, и сам не заметил реакции Соколова.

– От ведьмы? – спросил он. – Да ещё и дары? То-то от тебя моими травами редкими пахнет. Видимо, у неё работа кипит вовсю. Интересно, что она там готовит?

Ярослав, отдуваясь, поднялся на ноги, огляделся. И, покачиваясь, поплёлся к своему коню. В седельной сумке у его мерина был припрятан узелок с пирогом. Шипя от боли, он достал свёрток, затем развернулся и посмотрел в упор на хозяина.

– Вот! – недобро зыряка на Нестера, произнёс он. – Гостинец тебе знак доброй воли!

– Гостинец, – удивлённо повторил Леший.

Однако от пирога отказываться не стал и, стоило ему понюхать дарованное лакомство, у него аж глаза засветились.

Лесной хозяин, явно довольным голосом, произнёс:

– Что ж, попробуем, чем загостившиеся злодейки нынче хозяев потчуют!

Ярослав, всё ещё злясь на лесного хозяина, спросил:

– А не боишься, что она тебя отравит?

– Не отравит! – уверенно ответил Дух.

Ярослав тем временем, решив сразу брать быка за рога, пока тот не сбежал, вдруг заявил:

– Лесной хозяин Нестер... – Ярослав вспомнил о первостепенной задаче и решил сменить гнев на милость, а голос его стал елейным и сладким: – А ты сможешь нас обратно к Клёсту вернуть? Очень важные вести для него есть. А мы, как видишь, опять далеко от своего воеводы.

Пока Нестер не успел опомниться, Ярослав затрепал, как сорока:

– Скоро на нашу землю враги придут, и добром дело не закончится. Думаю, и леса пострадают изрядно, если мы предупредить его не сумеем.

Нестер, который по-прежнему был всерьёз увлечён пирогом, пофыркал, но в итоге лишь махнул рукой, вернее, веткой, что заменяла ему конечность.

– Ну так пошли за мной, а по дороге расскажешь, что там за ведьма ко мне пришла. И чего ты её духом так пропах. И какая такая беда на наши земли идёт. Очень уж мне интересны твои рассказы.

Глава 14. Честь или польза?

На этот раз, чтобы пройти тайной тропой лесного хозяина, всадникам пришлось спешиться. Уж слишком низко нависали ветви деревьев, кое-где, вместо веток, дорогу преграждали целые стволы. Вот, сюда бы режиссера, который снял бы какой-нибудь фильм ужасов!

А может, это просто уловка Нестера, который хотел в спокойной обстановке порасспросить своего юного друга о встрече с незнакомкой? Все-таки, лесному хозяину, который предпочитал передвигаться пешком, общаться с всадником трудно. Разве что, самому становиться вровень с конем. Но Нестер, кажется, не очень любил менять свой облик. Так что, все может быть.

Ярослав вел своего мерина на поводу, а сам рассказывал, как они попали на поляну, как встретились с девушкой. Сообщил и о девочке, и о том, что лесная ведьма показала ему ту чашу, собранную из деревянных клепок, в которой хранилась сила Якоша. Умолчал лишь о том, что это именно женщина расправилась с дружинниками Врабия. Рассказал бы и об этом, но спина Татенья была слишком близко и слишком напряжена. Наверняка старый дружинник прислушивается к разговору. А ведь он сам недавно рассказывал, как старик в одиночку сокрушил врагов. Вроде бы, хотел пошутить, а Татенья принял шутку за чистую монету. Что ж, пусть считает, что он сокрушал врагов, аки Геракл. Ведьма наверняка не обидится, ей до таких мелочей и дела нет, а старому ратнику приятно. Кстати, а у Геракла, вроде бы еще и помощник был? Тот, что прижигал факелом шею гидры, когда герой сбивал дубиной очередную голову? Вот так вот, лет через двести, и в Бранском княжестве появится свой герой, сокрушивший несметные силы врагов, а с легендарным героем вспомнят и помощника – странного парня из будущего.

М-да, опять не туда занесло.

Но отчего, обычно недоверчивый воин, так легко поверил, когда ему рассказали о его, якобы, подвиге? А может, трава на поляне так подействовала?

Нестер, внимательно слушающий, после окончания рассказа, принялся задавать наводящие вопросы:

– Так говоришь, у лесной ведьмы брат имеется? Да не простой, а могущественный колдун? Тот самый, Якош, который тебе свою силу передал?

– Ага, – подтвердил Ярослав. – Мать у них одна, а отцы разные. Вроде бы, это называется единоутробные брат и сестра?

– Неважно, как это называется, – отмахнулся Нестер ветвистой лапой. – Главное, что у этой ведьмы силенок побольше, чем я думал. Но говоришь, что ведьма мне не враг?

Ярослав не стал повторять нехорошее слово, которое незнакомка употребила по отношению к лесному хозяину. Вдруг обидится на дурака? Поэтому ответил так:

– С ее слов, она тебя своим врагом не считает. А как уж на самом деле – судить тебе. По делам судить надо. Скажи, она тебе что-нибудь плохое сделала?

– Так вроде бы нет, – повел леший плечами-пеньками. – Но почему она из Жужеля, который волкулаком был, волкудлака сотворила? И отчего, когда сюда пришла, ко мне не навелась? Если ей травы собирать надо, так я бы ей самые лучшие места показал. Нет, трав мне не жалко, но порядок во всем должен быть. Пришла в гости, нужно вначале с хозяином поздороваться, а если поселиться решила – так разрешения спросить. Ведьма-то она, конечно могучая, но будет шалить, я же её в козий рог скручу, или в бараний.

Ярослав постарался спрятать ухмылку. Ишь, в бараний рог он девушку скрутит! Как он ее скрутит, если Нестер до сих пор даже не знает, на какой поляне прячется сказочный терем? Вон, у незнакомой красавицы в избе есть и печка, значит, нужны дрова. А кто в ее дом провизию поставляет? Мясо да овощи не с неба падают. А хозяин здешних лесов до сих пор не может установить какой-нибудь примитивной слежки, чтобы отыскать незнакомку.

Но с другой стороны, кто знает истинное могущество старого лешего? Может, на самом деле он и не пытался найти красавицу? Ведь сумел как-то Лесной хозяин снять заклятье, наложенное на оборотня? Да, а на самом ли деле это заклятье? Может, ведьма права и оборотень просто полез на поляну, куда ему вход воспрещен? Отчего, кстати? Вполне возможно, что у красавицы аллергия на шерсть, или на оборотней. Поставила какую-нибудь преграду, а она возьми, да и шарахни бедного Жужеля, да так, что он пошел кусать всех встречающих и поперечных.

Нет, сложно все это. Леший, лесная незнакомка, оборотни. Какие-то заклятия, проклятия. Лучше бы ему унести ноги из Бранского княжества на свою историческую родину, а тутешними делами пусть он сами занимаются. Вот только, вначале нужно помочь Клесту стать князем. И воевать с «врабиевцами» тоже придется. Он ратник, а если он сбежит до поры до времени, то это получится изрядное свинство. Нет уж, сначала дело, а домой можно и потом. Да, надо еще помочь бедной женщине-рыси свою дочку вернуть. Вон, как та печалится.

Ярослав очень переживал, что они прибудут в Клёстово, а воевода еще не успел вернуться из той деревушки. Как там она называется? Не то Язиха, не то еще как-то. В общем, из той, которую дружинники спасали от огня.

А могло еще так быть. Пока они болтались по лесам да ведьминым полянам, войско уже выступило в поход, не дожидаясь разведчиков. Ведь и так могло случиться.

– Ну вот и пришли, – сообщил лесной хозяин, отодвигая сучковатой лапой-рукой еловую ветку, преграждавшую путь. – Вскидывайте в седла, а ты хвостатый, вперед беги. Смотри, чтобы собаки тебя не загрызли.

Но Жужель, так и остававшийся в волчьем облике, собак не боялся. За то время, что он проходил обучение в дружине, он уже успел подружиться почти со всеми четвероногими обитателями села. Поэтому, оборотень смело рванул вперед, да еще и пытался тявкать, словно позабыв, что волкам тявкать не положено.

– Спасибо! – в один голос поблагодарили Татень и Ярослав лесного хозяина, но тот уже словно сквозь землю провалился.

Ратники вскочили в седла и помчались вслед за оборотнем. Благо, что лесная тропа вывела их прямо на околицу, и ехать-то оставалось всего ничего. А там, около домов, показалась знакомая фигура. Вроде бы, помощник воеводы. Но коли Крень тут, значит, и воевода на месте. Или Клест ушел в поход? Но что гадать, если проще спросить?

Навстречу ратникам с радостным лаем выскочил Спатак. Но огромная собака, прежде чем подбежать к людям, остановилась, обнюхивая Жужеля. Кажется, совсем недавно пес сражался с оборотнем, а теперь стоит, обнюхивает. Убедившись, что оборотень свой, Спатак позволил ему пройти в село.

Спешившись, ратники поприветствовали помощника воеводы. Тот, кивнув подчиненным, поинтересовался:

– А вы что, в разведку не пошли? Или пройти не сумели?

– Отчего это не пошли? – удивился Ярослав. – И в разведку сходили, и кое-что разузнали. Но про это пусть лучше Татень рассказывает.

– Так мы вес не раньше, чем послезавтра ждали. Как это вы так быстро? – поинтересовался Крень, а потом догадался: – А, так вам опять лесной дух помогал?

– А может и помогал, – ответил Татень, пригладив усы и искоса взглянув на Ярослава, занятого поглаживанием Спатака. Как же не погладить такого хорошего парня?

А старый ратник, деланно вздохнув, самодовольно сказал:

– А у нас такая славная погоня была. Эх, как за нами гнались! А когда нас догнали, как мы славно сражались! Если расскажу, так не поверишь, хотя и взаправду все было!

– Так ты тогда и не рассказывай, – отмахнулся Крень. – Потом, как-нибудь, когда настроение у тебя будет.

Верно, помощник воеводы решил сразу же перейти к делу:

– Удалось что выведать? Воевода только вас и ждет. Пошли-ка к нему, там все и расскажете.

Отдав поводья коней в руки вездесущим мальчишкам (Ремня бы им дать! Опять, небось, от работы в поле отлынивают стервецы!) ратники пошли к дому воеводы.

Пока шли, Ярослав обратил внимание на то, что возле домов стояли груженные телеги. Можно было понять, что войско собирается выступать в поход. Вот тут вот припасы для лошадей – мешки с овсом, а здесь уже еда для людей. А в этой телеге стоят корзины, заполненные стрелами. Их потом дружинники станут разбирать по колчанам. А те стрелы, что улетели, ищи-свищи потом.

Имелось даже пара возов с сеном, хотя, вроде бы, везти с собой сено и смысла нет – травы в поле достаточно, есть что коняшкам пощипать.

Обозные лошади, правда, еще не запряжены, а кони дружинников не оседланы. Ну да зачем раньше времени гоношиться? А оседлать да запрячь недолго. И в седо воину вскочить недолго.

Воеводу они застали за важным делом. Клест самолично приводил в порядок свои доспехи. Ворчал, что какая-то железная пластина, должная закрывать живот, куда-то слезла и теперь надобно отпарывать соседнюю, чтобы укрепить. Но доспехи – это такое дело, что никому не доверишь. Как парашют у десантника. Ярославу в армии еще только предстояло служить, но он знал, что каждый десантник укладывает свой парашют сам. А если тот не раскрылся, так сам виноват.

– Ну что, выкладываете, – кивнул Клест, завидев своих лазутчиков. – Который из вас рассказывать станет?

А рассказывать, разумеется, стал Татень. Он и постарше, да и поопытнее в военных делах.

– В общем, воевода, такое дело, – начал старый ратник, а потом, после первой фразы, сообщил главное: – Врабий со своей дружиной на нас уже выдвинулся. Только он идет не через Бранск, не по прямой, а через земли Врана и Стрежени. А твои деревни он приказал жечь, чтобы тебя отвлечь.

– Еще что? – спокойно приняв тревожные новости, поинтересовался воевода.

– Так вроде и все, – хмыкнул Татень. Подумав, добавил: – Еще скажу, что погоня за нами была. Врабий за нами целый десяток послал. От той погони мы ушли, а тех, кто за нами гнался, малость угомонили. Ярик, на сколько душ, не считал?

Ярослав еще на поляне посчитал, скольких врагов «угомонила» красавица ведьма.

– Семерых, – ответил парень.

– И что, вы втроем с десятерыми справились? – удивился воевода. – И семерых воинов уложили?

– Выходит, что так, – хмыкнул Татень. – Повезло нам, да еще лес помог.

Старый ратник не стал рассказывать о своем собственном подвиге, о котором услышал от младшего товарища. Скромный. А может, пока ехали, пораскинул мозгами, да и понял, что драться дубиной против десятерых воинов – это глупо и слишком неправдоподобно. Так что, лучше смолчать, а подробности расспрашивать никто не станет.

Пожав плечами, старый ратник сказал:

– Нового мы с Яриком ничего не вызнали, можно было предположить, что Врабий именно так и пойдет, да и про пожар – тоже не велика хитрость.

Ярославу стало немного не по себе. Это что же такое получается? Они вместе с ратником и оборотнем ездили в разведку, потом удирали, только ради того, чтобы подтвердить уже имеющиеся предположения? А что, без разведки-то было не обойтись?

А Клест, словно отвечая на его невысказанный упрек, кивнул:

– Что ж, молодцы. На поварню сходите, закусите, да и спать ступайте. Вижу, умаялись. Отдыхайте, а как в поход выступать станем, я вас прикажу разбудить.

Ярослав уже повернулся, чтобы пойти на поварню, но неожиданно Татень спросил:

– Воевода, ты уж прости меня старика, но любопытствовать хочу – сколько ты человек с собой собираешься брать?

В мире, что покинул Ярослав, вряд ли бы простой воин спросил военачальника – сколько ты с собой людей берешь? Но тут мир иной, да и войска такие, что в его реальности только на взвод потянут. Поэтому, Клест ответил:

– Так всю дружину и собираюсь взять. Оставляю здесь человек пять, включая новичков. Мы Брабия прямо на дороге и встретим, пока он раздумывает, да перестраивается – мы его и возьмем.

Ярослав мысленно похвалил воеводу. Правильно. Идеальный вариант встретить вражеское войско на марше, пока оно не готово к бою. Кажется, римская пехота, считавшаяся в свое время лучшей в мире, терпела поражения именно тогда, когда она была на марше, не успевая развернуться в боевые позиции. Правда, Ярослав не мог вспомнить – кто громил римлян? Не то Ганнибал, не то Спартак. А может, и тот и другой? Но старый воин был с этим не согласен.

– Зачем всех тащить, если у Брабия меньше войск? – заявил Татень. – У него же две дюжины осталось, не больше. А мы всю дружину приведем, так в чем доблесть?

– А я не доблесть хочу проявить, а жизнь своих ратников сохранить, – спокойно отозвался Клест. – Если у меня будет хоть небольшой, но перевес, больше вероятности легкой победы. А чем быстрее войну закончим, тем лучше.

Фух! Ярослав мысленно выдохнул. Он опасался, что воевода, слегка помешанный на честности, вдруг согласится со стариком. Но нет же, хватило ума решить все правильно. Какая к лешему честность с бесчестными людьми?

Старый ратник открыл рот, чтобы возразить, но теперь и Ярослав позволил себе вмешаться.

– Татень, а сам-то Брабий с нами по-честному поступает? – спросил парень. Увидев, что старый ратник призадумался, пошел в атаку: – Его на божий суд вызвали, а он нас живьем решил сжечь? Мы в разведку втроем пошли, и что? Он за нами в погоню троих послал? Нет же, целый десяток. Брабий ни о какой честности не думает, а только власти жаждет.

Но от Татеня разумные слова отлетали, словно от стенки горох.

– Если мы подлостью с врагом уравниемся, так зачем такая победа? – упрямо заявил старый воин. – Уж лучше умереть, чем сподличать.

Ярослав едва не завыл. Подумал – и чего ведьма разбудила старика? Пусть бы спал себе на поляне, да глупости не говорил, и воеводу не смущал.

Но Клеста было сложно смутить.

– Ладно, старый, убедил ты меня, – кивнул Клест. – Ты воин бывалый, я тебя очень уважаю. Не обессудь – всю дружину с собой возьму. Но коли до боя дойдет, то посмотрим – сколько людей понадобится. Если что, то ты в бой вступать не станешь, чтобы честь сохранить. Посидишь где-нибудь в кустах, посмотришь со стороны. Добро?

– Да что ты такое мелешь-то, воевода? – возмутился Татень. – С чего это я в кустах сидеть стану, если бой будет?

– А не хочешь в кустах сидеть, тогда помалкивай, да мою волю выполняй, – хмыкнул воевода.

Он еще раз внимательно осмотрел свой панцирь. Вроде бы, остался доволен. Посмотрев на ратников, сказал:

– Так что, ступайте-ка на поварню, пока там не все съели. А то скоро в поход идти, а по дороге есть некогда.

Глава 15. Долги и намерения

Клест решил выступать утром. Пусть и дружинники, и кони пока отдохнут, да и какой толк выступать в поход вечером, если через час-другой придется становиться на ночлег? Нет уж, пусть все выспятся, как следует, потому что неизвестно, когда в следующий раз удастся толком поспать.

К вящей радости десятника Рубца, его десяток тоже отправится в путь, а вот Алатырю придется брать на себя начальствование и над остающимися – увечными ветеранами и новичками, за исключением Ярослава. Как-то уже само-собой получилось, что Сколов перешел в иную страту – не новичков, а тех ратников, что бились рядом с самим воеводой. Специального названия для таких воинов еще не придумали, но Ярослав вспомнил, что этих дружинников много позже станут именовать боярами. Но это не те бояре, что станут заседать в Боярской Думе, иметь свои собственные вотчины, полученные от князя и приводить к своему господину свои дружины. Нет, пока это лишь старший дружинник, которого можно отправить в самую гущу боя, а еще, коли понадобится. И пока такой ратник не может рассчитывать даже на какие-то простые бонусы – хорошие доспехи или особая пища. Нет, все то же самое, как и у всех.

Неждан с Зозулей слегка завидовали своему другу. Но не тому, что Ярослав занял какое-то особое положение, а тому, что он завтра отправится воевать, а им опять, словно мальчишкам, придется слушать наставления Алатыря, да заниматься ратным боем на деревянных мечях. Эх, знали бы парни, что и сам Ярослав не стал бы рваться в поход, а посидел бы дома, да чтобы наворачивать в поварне вкуснейшие пироги, а не питаться, черт-те как, но и отказываться нельзя. Как говорил дед: «Дела не делай, но и от дела не бегай». В том смысле – что ни на что сам не напрашивайся, но и не увиливай. А деда этому выражению научил его собственный отец, который добровольцем в первых рядах на фронт не пошел, но как пришел его срок, да принесли повестку, то он встал в ряды РККА и дошел до Берлина. Наград на груди было не так и много, но медаль «За отвагу» прадед заработал.

Зозуля с Нежданом атаковали друга вопросами – что да как, желая услышать рассказ и о Бранске, и о разведке, но их желания были пресечены Алатырем.

– А ну-ка молодежь, спать! – рявкнул наставник и все трое быстренько разбежались.

Неждан с Зозулей ушли спать в дружинную избу, а Ярослав улегся под телегу, где уже похрапывали его соратники, с которыми завтра выступать на Врабия. Он тоже мог бы пойти спать под крышу, но последовал примеру старших товарищей. Кажется, здесь такой обычай – коли выступаешь в поход с утра, то должен обозначить свой выход накануне. Так что, если спишь под телегой, то ты уже, вроде бы и в пути.

Ярослав уже начал засыпать, как вдруг, его словно электрическим током пронзила мысль: «А как же росток?». Ведь он давал слово Нестеру, что его прорастит. А еще – нужно как-то исхитриться отыскать женщину-рысь, чтобы рассказать ей о дочери.

Росток он вырастит вряд ли, а вот нужно как-то дать знать Итисию. Подумалось вдруг, что лесная кошка, которая еще и женщина, сообщив свое имя, оказала ему огромное доверие. Правда, он до сих пор представления не имеет, как можно воспользоваться знанием чужого имени в черных целях, но ведьме виднее. Да и вообще – настоящее ли имя назвала ему рысь? А лесного хозяина точно ли зовут Нестером? Может быть, это только клички, которыми пользуются представители э-э неведомой силы, как это делают и его соратники?

Решив, что с такими мыслями он все равно не заснет, тихонько выбрался из-под телеги и направился в лес. Ночь, правда, даже в самом селе не видать ни зги, а в лесу совсем плохо будет, ну да ладно, уж как-нибудь разберётся.

На окраине села его догнал Спатак. Пес тихонечко, чтобы никого не будить, гавкнул, словно бы задавал вопрос – а куда это ты поперся, да еще ночью?

– Понимаешь, надо мне в лес сходить, – попытался объяснить парень свою мысль волкодаву.

Как бы еще эту мысль объяснить, если он и сам толком не разобрался – куда он пойдет? Да и зачем переться в лес? Итисия, скорее всего, ушла куда-нибудь в глубину леса, она не станет ждать его. Тем более, что они и не договаривались о встрече. А лесной хозяин? Ну, этот всегда на месте, но не факт, что соизволит явиться и что-нибудь подсказать. А еще, вполне возможно, что Нестер сейчас тоже спит. Снится ему сон о какой-нибудь прекрасной лесной русалке.

И как же собаке-то все объяснить?

К его удивлению, Спатак его понял. Слегка рыкнул, давая понять – мол, иди за мной, проведу.

– Вот и спасибо, – искренне поблагодарил парень пса.

Спатак пошел вперед, помахивая хвостом. Волкодав прекрасно видел дорогу (или чуял?), а человек ориентировался по хвосту.

Ярослав дошел до опушки леса и неожиданно ощутил, что тот росток, который он прятал за пазухой за неимением карманов, вдруг стал нагреваться. Чего это он? Пожар, что ли, решил устроить? Нет уж, хватило и двух пожаров.

Повинуясь внезапному порыву, парень вытащил «дар» лесного хозяина, а потом бережно положил его на землю. Меч он с собой не брал, но как у любого порядочного дружинника, нож имелся везде и всюду.

Встав на колени, Ярослав выкопал ножом не особо глубокую ямку, воткнул в нее свой росток, а потом бережно подсыпал земли. Землю он греб не клинком, а ладонью.

Было темно, но Ярослав видел, как из земли торчит небольшой сучок – вот на что был похож странный росток, посаженный в землю. Следуя какому-то импульсу, парень наложил на росток ладонь и почувствовал, как из нее идет тепло, а навстречу теплу человеческого тела, идет тепло и от кусочка дерева.

– А теперь бы еще и полить, так лет через двадцать тут отличный дубок вырастет, а еще через сто – так и настоящий дуб, – услышал Ярослав знакомый голос.

– Нестер? – удивленно воскликнул парень.

– А кто же еще? Белка-летяга к тебе придет? Так на кой ты белкам, коли орешка не принесешь? Это я, старый, из-за молодых и безмозглых, вроде тебя, ночами не сплю, – ворчливо отозвался лесной хозяин. – Ты что, не знаешь, что растеньице поливать надобно? Нукась, крынку возьми и за водой сбегай.

Ярослав даже не стал спрашивать – откуда в лесу взялась глиняная посуда, а ухватил крынку и рванул было на речку, но был остановлен лесным хозяином:

– Так ты куда, дурень? Вон, за твоей спиной лужа!

И впрямь, за спиной была даже не лужа, а лужища, а то и маленькое болотце. Как он сам-то туда не угодил?

Зачерпнув посудиною из прудика, парень принялся лить воду.

– Вот, теперь хватит! – остановил его Нестер. – Эх, молодежь бестолковая.

Разумеется, лесному хозяину хотелось еще поворчать. Но он почему-то остановился.

Там, где только что из земли торчал сучок, действительно стал пробиваться небольшой дубок, с крошечными листочками.

– Хм... – раздумчиво сказал леший, почесывая корявый подбородок. – А я ведь не думал, что у тебя получится. Думал – поиграешься ты с деревяшкой денька два, а потом бросишь. Верно, парень, сила в тебе немалая.

– Понять бы еще, откуда эта сила берется, да что мне с ней делать, – вздохнул Ярослав. Он ведь и на самом деле до сих пор не мог себе объяснить – как же у него так получилось, что «ожили» старые доски, почему сухое деревце вдруг потеплело и проросло?

– Все поймешь, – утешил его лесной хозяин. Еще разок почесав подбородок, Нестер сказал: – Шел бы ты теперь спать. Нечего человеку ночью в лесу делать. Вон, волкодав твой уже зевает.

Спатак и на самом деле зевал во всю пасть. Да, надо бы возвращаться. До рассвета еще немного времени есть – можно малость поспать. Но есть еще одно дело.

– Нестер, можно тебя кое о чем попросить? – спросил парень, трогая лесного хозяина за плечо. – Если увидишь Итисию, то передай, что я ее дочь видел.

– Так я уже все передал, – невозмутимо отозвался Нестер. – Я как услышал, что кошкина дочка у ведьмы теперь живет, так сразу ее и нашел, и порассказал. И про ведьму ту, и про колдовскую поляну. Итисия тебя сама отыщет. Ну, спать ступай.

Ярослав все-таки успел немного поспать. Часа два, а может чуть больше, но для молодого парня ничего страшного. Будет возможность поспать – так потом отоспится. Сейчас важнее как следует подзаправиться перед походом, потому что поварня трудилась всю ночь, чтобы наутро накормить ратников вкусной кашей и пирогами. Теперь-то им придется есть то, что имеется в обозе, варить на костре кулеш. Кулеш, конечно, штука сытная, но уж очень он быстро приедается.

А там уже и в поход. Тронулись конные воины, а следом за ними и обоз.

Наверное, потихонечку Ярослав становился настоящим воином, потому что как только его мерин занял место в конном строю (сразу за Татенем), то парень вначале приспособился к неспешной поступи коня, а потом потихонечку задремал. Время от времени, когда копыто мерина попадало в какую-нибудь колдобину, он просыпался и поглядывал по сторонам. Вон, похоже, что не только он, а большинство ратников подремывает на ходу, но дремлют вполглаза, чтобы, не дай Перуну, не быть застигнутым врасплох вражеской силой.

Вот так вот, подремывая, Ярослав и дошел до первого привала. Обед не готовили, перекусывали всухомятку. Воевода, дай ему волю, так бы и вел дружину до самого вечера. Махнули бы они, по-суворовски, верст пятьдесят, а то и все семьдесят. Были бы они пешими, так бы и шли, но конные так не смогут. Коням отдых требуется гораздо больше, чем людям.

Ярослав, напоив своего мерина и стреножив, отпустил конягу ненадолго попасться, а сам, ухватив седло, отыскал взглядом кустики и пошел туда с намерением немножко поспать. Седло под голову, укрыться попоной – и, красота! Вот, тоже, диво дивное. В своей реальности он бы трижды подумал, прежде чем отправиться спать в кусты, где ползают клещи, что переносят всякие болезни, вроде энцефалита. А здесь его пока ни одна зараза не укусила! Впрочем, вполне возможно, что насекомые понимают, что он чужак и не спешат напиться его крови. Мало ли какие последствия для клещей без иммунитета.

Только положил голову на седло, сомкнул веки, как услышал рядом мягкое фырканье большой кошки. Сон мгновенно слетел с парня.

– Ты что, совсем сдурела? – возмутился он. Но возмущался так, чтобы никто не услышал. Приподняв голову, убедился, что кроме пасущихся лошадей никто не услышит, сказал чуть громче: – Ты каким местом думаешь? Тут же народ кругом, с луками. Нашпигуют тебя стрелами, и все дела. Кошка ушастая!

Рысь, прямо на его глазах, перетекла в образ женщины:

– Так лучше? – поинтересовалась Итисия.

Женщина, внезапно появившаяся среди трех дюжин мужиков, тоже не лучший вариант, но все-таки, это безопасней, чем бродить тут в виде хищного зверя.

– Где моя дочь? – сразу же задала вопрос женщина-рысь.

– Дочь твоя у лесной колдуньи, где-то неподалеку, – попытался объяснить Ярослав. – Но колдунья очень сильная. Без ее соизволения, в ее дом никому хода нет.

Итисия на мгновение задумалась, потом спросила:

– Как она? Не плачет? Сыта-одета?

Лесной дух из далекой страны задала те вопросы, которые волнуют любую мать. Впрочем, она ведь и есть мать.

– С Алией все в порядке, – попытался успокоить Итисию молодой ратник. – Она жива и здорова, ведьма ее очень любит, за дочку считает.

– Ты сможешь отвести меня к дочери? – спросила женщина-рысь.

– Я с ведьмой договорился, что я тебя к ней приведу, – сообщил парень. Увидев, что Итисия уже готова бежать, покачал головой: – Прости, но я пока никуда не пойду. Понимаю, что для тебя дочка важнее всего на свете, но и ты пойми. Мы в поход идем, сражаться станем. Если я сейчас вместе с тобой отправлюсь ведьму искать, то кем я после этого буду?

– А если тебя убьют? – спросила рысь.

Резонный, между прочем, вопрос для матери. Так что, не стоит на него обижаться. Поэтому, Ярослав ответил просто:

– А если убьют, пойдёшь сама да найдёшь ведьму.

– А как я ее искать стану? – вскинула Итисия голову. Именно так вскидывает голову кошка. Соколову даже захотелось почесать женщину-рысь за ушком, но не рискнул.

– Да очень просто, – хмыкнул Ярослав. – Попросишь Нестера, чтобы он тебе ту дорогу показал, по которой мы с товарищами к нему пришли. А не покажет, так ты и сама найдешь – ты все-таки хищник, нюх у тебя хороший, вот по ней и пойдешь. А там ведьма тебя на поляну впустит.

– А без тебя она меня впустит? – недоверчиво протянула Итисия.

– Впустит, – уверенно ответил Ярослав. Он не знал, откуда у него взялась такая уверенность, но парень не сомневался, что Итисия договорится с ведьмой.

Глава 16. В бой!

Ярослав всегда был парень не промах, от драки никогда не бежал, даже когда у противников был количественный перевес. Но то были драки уличные, со всякими там отморозками или парнями из соседской деревни. А здесь же ожидалась настоящая битва не на жизнь, а на смерть, с использованием средневекового холодного оружия.

И, очевидно, на этот раз остаться не у дел не получится. По крайней мере, это уже не избивание пятерых засадников и не погоня за поджигателями. И как он не храбрился, нет-нет, да возвращался мыслями к тому, с чем ему предстоит столкнуться.

Чтобы хоть как-то собраться с мыслями, он пытался найти темы для размышления, чтобы не думать о грядущем и не позволять волнению охватить свой разум. Думал о том, каким интересным вырастет то самое дерево, что он посадил, раз даже Нестер его одобрил и похвалил. Интересно, дорастёт ли оно до тех времён, когда Ярослав еще не попал в этот мир. Хотя, наверное, деревья столько не живут, по крайней мере те, что в России. А может и живут. И если он вернётся домой, то обязательно постарается разыскать то дерево и посмотреть, каким большим оно выросло.

А ещё он надеялся, что сможет помочь рыси Итисии вернуть свою дочь. Правда, для этого ему нужно выжить и желательно не пострадать во время драки. По крайней мере, цель-то благородная, есть ради чего стараться.

Когда он оглядывался по сторонам или вглядывался в заросли, ему то и дело мерещилась следующая за их отрядом кошка. Видимо, она тоже не находила себе места от того, что у неё появилась возможность вернуть своего ребёнка, и решила попросту последовать за Ярославом для верности. А то мало ли этот пройдоха решит смуться. От этой мысли Ярослав улыбнулся. С рысью он виделся всего два раза в жизни, однако почему-то проникся к ней симпатией и теплотой. По крайней мере, мысль о том, что у него есть возможность ей помочь, его согревала. И он очень надеялся, что всё удастся, а Алия вернётся к своей матери. А ведьма не считает рысь Итисию своим врагом и не будет ей вредить, а наоборот, быть может, чем-то даже и одарит. Или они вместе будут растить девочку. А вдруг и такое произойдёт? Интересно ведь, чем всё закончится.

Первый день похода прошёл довольно обычно. По крайней мере, если не брать в расчёт количество дружинников, он ничем не отличался от путешествия к Бранску. Шли в броне. Пятеро дружинников в качестве разведчиков были отправлены метров на сто вперёд, чтобы контролировать обстановку и в случае встречи с незваными гостями предупредить своих.

Так они шагали до вечера. Потом встали на ночёвку. Крень назначил часовых, что будут оберегать сон отряда. На следующий день снова отправились в путь. Уж Ярослав не знал, как Клёст выбирает дорогу, но шли довольно уверенно, будто точно знали, где пойдёт отряд вражеского воеводы.

И примерно ближе к полудню один из пятёрки дружинников-разведчиков вдруг вернулся встревоженный и взволнованно принялся рассказывать:

– Врабий идёт, воевода Клёст! – принялся докладывать он. – И силы с ним несметные! Воин тяжело дышал и явно переволновался.

– Как далеко идёт? – сохраняя спокойствие, спросил первым делом Клёст.

– Мы его издалека засекали. Благо там дорога была прямая. И мы сначала заметили пыль дорожную, а потом и разведчиков их разглядели. Они нас не увидели. И мы по-быстрому отступили.

– А что значит силы несметные?

– На вскидку воинов дюжин пять, – заявил разведчик.

Ярослав прикинул. Пять дюжин – это примерно шестьдесят человек. А немало. Клёт даже нахмурился:

– Как это пять? У него же от силы дюжины две должны оставаться. Если десяток воинов мы уже здесь победили. Ещё дюжина во Врабьевке осталась. Откуда у него столько?

– Не могу знать, воевода. Сколько насчитал, столько и говорю.

Клёт смерил разведчика взглядом, будто пытаясь решить, доверять ли способности вояки считать, но лишь качнул головой. Затем в упор посмотрел на Татеня.

– А ты хотел двумя десятками идти, значит, – покачал он головой, глядя на пожилого воина. – И что бы мы сейчас двумя десятками делали?

Татень, слушая новости, лишь округлил глаза и надулся, как сыч.

– Ну, я же хотел, чтобы... – он пытался что-то вразумительное произнести, но подобрать веский аргумент у него так и не получилось.

– Так ты знал, что у Врабия сил больше, чем мы считали?

– Ну, Елень что-то такое говорил, но я думал, там он мужиков поднабрал. Но уж точно не пять дюжин. А выходит, вместе с теми, что остались в деревне, да что мы победили, это же не пять дюжин, а целых семь. Не, о таком мне никто ничего не говорил. Не знаю, где он столько воинов взял.

Ярославу здесь сказать было нечего, да и он старался к себе лишнего внимания не привлекать, поэтому внимательно слушал, что же решит Клёт, да что ему станут советовать его ближники.

– И что делать будем? – задал Крень вопрос, который, наверное, сейчас у всех был в головах.

– Ну, что делать-то... Что делать... Не будем же мы обратно телеги поворачивать. Бой примем. Выхода другого я не вижу. Не вечно же от него бегать, – Клёт оглядел своих воинов тяжёлым взглядом, затем направил коня чуть вперёд, чтобы все воины его услышали. – Готовьте оружие. Битва будет, причём непростая. У Врабия пять дюжин ратников. Пускай их больше, но за нами правда. Мы на своей земле. И свои земли будем оберегать. Поэтому и победа будет за нами.

Воины негромко, но уверенно поддержали своего воеводу. Ярослав же судорожно пытался рассудить. А как бы в этой ситуации он поступил? Наверняка бы сел в глухую оборону. Например, можно поставить телеги, как заграждение, и за ними ждать врага. О таком способе ведения боя он читал в каких-то книгах про индейцев. А ещё, кажется, нечто подобное слышал в школе. Чехи так сражались с немецкими рыцарями. В памяти всплыла фраза «тактика гуситов».

Ещё неплохо бы затаиться с боков и подождать, когда ничего не подозревающие силы Врабия поравняются с ними, и напасть с двух сторон. Но оценив не шибко густые заросли по краям дороги, подумал, что это не лучшая идея. А раз нет хороших идей, то, наверное, и нечего с ними выступать.

Он хотел было подсказать Клёту идею по поводу телег, но того уже обступили воины, и Ярослав до него просто не смог добраться. Зато для Татеня это совершенно не было препятствием. Он дал шенкеля своему коню и поравнялся с воеводой.

– Клёт! – прокричал старый воин, – А ведь дорога, которая сюда идёт, изгибается чуть поодаль, и там удобная роща будет на возвышенности. С неё ведь дорога потом как на ладони. Может, там встретим врага? Очень уж удачная позиция.

– Верно, – вдруг оживился взмыленный разведчик. – Если нападать на воинов, лучшего места не найти, – поддержал он старого воина.

Быстро проверив боеготовность и амуницию ближайших воинов, и отдав подобные приказы Татеню, Креню и ещё одному опытному воину, споро отправил бойцов к обозначенному месту. Такой гонки, которая последовала за приказом Клёта, Ярослав ещё ни разу в жизни

не испытывал. Его мерин по кличке Мирный, поддавшись общему порыву коней и людей, мчался вперёд на всех парах. И чтобы не упасть с седла, Ярославу пришлось уткнуться в гриву Мерина. Но, по счастью, место, о котором вспомнил Татень, было не так далеко. Причём в роще их встретили те самые четверо разведчиков, которых отправляли вперёд.

– А мы так и знали, что вы сюда прискачете, – обрадовался один из них. – А Вrabий-то уже подходит. Мы все извелись. Идёт-то он налегке, без обоза, и скоро уж тут будет.

А Клётс лишь коротко кивнул, принимая к сведению доклад разведчика.

– Ждём здесь, готовим луки и держим наготове. Как только приблизятся к нам, расстреляем их. А кто останется, тех мечами порубим. Всем всё ясно? – спросил он, глядя на воинов.

Воины, чтобы не шуметь, дружно закивали головами.

Ярослав тем временем внимательно изучал местность, где они оказались. Тот закуток, где они разместились, давал на удивление хороший обзор на тянущуюся вдаль дорогу, которая дальше тянулась вниз, в то время как они были на довольно сильной возвышенности, да ещё и закрытой растительностью. Если нарочно не приглядываться, никто не распознает, что здесь стоит целый отряд. А самое главное – вот уж действительно боги Клёсту благоволят, солнце светит аккуратно из-за их спин. А смотреть на солнце, выглядывая врага, уж точно никто не станет. Да и не ждёт Вrabий такой скорой встречи. Он, небось, думает, что Клётс до сих пор деревни тушит. Вот он сам себя и обманул. Не учёл он, что на стороне воеводы будет местный лесной хозяин, который отведёт беду и поможет с разведкой и погонями.

Тем временем Клётс, будто что-то почувствовав, поднял руку вверх, давая сигнал лучникам готовиться. Спустя пару минут на дороге действительно показалось сначала небольшое облачко пыли, а затем Ярослав разглядел пятерых всадников.

– Может перехватить их? – услышал Ярослав громкий шёпот Татеня.

Судя по всему, это были разведчики. И Татень веско предложил перехватить тех, чтобы, в случае чего, они не дали сигнала Вrabиевцам. Клётс коротко покачал головой, что-то прикидывая:

– Они не ожидают нападения. Вон основной отряд идёт сразу за ними, не так далеко. Разведчики до нас и дойти не успеют, как основной отряд уже будет словно на ладони. Так что ждём.

Татень лишь коротко кивнул, мол, воевода на то и воевода, чтобы думать и командовать.

Следом за разведчиками действительно стал появляться основной отряд. И было воинов там действительно много. Ярослав насчитал порядка пятидесяти человек, не меньше, и это ещё без учёта разведчиков. Пятьдесят пять воинов против наших сорока.

– И откуда столько? – пробормотал Крень.

Вдруг один из дружинников переполошился и подошёл ближе к Клёсту.

– Слышь, воевода, я там Фафела вижу.

– Фафела? – тут же переспросил Татень. – Что за Фафел такой?

– А это дружинник Стрежня, – пояснил боец.

Клётс от этой новости посерьёзней. У него вдруг набухли желваки.

– Это что же они удумали? Вот, значит, как. Стрежень, выходит, клятву свою не сдержал и тоже выступил. Или своих дружинников Вrabию отдал. Нечестно себя ведут. Не как воины, а как базарные бабы.

– Ну, ничего. У нас-то сил хватит, – ободряюще произнёс Татень. – Уж мы этим стрже-невцам да вrabиевцам покажем, как мы на своей земле врагов встречаем.

– Смотри-ка, они без доспехов идут, налегке, – подметил вдруг Крень.

– А где сам Вrabий? – спросил Клётс, внимательно изучая приближающийся отряд.

– Не видно что-то, – покачал головой Татень. – Но атаковать в любом случае надо. Более удачного момента точно не предвидится. При хорошей удаче мы большую половину отряда стрелами перебьём.

Клѣст лишь кивнул:

– Верно говоришь. Крень, – коротко позвал он своего друга, – возьми троих молодцев, да понадежнее. Перехватите разведчиков, да не дайте им уйти. Так что выбери людей посновистее.

Крень тут же кивнул и, подозвав нескольких воинов, тут же отошёл в сторону на позицию, с которой он всё ещё не был бы виден приближающемуся отряду, но с которой было бы удобнее всего стартовать в погоню за разведчиками врабиевцев.

Ярослав с ожиданием отчитывал секунды, наблюдая за тем, как неумолимо приближается отряд воинов. У Клѣста было явное преимущество, несмотря даже на численное меньшинство. У них была удачная позиция, они были в полном доспехе, они были готовы. Врабиевцы же даже доспехи не надели, и явно не будут ожидать нападения. Ярославу даже немного стало жалко тех бойцов. По крайней мере, скоро Клѣст будет князем, по крайней мере он это надеется. И эти бойцы пошли бы на пользу княжеству. А так они попросту бесславно погибнут.

– Готовься! – произнёс негромко Клѣст, но его услышали все, кто стоял в округе. – Цельсь!

Луки синхронно поднялись вверх.

– Стреляй! – скомандовал Клѣст, и в небо устремились несколько десятков чёрных росчерков.

Ненадолго зависнув в воздухе, стрелы посыпались на голову врабиевцев.

Ярослав непроизвольно отметил, что воины Клѣста били не прицельно, а навесом. Воины Врабия, услышав короткую команду к стрельбе, сначала заволновались, а потом на них посыпался град стрел. По рядам противника тут же пробежали беспокойные вскрики.

Начали падать первые раненые. Кто-то уже лежал без движения. Кто-то завалился на попону коня кулём. Кто-то стонал. Кто-то кричал, пытаясь призвать своих к порядку. Кто-то удивлённо пучил глаза. Кони ржали. И пока воины пытались справиться с неразберихой, Клѣст ещё два раза скомандовал стрелять, осыпая противников стрелами.

Краем глаза Ярослав заметил Креня, который со своими воинами, будто коршун, устремился навстречу разведчикам, стремясь перехватить тех тёпленькими и ничего не подозревающими.

Удивительно, но после трёх залпов стрел в сёдлах осталось едва ли полтора десятка дружинников. И тогда Клѣст скомандовал:

– В атаку!

Глава 17. Схватка

После команды воеводы, его ратники выскочили из рощи и понеслись вниз, по склону, прямо на дезорганизованных и потерявших немало воинов на ровном месте «врабиевцев».

Неужели, вот так их сейчас всех и порубим в капусту? – думал Ярослав.

Жаль, что единой волны, когда кони идут бок-обок, а всадники держатся почти плечом к плечу, оставляя между собой только место для замаха, при атаке не получилось – мешали кусты и высокая трава, которыми пророс холм. Но все равно, даже если кто-то и вырвался вперед, то ненамного.

Ярослав, поставленный между опытными воинами, скакал вместе со всеми, поминая наставления бывалых ратников о том, что не надо бросаться сломя голову и пытаться сражаться со всеми подряд. Следует выбрать себе одного соперника. Неважно, будет ли он сильнее или лучше вооружен, но твоя задача – смотреть в его глаза, не мигать, показывая силу духа. Если сумеешь не отвести взгляд – то победишь любого врага. Как это выглядит на практике, Ярослав знал из своего спортивного опыта. И тренер его учил, что важно победить своего противника заранее, еще до вступления в бой. Но на боксерском ринге, пусть даже бойцы и обмениваются внушительными ударами, головы друг другу не отрубают, да и прочие части тела острым железом не кромсают.

Ярослав, твёрдо держал меч, хотя сердце так и норовило выпрыгнуть из груди, пытался понять – где же он, его первый супостат? Но врага покамест не видно, а те, кто есть, уже бьются с его товарищами по оружию.

Управлять конём парню мешал щит, потому что Соколов еще не настолько освоил верховую езду, чтобы, как прочие ратники, управлять конем без помощи рук, а только внутренней стороной бедер, оставляя передние конечности свободными и для щита, и для меча.

К удивлению Ярослава, полагавшего, что после такого обстрела, уже и воевать-то тут будет не с кем, оказалось, что из строя выведено разве что треть противника. Остальные уцелели. Похоже, что ратники Врабия сумели принять стрелы на щиты, или укрыться за собственными конями.

Неважно, что кое-кто был ранен, а кто-то лишился коня, но все равно, дружинники Врабия труса не праздновали и встретили своего врага достойно – кто мечом, а кто и копьём.

Дружинники чужого воеводы были профессионалами своего дела. Они умели воевать в любых условиях и обстоятельствах. А коли придется, так и умереть не боялись – Перун примет душу того, кто погиб в честном бою, но перед этим нужно взять как можно больше врагов. Честь и слава в ирии выше, если ты больше врагов срубил!

Кого-то из «клестовцев» тут же выбили из седла, один из воинов, что скакал перед Ярославом, вдруг охнул, а и его спины показался наконечник копья, брызнула алая кровь.

Ярослав уже заметил того копейщика, что стубил товарища, и даже нацелился поквитаться, но его опередил кто-то из ратников, разрубив пешему воину, лишившемуся щита, голову.

Схватка между двумя небольшими дружинами длится недолго. Это вам не сражение и не битва, в которой полки, принимавшие первый бой, отходят, а на замену потрепанного воинства встает другое, вступает в схватку, а потом, по мере надобности, отступает или переходит на другое место, а то и погибает под ударами противника. А полководцы медлят с принятием решения, пытаются вымотать врага и стараются сберечь резерв, чтобы кинуть его в надлежащее время в нужное место. Нет, здесь все решалось быстрее. Можно даже сказать – скоротечнее. Да и как по-другому, если дружины такие маленькие? Тут и места поменьше, и сроки короче. Вот только, умирают все одинаково – хоть в большой битве, а хоть и в маленькой стычке.

Но все равно, все пространство заполнилось звуками – ржанием коней, яростными криками и стонами раненых. А еще – лязгом клинков, ударявшихся друг о друга, мерзкими звуками мокрой плоти, которую раздирает меч и чавканье, которое издает топор, врубившийся в тело врага.

И ведь нет никакой поэзии и упоения боем, а только горячий бред и боль.

Боковым зрением Ярослав увидел, что неподалеку от него откуда-то выскочил пеший воин, с огромным топором на длинном топорщице. И ведь лезвие топора несется прямо на него! Парень даже понял, куда упадет топор – а прямо на его бедро, потому что выше пеший ратник не дотянется. И Соколов даже рассчитал дальнейшие действия врага: вот, тот нанесет удар лезвием по бедру, а когда Соколов начнет падать вниз, то враг его добьет ударом по голове. И никакой кожаный шлем не удержит топор. Вон, враг уже улыбается, ощерился желтыми зубами, словно лошадь. И глаз не видно, а если они и есть, так скрыты «личиной», нацепленной на шлем.

Нет уж, шиш тебе!

Кажется, время остановилось на долю секунды. И все происходящее с человеком двадцать первого века казалось, словно в замедленной съемке. Но за краткий миг Ярослав умудрился развернуть мерина и принять падающее лезвие на свой щит. Тряхнуло изрядно и левую руку, да и все туловище. Кажется, даже мерина подкинуло на месте. А что со щитом-то? Тьфу ты, половину щита снесло, словно не топором стукнули, а проехала гусеница трактора.

И как после таких ударов в седле-то держатся? Положено бы вылететь, как пробка из бутылки, но парень умудрился усидеть, да еще и сразу, не думая, махнуть мечом сверху вниз, метаясь в ту самую руку, что держала топор.

Достану тебя зараза!

По руке попасть не успел, враг ее отдернул, сумев спасти кисть, зато открыл плечо. А Ярослав даже не понял – ударил ли он плашмя, или лезвием, но тот страшный дядька с топором, вдруг воскликнул от боли, потом выругался, а его правая рука повисла плетью вдоль туловища.

Вражеский ратник попытался перехватить топор левой рукой, а Ярослав, поражаясь собственному хладнокровию, уже замахивался мечом во второй раз, чтобы добить супостата. Но не понадобилось. Кто-то из ратников Клеста, не заморачиваясь во время боя на благородство, просто рубанул сзади пешца поперек шеи и тот, раскрыв рот в предсмертном оскале, упал на колени, а потом и вовсе повалился на землю.

О, так это Татень? Хотел сказать старому воину спасибо, но не успел, потому что его мерин, словно бы почувствовал вкус битвы, рванул вперед так, что Соколова подкинуло и он, довольно больно стукнулся задницей о жесткое седло и лязгнул зубами. Мысленно выругав и мерина, и самого себя, (мерина за нрав, себя за бестолковость) Ярослав восстановил равновесие.

Нет, в следующий раз воевать пешим пойду, решил Ярослав. Если ногами стоять на земле твердо, укрываясь за длинным щитом, то никакой тебе мерин не страшен. Ни чужой, ни свой. Правда, кто его будет спрашивать – как он пойдет? Как воевода прикажет, так он и сделает.

А Мирный вынес своего седока за спины двух вражеских ратников, которые были связаны боем с двумя «клестовцами». Мерин, словно бы и не носил такую миролюбивую кличку, а был каким-нибудь «Свирепым» или «Буйным» сразу же отпихнул плечом кобылу вражеского воина, отчего всадник сбился с ритма, чем сразу же и воспользовался его противник, проткнувший воина мечом. А Ярослав, тоже не заморачиваясь благородством, полоснул спину того из противников, что оказался поближе.

– Спасибо Ярик, – услышал Ярослав голос Клеста.

О, так он самому воеводе нынче помог? Ярослав, в горячке боя, и не заметил – кому помогал. Но разве это важно? И он помог, и ему самому помогли. Бой, это такая штука, что

без помощи друга никак нельзя. Вот, разве что, как-то надо друг друга «пометить». В такой суматохе отличить своего от чужого очень трудно. Плащи бы, какие завести, чтобы отличать своих от чужих.

Клест, успевавший и воевать, и следить за ходом всего боя, возник рядом с Ярославом, встав с конем стремя в стремя.

– Ты Врабия не видел? – выкрикнул вопрос воевода.

– Не видел, – помотал головой парень, раздумывая лишь – а узнал бы он вообще чужого воеводу среди ратников? Тут все похоже, словно горошины из одного стручка.

– Щит выбрось, он тебе только мешает, – опять выкрикнул воинский начальник и унесся. Не иначе, ищет на поле боя воеводу, задолжавшему ему суд божий.

Но не видать Врабия. А Клест направил своего коня к Креню, вернувшемуся с двумя ратниками. Верно, передовой отряд, ушедший вперед, те сумели перехватить, и он теперь на помощь воинству не придет, но уезжало-то их больше. Да и Крень морщился от боли, хотя крови не видно. Но бывает, что травму можно причинить и без крови. Если, скажем, булавой ударили? А то и просто обухом топора?

А что со щитом-то не так? Ух, а щита-то, почитай, что и нет. От удара топором снесло половину, а дощечки, крепившиеся между собой планкой, развалились и теперь в руках остались только кожаная ручка, да проушина. Это уже не щит, а одно недоразумение. А ведь хороший был щит! Алатырь его по руке подбирал, и ремни подтягивал. А ведь еще наставник и ругаться будет из-за утраты казенного имущества. Или не будет? Войдет в положение, да новый щит подберет. В крайнем случае он теперь сможет и сам себе щит смастерить, невелика сложность. А может, после боя чей-нибудь трофейный удастся подобрать? Ладно, потом будет видно.

Фух. Устал. И воевать-то, вроде, уже не с кем. Вот это здорово.

Ярослав смог слегка перевести дух и малость оглядеться. А ведь похоже, что «врабиевцы» проиграли. Несколько раненых дружинников уже сложили свои мечи, отдаваясь на волю победителя, но некоторые, самые упорные ратники воеводы Врабия, еще пытались биться в окружении «клестовцев», но их уже добивали, даже без особого азарта или ярости, а так, в силу необходимости.

Все-таки, внезапность – великая штука!

Благодаря передышке, Ярослав сумел уловить изменение на поле боя. И даже, каким-то внутренним чутьем услышал, как воспрянули остатки «врабиевцев». Не все, а человека два или три, самых упертых.

Со правой стороны, там где дорога огибает холм, к погибающему отряду шла подмога. Небольшая, человек десять всадников, но тем не менее, еще способная переломить ход событий. Или уже нет?

Никак сам воевода Врабий скачет? То-то его нигде не видно было. А он вишь, пребывал в арьергарде, а теперь пожаловал. Наступавшие не схватились за луки, хотя и могли бы. А, просто опасаются пострелять своих в такой тесноте. Зато со стороны «клестовцев» началась стрельба и двое «врабиевцев» выпали из седел, а наступавшие сразу же сбились с темпа, перейдя с галопа на рысь.

– Рубец, выводите своих на перехват! – скомандовал Клест и десятник, который тоже успевал не только сражаться, но и присматривать за своими людьми, быстро выскочил из общей сумятицы и повел свой поредевший десяток на отряд Врабия.

Откуда у Врабия столько людей? Вон, сколько уже полегло, а тут опять откуда-то взялись новые ратники! Он их что, штампует, что ли? Или где-нибудь в огороде выращивает, на грядке?

Рубец и его люди, хотя и слегка заморили коней во время боя, все-таки набрали нужную скорость, врезались в наступавший отряд и сразу же остановили его наступление, связали боем, а Клест отдал новый приказ:

– Старшие дружинники – за мной!

Клест рванул своего коня, а за ним ринулись Крень и Татень. Ярослав, едва не позабывший, что и он должен скакать вслед, вспомнил-таки, и тоже помчался на врага.

Но бой с подоспевшим десятком оказался недолог. Врабий, успевший оценить, что основные силы уже полегли, а значит, и битва проиграна, а если он и продолжит бой – то ненадолго, рыкнул:

– Разворачиваем коней! Уходим!

Отдав команду, воевода Врабий не стал следить за ее выполнением, а развернул своего коня, подавая пример остальным и поскакал назад. А если называть вещи своими именами, то попросту удирал. Но Ярослав не спешил осуждать воеводу, потому что и он недавно, вместе с Татенем, улепетывали от превосходящих сил противника.

Клест, услышав приказ врага зарычал, но сдержал своего коня, а крикнул воинам Врабия:

– Ратники! Сдаться на милость победителя – не позор, а необходимость. Ваш воевода сбежал, так что сражаться не за кого. Сложите мечи – останетесь живы. Если захотите – вернетесь к себе домой или пойдете в мою дружину. Неволить никого не стану.

Голос воеводы услышали те, кто еще не желал сдаться. А услышав, принялись складывать оружие. А воевода, выцепив взглядом подскакавшего помощника, выкрикнул:

– Крень, окажи помощь раненым. И нашим, и врабиевским. Прикажи, чтобы обозные мужики тяжелых на телеги сложили. А мы вслед поскачем. Рубец, Буран, старшие дружинники – за мной! Нельзя дать Врабию уйти. Он мне еще суд божий задолжал. А Перун, он правого видит!

* * *

Воевода Клест, будто наконечник живого копья, устремился вперед, а за ним направились и остальные воины.

Ярослав сначала замешкался, ведь он числился старшим дружинником под командованием Креня, но волна воинов его уже понесла вперед, следом за дружиной. А его мерин “Мирный”, не спрашивая хозяина, проникшись духом битвы и погони, понёс своего хозяина вперед на встречу битве. Ярослав не стал его останавливать и единственное, о чём подумал – как бы его не остановил Крень. Но тот даже не обратил внимания, у него хватало и своих забот.

Кони наращивали темп, сильные тела животных парили в вечернем воздухе.

Воины, видя убегающую добычу, орали и улюлюкали. Ярослав, преисполнившись ражем погони, тоже завопил во всё горло. Его переполняла энергия битвы и, обжигая грудь, рвалась наружу.

Стоило Ярославу вырваться из свалки минувшей битвы, как он стал видеть гораздо больше. Обернувшись назад, он увидел, что большая часть воинов Клеста, действительно были невредимы. Основные потери, в основном, были со стороны врабиевцев. По крайней мере, он всё чаще видел знакомые лица среди живых.

Впереди, по относительно прямой дороге, сверкая задами коней, улепетывал Врабий со своими дружинниками. Видимо, их кони были менее изнурены, потому как беглецы явно отрывались.

Несмотря на это, дорога шла по открытой местности, и Ярослав вполне хорошо мог оценить экспозицию. Дорога шла прямо примерно метров сто пятьдесят. Однако в конце она будто петлёй изгибалась и затем забирала влево, скрываясь в густом лесу.

«А это уже плохо», – подумал парень, – «ведь воины Врабия вполне могут там скрыться. И мало ли, как местный лесной хозяин отнесётся к нашей погоне, захочет ли терпеть кровопролитие на своей земле».

Но Ярослав с этим был не согласен, а та энергия, что бурлила в нём, всё сильнее расплялась, требуя высвобождения. Вот только как её высвободить, Ярослав пока не понимал.

Он вдруг понял, что это непростая энергия. Не просто его гнев и ярость, а нечто большее, сродни магии, которую в него поместил маг Якош Святославич. Прислушавшись к себе, он осознал, что может направить энергию вперёд вдогонку врагам, и как-то помешать им сбежать. Вот только как именно это сделать, он пока не понимал. По крайней мере, было очевидно, что он вполне может взаимодействовать с природой – с травой, землёй, деревьями. Мысли заметались в его голове.

Что, если заставить траву на пути воинов вырасти и оплести ноги коням?

Но это даже звучало смешно. Во-первых, трава не такая уж и прочная, и кони запросто её разорвут. Опять же, нужно ведь успеть поймать ноги коней. А кони бегут так быстро, что сделать это находу практически невозможно.

Опять же, даже если у него и получится такой финт, пострадают кони. А как он уже выучил, кони – самое ценное, что есть у воина, и их надо беречь. Да и просто лошадок жалко. Значит, такой вариант не подходит.

А мочи держать энергию в себе уже и не оставалось. Ярослав уже ревел, будто дикий зверь. Сердце колотилось, мешая трезво мыслить и побуждая срочно действовать.

Тогда Ярослав просто выпустил импульс вперёд, так чтобы он ударил метрах в пятнадцати перед беглецами. И попросту доверился природе, что, стремясь угодить парню, принялась строить препятствия на пути беглецов.

На миг у Ярослава перехватило дыхание, в глазах потемнело. Он почувствовал, как мощный поток вырывается из его груди и стремится куда-то вперёд. Он пошатнулся, едва не вывалившись из седла, и кое-как вцепился ослабшими пальцами в гриву Мирного, заставив его заржать.

Спустя пару секунд он стал приходить в себя. Сначала прояснилось зрение, а потом до него стали доноситься изумлённые окрики воинов, а затем испуганное ржание коней.

Он кое-как выпрямился и взгляделся прояснившимся взглядом вперёд. Ярослав вдруг увидел, как перед убегающим Врабием и его воинами, метрах в пятнадцати перед ними, из земли поползли толстые побеги каких-то растений. Пока что они были не такими высокими, и кони вполне могли бы их перепрыгнуть. Но те росли стремительно и тянулись к небу. Если они сохранят тот же темп роста, Врабий попросту не успеет вовремя добраться и миновать их.

К тому же кони, видимо, почуяв неладное, принялись замедляться и оказывать сопротивление своим наездникам.

Клёст приподнялся в стременах и воскликнул:

– Стой, Врабий! Некуда тебе больше бежать!

Врабий действительно остановился, вот только не из-за окрика Клёста, а просто потому, что больше некуда было бежать. Он развернул коня и принялся раздавать приказы своим бойцам.

Клёст же отдал команду своим бойцам замедлиться, а сам выступил вперёд.

– Прими вызов на поединок, прекрати убегать. И хватит уже подвергать воинов лишним угрозам. Это наше с тобой дело, не дружинников и не простых землепашцев. Только ты и я. Выходи на честный бой. Будем Божий суд вершить.

Глава 18. Суд во имя Перуна

И Клест и Врабий слегка отделились от своих дружинников, а те, сдали своих коней назад, давая поединщикам возможность сойтись в честной схватке. Может, для надлежащего конного боя места здесь и маловато, но ведь никто не собирается устраивать перестрелку из луков или затевать схватку на копьях, словно на рыцарском турнире. Суд божий во имя Перуна проводится конным или пешим, но только с мечами. А чтобы драться на мечах – места хватит.

Ярослав напряжённо следил за происходящим, переживая за Клёста. А как же не переживать? А еще он почему-то ждал какой-то пакости от Врабия! Какой именно, парень пока не понимал, но что-то такое ожидалось. Нет, не может такая сволочь, как Врабий, просто взять, да и выйти на честный поединок.

И тут Соколов увидел, как Врабий резко дернулся, ухватывая лук, прицепленный к луке седла. Ах ты! Это же прямое нарушение кодекса чести. Ну, или правил дуэлянта, хотя писанных правил пока никаких и нет.

Ну, попробуем малость своему воеводе помочь.

Мысленно потянувшись к земле, Ярослав ощутил тепло под ногами коня Врабия, а потом, также мысленно, повел почувствованное тепло вверх.

Сила, скрывавшаяся в его теле, соединившись с силой земли, не подвела и из тропинки, избитой ногами людей и копытами коней, к солнцу устремились белесые побеги, обретшие силу на свежем воздухе.

«Туда, туда лезьте», – отдал мысленный приказ укрепившимся побегам Ярослав, проводя незримую линию от земли к ногам коня.

Конь Врабия начал перебирать ногами, ощущая нечто непонятное. Всадник резко дёрнулся и, вскинув лук на уровень глаз, выстрелил в Клёста.

Но выстрел получился каким-то слабым, потому что стрела летела, будто выпущенная рукой ребенка, а воевода Клест только небрежно отмахнулся мечом, отбивая стрелу.

– А ты еще и стрелять разучился, – укоризненно произнес Клест по гогот своих дружинников, а потом назидательно добавил: – Вот такая кара тебе за бесчестье!

А зеленые побеги уже принялись оплетать бабки коня Врабия и тот, стремясь вырваться, заржал, рванул с места и встал на дыбы, стараясь избавиться от мелких, но досадных пут, появившихся из под земли, а всадник, не удержавшись в седле, вывалился и упал оземь, словно куль с мукой.

Вот теперь уже ратники Клеста засмеялись еще пуще прежнего. А Ярославу показалось, что немногочисленные дружинники Врабия тоже заулыбались. Правда, заулыбались совсем невесело, а раздосадовано.

Понятное дело, смотреть на такое неприятно и даже обидно. Да и за собственного воеводу должно быть стыдно. Они же не знают, кто виновен в случившемся. Впрочем, всадник обязан усидеть в седле при любых обстоятельствах, даже если конь встал на дыбы.

Соколов уже знал, что воин падает из седла только в двух случаях – если он тяжело ранен, или если убит. Еще не возбраняется падать вместе с конем. Но это, если твой конь убит, либо поскользнулся на льду.

Врабий принялся подниматься, а его конь, освободившись от растений, подбежал к хозяину и встал рядом, а Ярослав даже почувствовал какую-то неловкость. Все-таки, это по его милости воевода пережил двойной позор. Получается, что он сам вмешался в божий суд? Э, а как на это Перун-то посмотрит? Бог-то, он все видит. Или этот не за всем следит?

Ярослав едва не ойкнул, даже посмотрел по сторонам – а не увидел ли кто-то неожиданно вылезшие из земли ростки? Вроде, люди на такое внимание не обратили. Уже хорошо. А если бог Перун сейчас смотрит откуда-нибудь из леса на происходящее, так он должен понять, что

Ярослав действовал не со зла, не из подлости своей, а в силу необходимости. Все-таки, воевода Вrabий первым решил схитрить и схватился за лук, а он лишь немножко подправил ситуацию, заодно и спасая жизнь своего командира.

Опять-таки – если это суд божий, так Перун должен сам следить за ходом поединка, а его действия вполне во власти Перуна. Так что, как ни крути, так бог сам во всем и виноват. Стоп, не стоит о боге думать плохо, пусть это и языческий бог. Скорее всего, Перун и выбрал его инструментом для выравнивания ситуации.

Все, вроде и успокоил свою совесть.

Сам-то Ярослав может и не религиозен, но учитывая всё произошедшее с ним в последнее время, глупо отрицать какую-то сверхъестественную силу.

Тем временем поединок продолжался.

Если божий суд начался верхом, а один поединщик выпал вдруг из седла, то конный имеет полное право зарубить своего врага. Конному биться с пешим – одно удовольствие.

Но его воевода в очередной раз решил проявить непонятное благородство. Под разочарованное оханье своих дружинников и под восхищенные вздохи ратников Вrabия, владелец Клестова и претендент на княжение легко соскользнул с седла.

Обнажая меч, Клест во всеуслышание заявил:

– Моя победа будет честной! – Посмотрев на ратников Вrabия, добавил: – Я хочу, чтобы и вы засвидетельствовали, что будущий князь Бранска выполняет закон Перуна!

Тем временем Вrabий сумел подняться на ноги. Покраснев, словно помидор – плод, правда тут еще неизвестный, потянул меч из ножен.

– Отдохни чуток, брат-воевода, переведи дух, – любезно предложил Клест своему противнику.

А тот, словно не слыша, ударил по морде коня, словно тот был в чем-то виноват, а потом ухватил щит, висевший у седла, в момент укрепил его на левой руке, а потом ринулся в атаку.

Клест же, даже не попытался взять в руки собственный щит, хотя тот и висел на его спине. Наоборот, сняв, откинул в сторону.

Ярослав наблюдая за происходящим, сжал кулаки и мысленно выругал воеводу за благородство. А вот Татень выругался вслух:

– Так какого ... дохлого медведя, наш воевода без щита в сечу-то лезет?!

– Так он силы уравнивает, – бросил кто-то из воинов. – Клест-то наш свеж, аки трехлеток с утра, а Вrabий, будто сено задницей ворошил! Хочет наш воевода, чтобы все по-честному было.

– Силы он уравнивает, уравниватель хренов, – проворчал Татень. – Да чтобы ему в одной берлоге с озабоченной медведицей проснуться!

Ничего себе пожеланье! Проснуться в одной берлоге с медведицей, да еще озабоченной? Интересно, чем она бывает озабочена? Да, а кому из противников Татень такое «счастье» пожелал?

Отвлекся.

Ярослав отчего-то знал, что его воевода гораздо сильнее противника, а тот еще и об землю стукнулся! Но все равно, благородничает Клест. А Вrabий умелый и опытный воин, а не неумеха какой.

Первая атака Вrabия пропала втуне. Клест, словно бы нехотя, пропустил мимо себя идущего напролом соперника, а когда тот поравнялся с ним, сделал шаг в сторону, хотя мог просто ударить в спину.

А Вrabий резко развернулся и опять атаковал противника. Но теперь его атака была уже не яростной, а расчётливой. Кажется, он сумел-таки взять себя в руки.

Вон, Врабий умело подставил щит под рубящий удар Клеста, а потом резко провел собственный удар сверху вниз, словно бы пытаясь проткнуть противника, но тот опять слегка отклонился и клинок врага прошел вскользь, даже не задев доспехов.

А Клест опять рубанул по щиту Врабия, но так, что противник отлетел на пару шагов, потом запнулся и растянулся по земле. Вот это мощь! Может действительно, сам Перун вкладывает силу в руку того, кто его чтит?

Ратники из Клестова снова захохотали, одобряя удар своего командира. Вот, теперь бы самое время прыгнуть вперед, да рубануть лежащего врага, а Клест снова остановился.

– Ты еще не устал? – почти ласково поинтересовался Клест у поверженного врага. – Отдохни чуток, а еще лучше – признай мою правоту. Не хочешь? Ну, тогда отдыхай.

Клест под молчаливое неодобрение дружинников ждал, пока Врабий немного отдохнет и сумеет продолжить бой.

А ведь теперь Ярославу стало понятно, что его воевода уже не благородничает, а играет со своим врагом, словно кошка с мышью. Кажется, ратники это поняли еще раньше, чем он. А вот понимает ли это сам Врабий? Непохоже, потому что, если бы понимал, то уже сдался бы. И жизнь бы себе сохранил, а может – и свое воеводство.

– Ну, ты готов? – спросил Клест.

– Готов, – прохрипел Врабий, снова бросаясь в атаку.

Клест умело парировал удары меча Врабия, принимая их на свой клинок, а потом сделал и вовсе неожиданное – отскочив в сторону сделал то, что Ярослав видел только в кино – развернувшись, с полуоборота так пнул левой ногой по щиту противника, что тот опять отлетел в сторону и ударился о землю так, что вроде бы, даже и сознание потерял.

Внутри Ярослава все вопило, что надо бы добить, а воевода Клест опять встал и принялся ждать, пока противник придет в себя.

Нет, Врабий и на самом деле двуличный! Кого другого такой удар бы вывел из строя часа на два, а то и подольше, а этот, почти сразу же очухался, потряс башкой и встав на четвереньки, подтянул к себе выпавший меч.

Наверное Врабий до сих пор не понял, что на самом-то деле он уже проиграл. И проиграл он в глазах своих ратников. Их, правда, здесь немного, но они все видят.

Но, похоже, коту надоело играть с мышью. Дождавшись, когда врабий опять ринется в напрасную атаку, вновь пропустил противника вперед, а потом от всей души приложился плашмя к шлему Врабия, а когда тот повалился на землю, приставил меч к горлу противника.

– Устал я от твоих выкрутасов, – вздохнул Клест. – Этак мы с тобой до ночи валандаться станем. Даю тебе последнюю возможность – признай своё поражение, а меня назови своим князем. Признаешь – и сам жить будешь, и воеводство свое при себе сохранишь. Нет надобности кровь лить, ее уже и так много пролилось. Перуном тебе в том клянусь. А нет – не взыщи. Если твоя кровь прольется, так мне не жалко.

– Твоя взяла, воевода Клест, – прохрипел Врабий. – Ты божий суд выиграл, ты прав. Так и быть, признаю свое поражение.

Ишь, он еще одолжение делает.

– Воевода? – переспросил Клест. Кажется, он немного надавил жало меча.

– Воевода Клест, признаю тебя своим князем, – послушно произнес Врабий. – И клянусь пред Перуном, что стану тебе служить мечом и сам, и своей дружиной.

С этими словами Врабий перехватил свой меч за лезвие и протянул его рукоятью Клесту. А тот, слегка помедлив, убрал свой меч от горла бывшего противника, сунул его в ножны и принял клинок Врабия.

Подняв оружие Врабия над головой, Клест повернулся лицом к своей дружине:

– Все видели? – Показав клинок своим ратникам, предъявил его воинам Врабия и повторил вопрос. – Все видели? И все слышали? Воевода Врабий признал, что он проиграл божий суд и поклялся Перуном, что станет служить мне, аки князю.

И те, и другие воины дружно закивали. Ратники Клеста радостно, а воины Врабия с угрюмым молчанием. Но теперь уже деваться некуда. Все видели, что суд божий завершился в пользу Клеста и только благородство воеводы спасло жизнь Врабия.

Кто-то недоумевал, но большинство ратников понимали, что дело не только в благородстве Клеста, но и в голимом практицизме. Оставить воеводство Врабия без воинского начальника нельзя, тем более теперь, когда село лишилось большей части дружинников. А кто лучше знает своих людей, нежели старый воевода? А ставить нового – хоть из своих людей, а хоть и из врабиевских – дело долгое и хлопотное.

А Клест, между тем, протянул свою руку поверженному воеводе, а потом, почти без усилий поднял того с земли. Обняв своего недавнего соперника, сказал:

– Довольно нам кровь лить. И пускай больше не будет вражды на нашей земле. Погибших ратников мы похороним, тризну справим и жертву принесем. Попросим Перуна, чтобы он простил нам междоусобицу. Ты, воевода Врабий, остаешься на своем воеводстве и теперь по первому моему зову обязан прибыть в Бранск. Верю, что станешь служить и мне, и княжеству честно.

– Все сделаю, как ты прикажешь ... князь Клест, – произнес воевода, выговаривая новый титул с некоторым усилием. Поцеловав клинок, словно бы дополняя свою клятву, сунул меч в ножны.

Врабий понурил голову, хотя, как показалось Ярославу, выражение лица ни о каком покаянии не говорило. Ох, воевода, то есть, князь Клест, ошибку ты совершаешь, подумал про себя Ярослав.

А Клест, еще раз обняв недавнего врага, ставшего подданным, улыбнулся и, повернувшись, пошел к своему коню.

– А не хочет ли наш воевода – который скоро и князем станет, узнать у поганца, откуда в его дружине чужие ратники взялись? – услышал Ярослав негромкий голос Татенья, стоявшего рядом. – При мне ведь клялись воеводы, что не станут никому помогать и вмешиваться в размовку. Ярик, так ведь и ты это слышал.

Ворчит Татенья, но ворчит он по делу. И впрямь – откуда у Врабия взялись воины Стрежня?

Но Клест, не то не слышал голос своего старого воина, не то не пожелал услышать, уже шагал вперед.

А Ярослав, да и другие ратники, отвлекшиеся на слова старика, упустили момент, как Врабий вдруг выхватил меч и ринулся на повернувшегося спиной Клеста.

Глава 19. Победитель

Стоило Вробию сорваться с места, как события тут же понеслись вскачь.

Ярослав услышал короткий свист. Краем глаза заметил нечто, устремившееся наперерез Вробию. Затем раздался глухой звук, будто что-то тяжёлое врезалось в мешок с зерном. И только посмотрев в ту сторону, Ярослав стал что-то понимать.

Врабий остуился с занесённым мечом. У него в груди торчала стрела, и ещё одна стрела торчала, как ни странно, из-за спины.

Ярослав как раз вовремя уловил момент, когда меч Клёста уже нёсся к шее противника. Воевода сработал быстро и чётко, будто всё это время готовился к этому удару – настолько мастерски и быстро он был произведён.

Врабий, не веря в происходящее, распахнувшимися глазами посмотрел на недавнего противника, а затем стал заваливаться на спину.

Ярослав принялся оглядываться.

Он увидел, что Рубец – один из десятников Клёста, сжимает в руках лук.

А вот кто же второй стрелок?

Ярослав оглядел всех воинов его дружины, но ни у кого в руках не было луков. И опять же, в чём странность, стрела ведь торчала не из груди, а из спины.

Тогда Ярослав перевёл взгляд на дружинников, что сопровождали Вробию, и там он действительно увидел лучника, что, сжав челюсти, опускал лук.

Незнакомый воин, хмуро, но твёрдо смотрел вперёд и не отводил взгляда, будто был готов к любому исходу, даже если его за этот выстрел накажут.

Клёт, похоже, тоже оценивал обстановку. Он проводил взглядом упавшего на спину Вробию, подошёл к нему и посмотрел тому в глаза, будто хотел поймать последний момент жизни противника. Затем выпрямился, смерил взглядом воина из дружины Вробию, что совершил выстрел из лука.

Затем порывисто повернулся к Рубцу.

– Ты что творишь? – грозно спросил он своего десятника. – Я его должен был убить без чьей-либо помощи, в честном поединке. Ясно тебе?

– Да ты же пощадил эту змеюку, да ещё и спиной к нему повернулся, – возмутился Рубец. – Откуда я знаю, что ты там замыслил? Я видел, как поединок ваш закончился, и как он хотел тебя подло в спину поразить.

Клёт тяжело вздохнул, будто успокаиваясь, затем произнёс:

– С каких-то пор ты стал сомневаться во мне и в моих решениях? – в голосе Клёста прорезалась сталь. – Или считаешь, что я хватку потерял и совсем стал простаком?

Рубец смутился и принялся приторачивать свой лук к седлу.

– Неужели ты думаешь, что я не ожидал подобного от этого подлеца, – продолжил распекал своего воина Клёт. – Он столько раз нарушил свои обещания, что странно было бы, если бы он на меня не бросился.

Рубец лишь пожал плечами, однако спустя пару секунд ответил:

– Слишком ты добрый, Клёт, и к людям хорошо относишься, а люди этого редко заслуживают. Да и кто тебя знает, что ты там задумал?

– Я знаю, что я задумал, и это главное, – хмуро ответил Клёт.

А Рубец лишь отмахнулся:

– Может, я из-за твоего благородства друга бы лишился. Да ещё кто знает, что дальше было бы. Крень бы воеводой не стал, а может быть, этот Врабий все наши деревни бы пережёт.

– Как видишь, всё под контролем, – заявил Клёт, затем резко развернулся на сто восемьдесят градусов и уставился на вробиевца, что так и не убрал свой лук.

– А ты чего стрелял в своего воеводу? Совсем вы дисциплину там растеряли? Где такое видано, чтобы простые воины в воевод целились.

Повисло долгое молчание. Но Клёст, похоже, всерьёз вознамерился услышать ответ на свой вопрос. Воин же, судорожно втянув в грудь воздух, твёрдо заявил:

– Не мог я позволить, чтобы подлость такая свершилась. А мой воевода, которому я присягал, злодеем прослыл. Он Перуном поклялся, что признал тебя князем, и тут же меч против тебя поднял. Такого я позволить не мог. А если бы воевода такой позор себе позволил, то и мы бы все опозоренными ходили.

Клёст продолжал молчать, видимо, ожидая продолжения.

– Плохо поступил Врабий, вот его Перун и наказал, – продолжил воин. – А ещё... – он оглядел своих бойцов, – если уж он тебе в верности поклялся, то и я, будучи воином своего воеводы, встал под началом тебя как князя. Значит, выходит, я не только честь воеводы защищал, но и тебя, своего князя.

Воины запереглядывались. Кое-кто заулыбался. А Клёст не без удивления кивнул. Да уж, возразить ему было нечего. Он огладил усы и нахмурился, будто решая, что делать с воином. Так ничего и не решив, только махнул рукой.

– Ну что ж, надо возвращаться, – наконец объявил Клёст и кивнул воинам Врабия. – Поднимите своего воеводу, надо его в село доставить.

– А куда поедет-то? – спросил Рубец, озвучивая вопрос, который беспокоил сейчас всех.

– Сначала в Клёстово, – ответил воевода, хотя, вернее, уже, наверное, сказать князь. – А потом и в Бранск.

– С нами что будешь делать? – хмуро спросил один из бывших воинов Врабия.

– А что с вами? Кто хочет, в мою дружину пойдёт. Или к новому воеводе, под начало, – ответил тот.

– А кто у нас теперь будет воеводой? – спросил тот самый воин, который подстрелил Врабия.

Клёст задумчиво осмотрел свою дружину. Его взгляд задержался на десятнике Рубце. Затем он вдруг развернулся и, к удивлению Ярослава, посмотрел в его сторону.

«Это ещё что? Какой из меня воевода? Это он на меня, что ли, смотрит? Он же меня не знает совсем. Да и я такую должность не потяну. Опять же, я не собираюсь здесь оставаться, а надеюсь домой вернуться.»

Но Ярослав, растерявшись, не сразу понял, что Клёст смотрит вовсе не на него, а на стоявшего рядом Татеня.

– Значится так, – заявил Клёст, – воеводой пока временно назначаю Татеня. А там поглядим, как он себя проявит, – начал Клёст.

– Да какой из меня воевода? – тут же возмутился было Татень, но Клёст тут же его оборвал:

– Разговорчики мне тут! Хороший из тебя воевода выйдет. Опыта у тебя достаточно, хватка хорошая. Вот только жениться тебе надо. Этим в первую очередь и займёшься. А как женишься, так и окончательно тебя воеводой сделаю.

Ярослав мысленно захохотал, вспоминая, какими глазами Татень смотрел на лесную красавицу. Воин хоть и кичился своей старостью, но далеко ещё не стар. Да, глядишь, ещё и ни одного Татёныша настрогает. Будет ему кому меч свой завещать.

Затем Клёст перевёл взгляд на десятника Рубца:

– Ты, Рубец, поедешь с Татенем. Станешь его правой рукой. Поможешь при необходимости и порядок навести на месте, и по хозяйству помочь, подсказать чего. Опять же, безопасность будешь ему обеспечивать. Ну а потом жду вас в Бранске.

– А с этим что? – огладив бороду и усы, спросил Татень, кивнув на тело Врабия, которого дружинники грузили на коня.

– С собой возьмём в последнее путешествие до Бранска, а там и решим, как хоронить.

После того как тело Вrabия закрепили на луке седла, Клёст посмотрел на того воина, что решил вмешаться и не позволить Вrabию совершить подлость.

– Как тебя зовут? – спросил он, взглянув на дружинника.

– Ненасть, – ответил воин.

– Ты, Ненасть, поедешь со мной. Будешь меня сопровождать. Заодно расскажешь, что вам там Вrabий рассказывал и какие подлости ещё готовил.

Клёст с вызовом посмотрел на воина, а тот, не теряя твёрдости намерений, коротко кивнул, затем тронул поводья, и его конь зашагал к дружине Клёста. После чего он занял место рядом с воеводой, готовый отвечать на его вопросы.

– Ну раз разобрались, идёте к основным силам. Сегодня заночуем здесь. А завтра, как передохнём, так разойдёмся кто куда.

Клёст ещё раз оглядел воинов и двинулся впереди всех. Воины Клёста рассредоточились по строю. Кто-то шёл рядом с Клёстом, будто прикрывая его спину, а кто-то и вовсе пристроился позади всей процессии, на случай если воины Вrabия захотят отомстить за своего воеводу.

Мало кто поддерживал поведение Клёста и его беспечность. По крайней мере, подставлять спину – не самая лучшая идея.

Когда добрались до места, оказалось, что Крень уже навёл порядок среди своих воинов и воинов противника. Раненые и обезоруженные бывшие вrabиевцы хмуро сидели в окружении клёстовцев и, завидев приближающуюся процессию, принялись высматривать, кто это там идёт, и пытались понять, кто из них едет во главе отряда – Клёст или Вrabий, да и понять по лицам воинов, что их ждёт.

Крень же, увидев во главе отряда своего друга и оценив то, как неспешно и с каким лицом он едет, расплылся в улыбке. Воин порывисто бросился было на встречу к Клёсту, но вовремя взял себя в руки и снова хмуро посмотрел на пленников, мол, видали, какой наш воевода? А те, уже тоже поняв, чем всё закончилось, понурили головы.

Крень быстро раздал указания своим бойцам и направился навстречу другу.

Клёст спешился, воины обнялись, будто распрощались не пару минут назад, а не виделись неделю.

– Ну что, брат, за нами победа? – спросил Крень.

– За нами! – кивнул Клёст на коня, поперёк седла которого лежало тело Вrabия.

Тут же началась суeta. Над облюбованной воинами поляной стали раздаваться раскатистые команды, принялись обустриваться на ночлег, да варить похлёбку.

Клёст сначала пообщался с воинами Вrabия и объявил им о своём решении. Кто-то сразу же изъявил желание примкнуть к дружинникам Клёста. Кто-то же решил вернуться обратно, на свои родные земли.

Чуть погодя, Клёст собрал вокруг себя Татеня, Креня, Рубца, Ярослава и нового воина Ненастья, чтобы обменяться последними новостями. Первым делом обсудили потери, которых оказалось значительно меньше, чем ожидал Ярослав. Со стороны дружинников Клёста убитыми числилось трое и раненых пятеро. Был один тяжело раненый воин, но тот должен был выкарабкаться и дотерпеть до Клёстово.

Со стороны вrabиевцев эта ситуация была немного похуже, но не критична. Если не считать самого Вrabия, убитыми было семеро, а раненых – около дюжины воинов, и только двое тяжело раненых. По идее, военная сила пострадала не так сильно, и большинство воинов вскоре снова вернутся в строй.

Среди воинов Вrabия практически не было недовольных тем, как всё повернулось. В основном воины были молодыми ребятами, что недавно обучились ратной науке и встали под командование воеводы, либо опытные воины, что присягали ещё отцу Вrabия. И многие

из них не разделяли политику своего командира и посматривали на него с неодобрением, но и поделать ничего не могли, ведь он главный.

Но были и те, кто, наоборот, ратовал за своего воеводу и был вне себя от горя, от того, что Вrabий таки проиграл. И к таким Клёст попросил присмотреться внимательнее, желательно их разделить, чтобы меньше таких оголтелых вместе собиралось. Такие же воины поддерживали идею Вrabия зажечь деревни и поджечь дом в Бранске. Таких бы лучше вообще здесь оставить и похоронить, но Клёст по-прежнему придерживался политики гуманизма.

К вечеру похоронили вrabиевцев. Товарищи не изъявили желания везти своих воинов обратно домой. Неудобно это было. Во-первых, далеко ехать. Во-вторых, повозок с собой Вrabий не брал. А везти мёртвых товарищей на конях не очень-то и удобно. Поэтому и решили так. Разве что двое воинов, что знали родню убитых, изъявили желание увезти домой троих вrabиевцев. Остальных же похоронили.

Была разгадана и главная загадка этой битвы – откуда Вrabий взял столько бойцов в свою дружину, и какое к этому отношение имеет Стрежень. А здесь и вовсе чудеса раскрылись. Как оказалось, стоило Стрежню вернуться после съезда воевод, как он вызвал своих дружинников и построил одним строем. Затем выбрал через одного бойцов и сказал, что они ему больше не нужны и велел убираться со двора. Однако оружие и доспехи не забирал.

Воины взбаламутились, мол, куда же им теперь, не разбойничать же. На что Стрежень сказал, что не его это дело и им немедленно следует покинуть его село.

Однако стоило им покинуть территорию Стрежня, как их тут же встретил воевода Вrabий с довольной улыбкой и предложил пойти к нему под начало с теми же условиями, что они имели и у Стрежня.

– Ишь, хитрецы, что удумали! – потрясал кулаками Татень. – Так получается, и Стрежень своё слово не нарушил, и Вrabий воинов получил. И ведь не поспоришь же.

Клёст с каменным лицом смотрел в костёр, никак не реагируя на эту новость. Однако в его голове какие-то мысли да вертелись.

Кивнув каким-то своим мыслям, он произнёс:

– И будет потом Стрежень смотреть честными глазами, говорить, что ничего такого не замышлял. Но выгнать дружинников – это его священное право. Да уж, не подкопаешься. Но он сам себе виноват, лишился хороших воинов. А те brave ребята вряд ли уже вернуться к нему после того, как он их спровадил. В общем, время покажет, как жизнь повернётся.

Глава 20. Похищение

По мере того, как воевода, или теперь уже правильное сказать, будущий князь Клёст общался со своими ближниками, лагерь потихоньку устроился. Воины скучковались вокруг нечастых костров и судачили о своём.

В основном, конечно же, говорили о прошедшей битве. Ярослав с удивлением наблюдал за тем, что вокруг нескольких костров находились воины из разных лагерей. И, казалось бы, между ними не может быть ничего общего, они ведь кровь друг друга проливали. Но нет.

Да, они четыре часа назад были врагами, потому как их воеводы не поделили власть. Но в то же время они были воинами одного княжества. При том, что многие знали друг друга не первый год, хоть и жили в разных сёлах, и даже ходили вместе в битву против мурманов или других вторженцев.

Вон даже раненый врабиец похихатывает от шутки клёстовца. Кто-то братается и обнимается, кто-то сожалеет и просит прощения, что ранил в бою. Мол, ты уж прости, браток, такая была ситуация, не мог иначе. Но сейчас-то поладили, да разобрались во всём. Разлада больше нет, а значит и обиды поминать не стоит.

Хотя Ярославу это было понять тяжело. Он видел новые лица врабиевцев и понимал, что никогда не сможет повернуться к ним спиной, не ожидая ножа в спину. Он ведь сам сегодня сражался, и по его вине погибло по меньшей мере двое людей. И кто знает, как отнесутся к этому их товарищи. По крайней мере, если бы погиб Татень или Клёст бы пострадал (хорошо хоть Жужель с Молчаном и Зозулей остались в Клёстово), Ярослав бы точно этого так не оставил. И уж точно не подал бы никогда руки воину, убившему или ранившему его товарища.

В общем, пока что для Ярослава это было странновато. Но не все были столь простодушны. Были и те воины, что, отделившись от общей массы, смотрели на клёстовцев с опаской, без явной угрозы, но не по-доброму.

И Ярослав их понимал. Он едва не всплеснул руками, мол, нормальные люди нашлись, пускай и враги. Хотя кто знает, что такое «нормально»? Ведь умение так легко перестраиваться тоже многого стоит. Ведь получается, что тот же Клёст – он хоть и понимал, что за ядовитый змей этот Врабий, но всё равно сражался с ним без злобы, просто понимая, на что он идёт и что стоит ждать от противника. И даже готов был простить того и принять обратно. По крайней мере, Ярослав в жизни не поверил бы, что Клёст, в случае если Врабий не стал бы нападать, пошёл бы на подлость. Не тот он человек. Слишком прямой, слишком честный. Да и добрый он, хоть и строгий.

Когда воины окончательно расселись вокруг костров, а все, кто хотел, подошёл к Клёсту и поздравил его, и кутерьма улеглась, люди стали готовиться ко сну. Ненасть вдруг склонился к Клёсту и спросил:

– А ты здесь всем доверять можешь, ну, в этом кругу? – спросил он вполголоса, чтобы его услышал только новоявленный князь.

Однако Ярослав его услышал. Клёст нахмурился, оглядел людей, сидящих рядом, затем уверенно кивнул:

– Да, здесь все свои, здесь я могу доверять каждому, как себе. – ответил он.

Ненасть кивнул, затем снова оглядел ближников Клёста.

– А чего хотел сказать-то, не томи? – спросил Татень, который тоже услышал вопрос Ненастья.

– А вот Врабий своим дружинникам не до конца доверял. В частности, новеньким, перешедшим от Стрежня, – наконец произнёс он. – Оттого и нас, основную свою дружину, рядом собой держал, самых верных, кому мог довериться.

– Ты-то самый верный? – расхохотался вдруг Татень.

Но Клётс очень строго посмотрел на пожилого воина, и тот осёкся.

– Не надо так, – произнёс он, придерживая Ненастья, который хотел было взвиться. – Он всё правильно сделал и повёл себя достойно. Я уверен, что любой бы из вас, взбреди мне в голову вести себя подло, поступил бы так же. Именно поэтому я говорю, что здесь могу доверять любому. Ясно тебе, Татень?

Татень смутился и хмуро кивнул.

– Или ты позволил бы мне вести себя нечестно и недобросовестно? Ты ведь меня с малых лет поучал, когда я проказничал. Неужто сейчас не направил бы меня, если бы я стал заблуждаться? Или не остановил бы, вздумай я клятву нарушить даденную перед Перуном?

Татень и вовсе смутился.

– Вот значит и не спорь, – окончательно придавил Клётс своего ближника. Затем снова приглядывался к Ненастью. – Говори, что хотел нам поведать.

– Видишь ли, когда Стрежень пришёл к Врабию, они говорили наедине. И разговор у них был не дружеский, напряжённый. Да, они договорились о том, что воины Стрежня перейдут под командование Врабия. Но они явно не только это обсуждали. И поговаривают разное. Вrabий держал советы и с другими воинами из своей дружины, теми, что постарше, которые ещё его отцу служили, о том, стоит ли доверять вообще Стрежню? – сказав это, он сначала посмотрел на Клётса, а затем и остальных обвёл взглядом.

– То есть Стрежень, который поддержал своего друга, воинов ему отдал, вдруг перестал пользоваться доверием? – спросил Клётс.

– Именно – кивнул Ненасть.

– Может, Стрежень-то не так уж и прост, – огладил усы Крень. – или не смогли договориться, да повздорили о чём-то.

– И кажется мне, что Вrabий хоть и принял помощь от Стрежня, но ждал какой-то подлости, – добавил Ненасть. – Видится мне, обидой их разговор закончился.

Клётс призадумался, а Крень вдруг произнёс:

– А это интересно выходит. Если бы Вrabий победил, а воины Стрежня взяли бы просто и ударили Вrabия в спину?

– Да с чего им это понадобилось бы? – покачал головой Клётс. – Ну, погиб бы я, погиб бы Вrabий, и вообще никаких воевод бы не было. Смысл-то какой?

– Может, Стрежень того и добивается? Как Лис, например, – вдруг встрял Татень. – Лис вот не хотел никаких князьёв. А Стрежень, быть может, тоже призадумался, нужны ли князья в Бранске? Может, он хотел помешать Вrabию, а тут ты нарисовался, красивый такой, и тоже в князья метишь. Вот Стрежень и изменил подход к делу.

Клётс хмуро покачал головой.

– Незачем так сложно было бы действовать. Это имело бы смысл, если бы Стрежень сам метил бы в князья. Вот только для этого ему нужно было себя заявить как-то, а он не заявил, поэтому я и не пойму, чего он хочет. А чтобы помешать, достаточно было просто высказаться против.

– Но зачем ему тебя тогда в князьях видеть? Если бы он Вrabию помешал, то тебе бы помог. А ты же вообще им чужой! Не общался с ними почти, – вставил ремарку Крень. – Вот и опасная ситуация вышла.

– Так получается, от Стрежня тоже стоит подлости ждать? – рассудил Клётс.

– Кто ж его знает, – пожал плечами Ненасть. Но Вrabий опасался, что воины Стрежня могут ударить его в спину, поэтому и держал их отдельно. Они ведь шли впереди отдельно от Вrabия и нашего десятка.

– Всё равно что-то не сходится, – покачал головой Клётс.

– Сходится, не сходится... Свое слово я сказал. – пожал плечами Ненасть. – Я бы на твоём месте поставил рядом с собой пару верных воинов, чтобы ночью тебя оберегали. А то, кто знает, как всё повернётся?

– А как повернётся? – спросил Клёт. – Мы же оружие у них забрали. Они для нас угрозы не представляют.

Но прочие воины были согласны с чужаком.

– Для бравого воина и сучок копья, – поддержал Ненастья Татень.

Клёт коротко кивнул, затем снова обратился к Ненастью:

– Слушай, а ты с этими доверенными воинами Врабия сам не общался? Может, они между собой о чём-то сплетничали, судачили о чём-то или делились с тобой?

Ненасть призадумался.

– На самом деле, Врабий им тоже ничего и не рассказывал. Так, только спрашивал, что они думают о Стрежне? Но вот сами старики действительно о многом стали судачить. Ведь неспроста же Врабий потерял доверие к союзнику. Поговаривали, что, быть может, Стрежень захотел себе больше власти. Были даже толки, что Стрежень потребовал поделить Бранское княжество на две части. Одну часть Стрежню, другую Врабию. Или что захотел быть его правой рукой и наследником. А ведь у Врабия-то наследников нет. И в случае, если бы с ним что-то случилось, то Стрежень бы сам стал князем.

– Что, так и говорили? – переполошился Татень.

– О чём-то говорили. Что-то сам додумал. Но в основном это домыслы. Но что они обсуждали никто не знал, кроме Врабия да Стрежня.

– Вообще, я ведь Врабия знал немного, и слишком уж хитрые планы у него были, – произнёс вдруг Клёт задумчиво. – Не похоже это на него. Он парень изворотливый, целеустремлённый был, но хитрости ему не доставало. А здесь ишь что удумал. Сколько изворотов да подлостей подготовил. Будто он не сам свои планы выдумывал, а кто-то ему хитрый подсказывал, как правильно поступить. Если бы не наши разведчики, – он похлопал по плечам Ярослава и Татеня, – я бы, скорее всего, сейчас в земле лежал, или оплакивал погибшие деревни и готовился бы к поражению.

«Даже удивительно, – подумал Ярослав, – что этим “серым кардиналом” оказался Стрежень, а не тот самый Лис. По крайней мере, тот больше всего походил на роль хитроумного интригана. А вообще, мысль-то очень неплохая – использовать Врабия как ледокол и укрыться за его спиной. А когда он сделает всю грязную работу, попросту занять его место. И всё это время вроде бы сам остаёшься верным соратником, помощником, опорой. А когда Врабий становится князем, то даже не обязательно бить ему в спину. Можно просто подстроить несчастный случай. Ведь действительно, Врабий-то молодой совсем, и наследников у него нет. А кому тогда княжество оставлять? Можно, конечно, опять разделить, но что-то мне подсказывает, что у того, кто придумывал стратегию для Врабия, были мысли на любой вариант развития событий».

Свои мысли парень оставил при себе. Клёт и его ближние тоже народ с головой. Не стоит ему раньше времени вылезать, сами догадаются. А может, уже догадались.

Ещё немного поболтали, после чего Клёт поднялся и, привлекая внимание всех воинов, громко объявил, что завтра утром будет принимать клятвы от бойцов. Сегодня, мол, пускай отдыхают, а завтра судьбу будем их решать, – мол, те, кто присягнут, получают оружие и будут судить, куда отправляться: в Клёстово или обратно в Врабиевку.

– А те, кто откажется, – спросил вдруг один из воинов, – что с ним будет?

– Тот пока без оружия побудет, – ответил на это Клёт, – пока не решит, кому он хочет служить: князю, воеводе али сохе.

Воины загомонили, но в основном по-доброму. Не было явно недовольных или тех, кто подумал качать права. Всё-таки все они жили в одном княжестве, пускай и у разных воевод.

Но были и те, кто отмалчивался. Ярослав постарался запомнить их лица. Так, на всякий случай. Вдруг с ними когда-нибудь судьба сведёт.

Ярослав улёгся спать, но сон к нему не шёл. Он размышлял о том, что было утром и днём, о битве с врабиевцами и потом о дуэли Клёста. Прошедшие события не шли из его головы. Вот он и пролил свою первую кровь. Стал ли он убийцей или воином? Кто ж теперь разберёт.

Вон, если вспомнить, в годы Мировой войны парни его возраста вполне себе шли на фронт и там воевали с врагом за свою землю. Чем Ярослав хуже или лучше? Да ничем. Были ли они убийцами? Да нет, они были защитниками Отечества, своей земли, своей родни. А он кто? Да, он русский. И эта земля русская, хотя и называется пока по-другому. Но он ведь не из этого времени. И эти люди, может и его какие-нибудь дальние предки, но тем не менее не свои. Ну, вернее, они стали для него близкими друзьями, доверенными. Но всё-таки Ярослав не забывал о том, что эта земля не его родина. И здесь он оставаться не собирается.

Да, он ввязался в разборки Клёста и поддержал его, потому что Клёст из тех людей, которых следует поддерживать. Но основная его цель лежит всё-таки в другой плоскости. Ему надо возвращаться домой.

Но терзать себя лишними переживаниями не следует. Ярослав просто воин, который принял правильное решение и занял свою сторону в драке, которую нельзя было избежать. По крайней мере, Ярослав точно оставаться в стороне не стал бы, ведь он пообещал служить Клёсту своим мечом. Вот он слово и сдержал. И кто знает, как судьба повернётся, и сколько раз ему ещё предстоит выступить на поле брани.

Стоило только сну начать овладевать сознанием Ярослава, как он вздрогнул от поднимающегося шума. Где-то неподалёку поднялся шум и гам. Кто-то ругался. И, судя по звукам, кажется, там началась драка. И кто с кем что не поделил?

Однако отлёживаться в такой ситуации точно не следовало, особенно после того, что рассказал Ненасть.

Ярослав подскочил и, удостоверившись, что на поясе висит меч, побежал в сторону, где был шум. Рядом с ним, нутужно пыхтя, нёсся Татень.

Стоило Ярославу поравняться со вставшими кольцом воинами, как перед ним стала вырисовываться картина. Пятеро воинов, это были явно врабиевцы, лежали сейчас на земле. А их удерживали ещё шестеро, причём, как клёстовцы, так и врабиевцы.

Над ними уже стоял Клёст.

– Что вы здесь устроили? – строго спросил он.

Ярослав попытался взглянуть в лица воинов и вдруг с удивлением обнаружил, что воинов на самом деле было не пятеро, а четверо. Пятым было тело Врабия, которое они, судя по всему, зачем-то притащили сюда, ну или попытались утащить, по крайней мере, эта версия звучит логичнее. Вот только зачем он им?

Воины проигнорировали вопрос Клёста и дружно хмуро молчали.

– Я жду ответа? Для чего вы пытались похитить тело воеводы Врабия?

Клёст вдруг увидел Ненастья, стоявшего среди воинов, окруживших сцену, и, кивнув, поздравил его.

– Ненасть, скажи-ка, это бывшие воины Стрежня или воины Врабия? – спросил он.

– Стрежневцы, – тут же ответил Ненасть. – Врабиевцев среди них нет.

– Понятно. Значит, не воеводу хотели от бесчестия спасти, а по другим причинам тело умыкнули. Так по каким же? – снова обратился он к воинам.

Но те по-прежнему держали рты на замках.

– Ну что ж, – Клёст развернулся и поискал Татеня. – Старый друг, иди за вёдрами, за холодной водой. Будем языки развязывать, – произнёс воевода.

Допрос длился недолго. По крайней мере, стрежневцы, непонятно по какой истинной причине оказавшиеся в рядах Врабия, решили долго не терпеть истязаний и выложили всё

как на духу, хоть и приходилось из них информацию клещами тянуть. Только на вопросы отвечали, а сами ничего не рассказывали.

Как выяснилось, Стрежень наказал им сопровождать Вrabия и помогать ему во всём. Но отдельно сказал, что, если вдруг случится так, что Вrabия убьют, Клёсту тело не оставлять. Дождаться, когда все потеряют бдительность, а затем тело Вrabия выкрасть и привезти Стрежню. А если не получится, то, по крайней мере, спрятать, но Клёсту его не оставлять.

– А если бы Вrabий победил? – спросил Клёст у разговорившихся пленников.

На это воины промолчали, переглянувшись. Но один вдруг произнёс:

– Сказали нам поддерживать Вrabия во всём и идти с ним до конца.

Воин ответил твёрдо, но что-то Ярославу не верилось в его слова. Ему показалось, что воин соврал. Клёст, похоже, тоже понял. Но только дальше спрашивать не стали. Видимо, и так всё стало ясно. Вrabий недолго бы княжил. Да и жил бы, похоже, тоже недолго, доведись ему одержать победу.

Дальше Ярослав не слушал допрос, решив завтра расспросить Татеня. Ему и так хватало впечатлений на сегодняшний день, а сцены пыток, пускай даже со студёной водой, позитива ему не добавляли. И он решил пойти обратно к костру.

Пока шагал, рассуждал, что действительно Стрежень не так-то и прост. Только непонятно, какие цели он преследует. Ведь власти он хочет или наоборот, не хочет, чтобы князь в Бранске был. Видимо, он надеялся на то, что пока другие воеводы не увидят тело Вrabия, тот будет считаться живым, и победа Клёста принята не будет. Ну что ж, хитро, ничего не скажешь. Понять бы ещё цели.

Глава 21. Новая напасть

«Стрежневцев», что пытались украсть тело Врабия слегка врузумили (без злобы и без лишнего членовредительства, а порядка ради), а потом связали. А возле тела павшего на божьем суде воеводы, Клест приказал поставить еще один караул. Может, теперь-то уже и не стоило этого делать, но, как говорится, обжегшись на молоке и на воду дуешь.

Снова улеглись спать, было тревожно, но усталость, накопившаяся за день, взяла свое. Но Соколову не заспалось.

Ярослав лежал рядом с Татенем. Они уже не первую ночь ночевали рядом – одна попона стелилась на землю, как подстилка, а второй укрывались. Так, вроде бы, и остывающая земля не вытягивала тепло из тела, да и теплее вдвоем. Можно бы еще елового лапника нарубить, но пока сентябрь, так и так сойдет.

Соколов, не служивший в армии, слышал от бывалых людей, что именно так когда-то ночевали на земле солдаты. Правда, вместо попон они использовали шинели. Ярослав не был уверен, что в нынешней армии сохранилась шинель, но с другой стороны, вряд ли ему придется спать на земле. А если и на земле, то можно подстелить либо пенку, либо какой-нибудь туристический коврик. Вот только, имеются ли они в армии? Ну да как раз и проверит.

Ночь выдалась холодной, а Татенью было хоть бы хны. Он даже попону с себя скинул, чему Ярослав был рад. Коли старику жарко, так можно натянуть на себя, укутаться с головой, соорудив нечто, вроде гнездышка. Вот только, Татень храпел, как трактор во время работы. От его храпа не то что самому Ярославу пришлось туго, но кажется, даже лошади подскакивали на месте.

Не выдержав, Ярослав толкнул соседа в бок:

– Татень, ты бы на другой бок перевернулся, что ли...

– А? Чего? Где? – подскочил Татень. – Кто напал?

– Да не напал никто, – успокоил парень старого ратника. – Храпишь ты, как паровоз, я из-за тебя заснуть не могу.

– А, как паровоз... – успокоился Татень.

Старик перевернулся на другой бок, храпеть перестал, зато одним движением стянул с Ярослава свою половину попоны, сразу же порушив старательно создаваемую берложицу!

В общем, нет в мире совершенства.

Но как бы то ни было, «попаданец» из двадцать первого столетия заснул и проснулся от того, что его будил Татень. Сосед уже успел и проснуться, и умыться, и даже посмотреть на своего коня, а заодно и проверить – как там «стрележцы»? Кажется, старик уже начал входить в образ воеводы, которому нужно не только за собой следить, но и за своими людьми. А «стрележцы», как ни крути, теперь числятся бывшими дружинниками бывшего воеводы Врабия, чье хозяйство нынче отошло под руку старого ратника. Хотя, насколько старого? Лет сорок или сорок пять? Какая же это старость?

Пока Ярослав делал свои утренние дела, Татень уже успел заполучить у кашевара миску с двойной порцией каши. Ну, хотя бы каша, а не кулеш.

– Лопай давай, – кивнул Татень на миску и Ярослав не заставил себя ждать.

Оба воина старательно заработали ложками. Ярослав знал, что при всей заботе старика (ну да, опять он о ратнике, как о старике!) о молодом воине, отставать от него нельзя, поэтому чуть зазеваешь – останешься без завтрака, поэтому он старался поспевать за бывалым воином.

Пустую миску и ложки пришлось мыть Ярославу. Но здесь никакой «дедовщины», все справедливо. Вот, если бы он проснулся первым и озабочился завтраком для двоих, то мыть посуду пришлось бы старшему по служебной лестнице, а тут, извините, придется ему. Но ничего страшного, тем более, что Соколов уже знал, что мыть миску можно безо всяких

химических прибабасов, вроде того, что рекламировала когда-то актриса, исполнявшая роль Хоботовой в «Покровских воротах» – достаточно зачерпнуть из костра немного золы, сорвать пучок травы, так все и отмоеся даже в холодной воде. Кстати, надо будет взять эту методику на вооружение – пригодится даже в его реальности.

Когда Ярослав вернулся к биваку от речки с чистой посудой, Татень вдруг спросил:

– Слышь, а ты чего меня ночью-то лягал?

– Я тебя и не лягал вовсе! – возмутился Ярослав. – я тебя вежливо в бок пихнул – даже и не пихнул, а потрогал и попросил, чтобы ты поменьше храпел.

Теперь возмутился Татень.

– А кто храпит-то? – буркнул ратник и уверенно заявил. – Я, малец, отродясь не храплю!

– Ага, не храпит он... – усмехнулся Ярослав. – Ты так храпел, что кони шарахались. А я думал, что оглохну к утру!

– Эх, ну до чего молодежь-то бесстыжая растет, – покачал головой Татень. – Врешь ведь, как сивый мерин... – Повздохав и посетовав на наглую молодежь, которая нагло врет на стариков, что по ночам даже и не думают храпеть, ратник вдруг вспомнил: – Да, а кем ты меня ночью-то обозвал? Как это..? Пара... Нет... А, паровозом ты меня обозвал. И что за штука такая, паровоз?

Вот уж точно, хоть стой, хоть падай. Ярослав уже и сам подзабыл, что он ляпнул ночью, а вот как Татень-то вспомнил? И, не просто вспомнил, а правильно выговорил незнакомое слово, которое услышал во сне! Чудеса, да и только.

– А паровоз – это штука такая... – попытался объяснить Ярослав, ломая голову, чтобы такое соврать? Сказать, что-то типа «шайтан-арба»? Или «самоходная телега»? Нет, надо бы что-то другое придумать. Но придумать ничего не мог. – Так вот, штука такая, огромная – не живая, но и не мертвая, по лесу ползет, деревья ломает, да храпит.

– Так дракон, что ли? – заинтересовался Татень. – А коли дракон, так чего он ползет по лесу, а не летит?

– Так устал, наверное, попробуй-ка полетай целыми днями, – выкрутился-таки Ярослав. – Устал он, присел отдохнуть, травки свеженькой пощипать...

– Дракон – и травки пощипать? – вытаращился Татень. – Да ты охренел, что ли? Дракон, он тебе не заяц какой. Если бы он сосну сожрал, я бы еще поверил, так ведь не жрут драконы ни траву, ни деревья.

От окончательного позора Ярослава спас Клест, оказавшийся рядом именно сейчас, когда он и был нужен.

– Слышь, Татень, ты ведь уже собрался в хозяйство Врабия ехать? – спросил князь, а потом сам же и ответил. – Вижу, что собрался. Пожалуй, не отпущу я тебя пока в твои владения, не сердчай. И ты, и Рубец со своими ребятами, пока здесь нужны. Кто знает, какой еще сюрприз по дороге ждет? Уж пусть со мной верных людей будет побольше.

– Вот это и правильно, – обрадовался старый воин. – Врабиевка пока не помрёт, а там, глядишь, ты на воеводство кого помоложе да пошустрее меня присмотришь.

Клест на слова своего ратника и ухом не повел, да и все так знали, что коли решение о назначении принято, так воевода (то есть, теперь уже князь, но время надо, чтобы привыкнуть), его не поменяет.

– Ты, князюшка, лучше бы гонца в Бранск отправил, – посоветовал Татень. – Пусть знают, что нонче у Бранского княжества князь появился.

– Так я уже и отправил, – хмыкнул Клест. – Думаешь, сам бы не догадался?

– Да нет, князь, я так не думаю, – усмехнулся Татень. – Я точно знаю, что ты уже распорядился отправить гонца в Бранск отправить, доложить – нет, князю никому докладывать не пристало, а сообщить, что Клест победил Врабия на божием суде, и по воеводскому уговору

он, то есть ты, будешь теперь князем. Стало быть. Пусть теперь жители собирают совет, рассылают гонцов воеводам, чтобы те собирались в Бранск, чтобы тебе клятву давать.

– Так коли ты знаешь, чего советы даешь? – удивился князь.

– Я думаю – коли я в воеводы выбился, так должен теперь тебе разные советы давать, – пояснил Татень. – А когда тебе мои советы надоедать станут, авось ты меня с воеводства снимешь.

– Вот когда сядешь на воеводство, невесту себе найдешь, да сына родишь. Вырастишь, чтобы он тебе на замену встал, тогда и сниму, – пообещал Клест.

Татень только всколоченную башку почесал. Верно, прикидывал – а доживет ли он до этого дня? Выходит, что придется доживать. Ну, коли в бою не убьют. Но это потом, а покамест нужно седлать коней и двигаться дальше.

Обоз с ранеными и конные воины прошли всего ничего – верст десять, как к князю приискал один из разведчиков, оправленных впереди воинства.

– Биармины на пути, – сообщил дружинник.

– Биармины? – удивился Клест. – Далековато же они забрели. И что хотят?

– Тебя хотят видеть, – только и сказал ратник. – Их трое всего. Я им сказал – мол, князь сам сюда идет, говорите, что надобно? А они мне – мол, все князю сразу и скажем. Зачем лишний раз воздух сотрясать?

Клест только кивнул. И впрямь – чего воздух-то сотрясать?

– Татень, а кто такие биармины? – осторожно спросил Ярослав у своего наставника.

– А ты разве не слышал про них? – удивился Татень, а потом пояснил. – Бьярмины – это лесной народ. Они здесь допрежь нас тут жили.

Ярослав подивился. Ему Зозуля рассказывал, что лесные люди давно ушли, и исчезли, а оно вон как выходит. Живут себе да здравствуют.

– А, так вот это кто, – кивнул Ярослав, вспоминая рассказ Зозули о стародавних временах. – Про лесной народ я слышал, но не знал, что их биарминами называют.

– Это они себя так зовут. А мы их и так, и лесным народом величаем, – сказал Татень.

Ярослав представлял лесных людей какими-нибудь карликами, в шкурах. А тут стояла троица самого обычного роста, одетая в самые обычные одежды – льняные портки и такие же рубахи. Вот только вместо привычных для дружинников кафтанов, на людях красовались меховые безрукавки. И типаж был вполне себе европейский. Двое мужчин – один постарше, лет под тридцать пять. Второй – совсем молодой, моложе самого Ярослава. А еще, судя по всему, среди мужчин находилась еще и женщина – красивая, с русыми волосами, заплетенными в косу, брошенную на пышную грудь.

– Ты на девуку-то не заглядывайся, – усмехнулся Татень. – Вишь, у нее всего одна коса?

– Ага, вижу, – кивнул Ярослав, не очень-то понимая, причем тут коса?

– А коли одна коса, так она и не девка уже, а мужняя баба, – пояснил старый ратник. – Понял?

– Понял, – кивнул парень. Эх, а девушка-то и на самом деле хороша. А еще она чем-то напоминает ту колдунью. Вот уж, никак не думал, что ему может понравиться ведьма, которой, невесть сколько лет.

Воинство и обоз, повинаясь приказу князя, остановились, а сам Клест подъехал к биарминам.

– Приветствую тебя Рахи, – поздоровался он со старшим из биарминов.

– Здравствуй и ты Клест, – ответно поприветствовал его лесной житель на понятном для всех языке. – Слышал, что ты князем стал?

– Откуда знаешь? – удивился Клест.

– Так мы, люди леса и воды, у птиц спрашиваем, у зверей, – туманно ответил Рахи. – Знаем, что ты с воеводой Врабием бился, но победил.

Вот здесь и на самом деле можно грешить хоть на белок, хоть на сорок, а иначе откуда бы лесные люди узнали новости, случившиеся только вчера? Но Клест не стал выяснять источники информации биарминов. А Рахи, тем временем, сказал:

– Князь в Бранске есть, и это хорошо. А то, что ты им стал – вдвойне хорошо.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Клест, а потом, стирая с лица улыбку, спросил: – Ну, о хорошем поговорили. А что плохого случилось? Не зря же шаман биарминов к нам пришел?

Ярослав удивился. Этот человек – не старый еще, а уже шаман? Впрочем, если он сильный шаман, то может и выглядеть гораздо моложе своих лет.

– Мурманы пришли, – сообщил Рахи.

– И много их? – насторожился князь.

– Один корабль, а людей, как у меня пальцев на руках и ногах, – ответил шаман. – Мурманы к нам торговать пришли, но ты же знаешь. Они и поторговать могут, а потом уйти, а могут после торга и грабить начать. Слышали они, что в Бранском княжестве князя нет, а воеводы между собой договориться не могут. Как хорошо что мы тебя встретили.

Ярослав тоже был наслышан про мурманов, которые напоминали ему викингов из его истории. Заморские гости умели торговать, но если видели, что товары можно взять силой, то так и делали.

– А далеко ваше село? – поинтересовался князь.

– Селение наше возле старой гати, полдня пути, – обрадовался Рахи. – Мурманы пешком пришли, по самой гати, а корабль на реке оставили, верстах в пяти.

– Так говоришь, мурманов столько, сколько у тебя пальцев... – раздумчиво сказал князь, оглядывая свое воинство.

Видимо, размышлял о будущем. Торжище мурманов без присмотра оставлять нельзя, потмоу что нельзя допустить, чтобы морские бродяги обидели лесных людей.

Мурманов – двадцать человек, не так и много. И пусть морские разбойники – воины свирепые, так и его ратники не промах. А у него нынче всего две дюжины, которые могут воевать. А остальные – кто ранен, а кто на ногах не держится. Есть, правда, еще бывшие дружинники Врабия.

– Мы можем вас и быстрее провести, только коней придется оставить, – сказал Рахи.

– По болоту пойдем? – догадался князь.

– А по болоту за четверть дня пройдем, а то и быстрее, – сообщил шаман.

Клест кивнул и спешился. Посмотрев на ратников, сказал:

– Рубец и Щукарь – вы со своими людьми со мной пойдете. Крень – повезешь раненых в село. Врабия куда-нибудь в прохладное место пристрой, ну, ты и сам знаешь. Оставишь пару человек, чтобы за нашими конями присмотрели. Если все благополучно – мы сюда и вернемся, а потом сами в село приедем. Старшие дружинники тоже со мной пойдут. Может, до драки дело и не дойдет, коли мурманы увидят вооруженных дружинников, но все может быть.

– Князь, дозвожь и мне с тобой, – запросился Ненасть.

– А мы как же? – спросил кто-то из «врабиевцев», а следом запросились и остальные.

– Ну, раз хотите – тогда пойдем вместе. – решил князь.

– Князь, дозвожь и нам с тобой, – подал голос один из «стрежневцев» – из тех, кто пытался ночью украсть тело Врабия.

– А вот на вас у меня надежды нет, веры вам мало, – покачал головой князь. Подумав, сказал: – Но коли хотите свою вину искупить, то возьму. Но вот оружие я вам не дам, не взыщите.

Дважды плененные дружинники закивали. Понимали, что оружие они не заслужили. Но коли ты настоящий воин, то оружие можно добыть и в бою.

Оставив обоз и коней, князь и его дружинники отправились за биарминами. Лесом было идти недолго – версты три. Но скоро деревья поредели, сменившись кустарником, а под ногами захлюпала вода.

Рахи, выйдя к болоту, скомандовал:

– Идти за мной, след в след. Не останавливаться! Ежели кто тонуть начнет – спасать не будем!

Рахи вздохнул и пошел вперед, показывая дорогу.

Ходить по болоту бы лучше на каких-нибудь мокроступах, а то и на лыжах, но пришлось переться так, ножками.

Ну да, на лыжах бы гораздо лучше, чем на своих двоих, но обнадеживаться не стоит. Всякое бывает. Можно так ухнуть, что только болотная нечисть вытащит. Вон, у лосей копыта широкие и по болотам сохатые шастать мастаки, но и они каждый год десятками тонут.

Ярослав молча шагал по болотной жиже, а следом за ним угрюмо сопел Татень. Наверное, старый ратник опять начнет выдыхаться, но на болоте этого делать нельзя.

А тут, как на грех, его собственная нога сорвалась с проторенной тропки. Едва успел вытащить ступню, а болотная жижа вспузырилась, громко фыркнула и чмокнула, как лопнувший бычий пузырь.

Наконец–таки болото закончилось, а впереди показалась небольшая деревушка, прижатая к озеру.

Глава 22. Торговля и торговцы

Деревня биарминов располагалась справа, а слева, судя по невысоким шатрам и многочисленным продавцам и покупателям, сновавшим туда и сюда, развернулось торжище.

Коней у заморских гостей видно не было, наверное, они и на самом деле не возят их на кораблях, хотя, Ярослав читал где-то, что викинги (если тутошние мурманы они и есть!), были прекрасными всадниками. Правда, не очень понятно – когда они имели время и возможность этому научиться, если предпочитали «морских» коней сухопутным? Приятель, побывавший в Швеции (шведы ведь тоже числят среди своих предков варягов), говорил, что у скандинавов настоящий культ лошади. А в Стокгольме, в качестве сувениров, в огромном количестве продаются лошади – деревянные и пластмассовые, глиняные и пластиковые. А еще лошадей любят изображать на разных кожаных изделиях – от сумочек до кошельков.

Здесь же торжище было иного толка. Издалека не видно, что за товары разложены, но надо думать, что ничего такого особенного здесь нет. А ведь эти мурманы – парни здоровые, коли тащили на собственном горбу и шатры, и сами товары. Сколько по гати до устья реки, где стоит драккар? Верст пять? А может и больше. Кто их, здешние версты мерил?

После перехода через болото драться с мурманами не слишком-то хотелось. Нужно бы отдохнуть, перекусить. А еще – умыться и смыть болотную грязь и тину с обуви.

– Сейчас вам чумы поставят, и еду принесут, – сообщил молодой шаман будущему князю.

– Вот это и хорошо, – кивнул Клест, выражая общую радость, а Ярослав отметил привычное слово «чум». Вроде, чумы у чукчей, а биармины на жителей крайнего Севера не очень-то похожи. Песня такая есть, как «чукча в чуме ждет рассвета». Он даже как-то ролик смотрел. Прикольно. Ну да какая разница?

Лагерь для браничей разбили около ручья, недалеко от торгова. Пока дружинники обустроивались – растапливали костры, ставили на огонь котелочки, чтобы сварить нехитрый обед, биармины уже успели поставить им нечто вроде шалашей, крытых шкурами. От солнца да дождя защитят, а зимовать здесь браничи не собираются.

Появление большого воинского отряда не осталось незамеченным и для мурманов. Ратники ловили пристальные, словно бы оценивающие взгляды заморских гостей, да и сами, в свою очередь, пересчитывали количество торговцев, оценивали их воинскую статью и приглядывались к оружию.

И если до этого, со стороны торжища, доносились весёлые выкрики торговцев – на неизвестном языке, чем-то напоминавшим немецкий, то теперь радости поубавилось, а сами мурманы, время от времени сгущивались и принимались о чем-то говорить. Видимо, тоже обсуждали новых людей.

Кажется, один только будущий князь был спокоен. Вон, Клест улыбается во все свои тридцать два зуба, что не были испорченны стоматологами и сладостями, о чем-то договаривается с молодым шаманом.

– Наши люди хотели вам свежей рыбки поднести – с утра наловили, но не стали, – сообщил Рахи.

– И правильно, что не стали, – усмехнулся Клест.

– Вот и я так подумал, – скромно улыбнулся Рахи. – Не все, что в реке плавает, в пищу годится. А если и годится, то не всем.

Ишь, как завернул-то! Мог бы и проще сказать. Дескать – если бы биармины притащили жителям Бранского княжества рыбу, что считается священной, то ратники бы такой жест не оценили. Ладно, что сами браничи не осуждают лесных людей – что с них взять, с дикарей? – за то, что они едят рыбу, но сами бы могли и по хребту огреть за подобное подношение.

Но свежее мясо, испеченное на углях, чем-то напоминало полузабытый шашлык и было очень даже вкусным. Вот, если бы к нему еще соли чуть-чуть, так и совсем бы неплохо. Но биармины, в отличие от браничей, соли совсем не ведали, да и сам Ярослав, по правде сказать, уже стал привыкать, что здесь соль используют не щепотками, как на оставленной родине, а по чуть-чуть.

К слову – а как тутошние лесные люди живут без соли? Она же, вроде, организму необходима? Но как-то живут и, ничего.

Ярослав, поглядывая то в сторону торжища, то на деревню, где царило оживление, вспоминал разговор с Зозулей, когда тот рассказывал про местное устройство, да про народы, проживающие в этих краях. Приятель уверял, что лесных людей почти не осталось, а если и был кто, так куда-то ушли. А тут, вишь, лесных людей немало. Если прикинуть, то наберется на целое село, а то и больше. Врал Зозуля? Или, все еще проще. Лесные люди живут и пищу себе добывают в лесу, а жители бранского княжества землю пашут, а жительствоуют в деревнях и сёлах. Стало быть, нет нужды им пересекаться. Вот, если только охотники, так много ли их здесь?

А вот воеводы да князь о биарминах и об их поселениях осведомлены, но у властителей работа – брать под опеку тех, кто на твоей земле проживает, беречь их, не позволять, чтобы их кто-то обидел.

Еще, кажется, за это положено дань брать? Как в девяностые, когда «братки» брали за «крышевание». Потом, правда, братков этих либо стреляли либо сажали. Нет, сравнение не очень удачное. Бранское княжество, как ни крути, а государство, а одним из признаков государства является армия и госаппарат, на содержание которых и собирают налоги. Если тому же Клесту будет не на что содержать дружину, то его селян быстро возьмут в оборот те же мурманы, а то и просто разбойники. И это, кстати, касается и лесных людей. За спокойную жизнь следует платить – азбучные истины. Но если дань непомерная, то народ может взбунтоваться. Вон. Один из первых князей Русского государства Игорь, обложил непомерной данью древлян, за что и поплатился. Его супруга была гораздо мудрее. Она вначале наказала убийцу своего мужа, но потом, учла ошибки и установила фиксированную подать. Но пока Ярослав не слышал ни о дани, ни о прочих податях, которыми бы облагался лесной народ.

Попаданец торопливо ел свою порцию каши, выданную кашеваром и раздумывал – просить ли еще одну или и так сойдет? Если случится бой, то вторую порцию лучше не спрашивать, а нет, то можно и попросить.

Попутно, или лучше сказать – параллельно, Ярослав изучал мурманских воинов. Ежели, смотреть со стороны, то не особо отличались от бранчан. Есть и высокие, и не очень, бородатые и бритые. А сказать, какого цвета волосы сложно, потому что прически скрывают шлемы. Не такие, которые любят изображать художники и киношники – с рогами, а конусообразные, во многом напоминающие яйца, а то и ведра. Типа – ведро, в форме «усеченного конуса». Доспехи – просторные кожаные рубахи, только пластинки погуще, словно бы чешуя. Ах, да, если мурманы пришли из здешнего аналога Скандинавии, то там с железом полный порядок, не как в Бранском княжестве, где имеется лишь болотная руда. В школе, помнится, проходили, что по пути «из варяг во греки», со скандинавского полуострова на Русь везли именно железо, а из «греков», то есть, из Византии, соль. Но соль в Бранском княжестве есть своя – он выяснял, добывают ее на соляных варницах. Варницы – значит, соль как-то варят?

Мечи и топоры были не у всех, а если и у всех, то не на виду. В принципе, правильно. Биармины – народ мирный. Вон, Ярослав уже обратил внимание, что неподалеку поссорились мальчишки. У нас бы один другому уже пинка дал, а тот, в ответ, в ухо заехал, а эти лишь постояли, да потолкали друг друга, а потом и разошлись.

– А чем тут торгуют? – поинтересовался Ярослав проходившего мимо Татеня. А тот уже не просто шел, а словно бы шествовал.

– Так сходи да сам и посмотри, – отмахнулся старый воин, или правильнее сказать воевода? Вон какой важный стал, грудь колесом топорщит, Лучше бы он по ночам храпеть перестал. А то ходит как павлин, даром, что хвоста нет. Перьев, что ли, каких набрать да подарить старику? Так ведь не поймет шутики. И про павлинов здесь пока слыхом не слыхивали. Ладно, пусть входит в образ начальника. Но идти к мурманам одному было стремно. Да и языка он не знает.

– Может, вместе сходим? – предложил Ярослав. – А то мало ли что от них ждать.

– Не бойсь, они теперь смиренные будут, эти мурманы, только супротив безобидных, вроде биарминов наших, добрые бойцы, а на деле те еще трусы, – усмехнулся Татень. – Любят они сотней на десятерых, а потом похваляются, какие храбрые. Пенители волн, копьё Одина им в дышло и молоток Тора в задницу!

Классное ругательство Татень придумал. Надо запомнить. Один, вроде бы, главный бог был у викингов, а Тор, который великанов молотком бил. Или все-таки молотом?

Ярослав еще раз взглянул на хмурых воинов, Не похожи они на трусов. И оружие появилось, словно бы из-под земли. Вон, рукоятка меча торчит, а там, если присмотреться, топорщице. Не иначе, к бою готовятся.

Но все-таки, можно и одному сходить, авось, не съедят. Если что, так он и сам не лыком шит. И на товары любопытственно посмотреть.

Товары мурманов были разложены на кусках старого холста. Не иначе, это куски парусов? И что здесь интересного? Так вроде, ничего эдакого. Вон – железные поковки – наконечники для стрел связками, наконечники копий.

– Почём? – кивнул парень на наконечник копья.

Продавец – рослый мужик в вытертой кожаной куртке без железок, зато в настоящем железном шлеме, ответил, хоть и коряво, но вполне понятно:

– Один шкурка соболя.

Ну ни хрена себе! Шкурка соболя за какой-то там наконечник. Но Ярослав не успел сказать это вслух, как подбежали биармины, притащившие целый ворох шкурок и быстренько обменявшие их на наконечники. Видимо, у ребят из леса свои представления о ценности.

А Ярослав пошел дальше. Кроме нужных в лесу вещей – наконечников, ножей, рыболовных крючков, мурманы зачем-то торговали еще и сельскохозяйственными инструментами. Вон – не иначе, связка серпов. А там коса-горбуша. Куда это биарминам? Хлеб они не выращивают, сено не косят.

Еще мурманы привезли на торжище ткани. Не то лен, не то что-то еще, поглубже. Уж не из крапивы ли? Вроде бы, ее тоже можно использовать для изготовления материи.

А вот сами лесные люди предлагали приезжим собственные товары – шкурки разных зверушек, а еще чьи-то клыки, а вон тут, словно стожок, нечто похожее на бивни слона, только подлиннее. Это не от мамонта ли бивни?

Неужели в этой реальности мамонты еще не вымерли? Или биармины их где-то откопали?

– Товар присматриваешь? – обратился вдруг к Ярославу высоченный блондин с глубоким рубленным шрамом на щеке. – Хочешь девке своей колечко подарить? Или бусики?

Блондин говорил на родном для Ярослава и жителей Бранского княжества языке очень чисто. Странно. Может, этот из своих, что переметнулись на сторону мурманов? Во все времена такие бывали. А товар у него был интересный – янтарные перстеньки и бусы. А их, похоже, у него разбирают. Вон, уже половины товаров нет. Все правильно. Юные биармины хотят сделать подарок своим девушкам. Тем, что еще заплетают волосы в две косы.

Купить, что ли и ему что-то янтарное? Только, кому подарить? Женщине-рыси или лесной колдунье?

Мысленно усмехнувшись, Ярослав спросил:

– А что за товар возьмешь? Денег у меня нет, шкурок тоже.

– Меч твой возьму, – не моргнув глазом ответил блондин. – Меч у тебя неплох, если его закалить, то совсем хорош станет. А я тебе за меч три колечка дам, а хочешь – так и бусы. Дикари за такие бусы десять шкурок лисицы дают или пять волчьих, а если белка – так и все сто.

Ну, белка, положим, в этих местах не слишком в цене, а если точно сказать – так кому вообще белка нужна? Беличьи шкурки ценятся очень низко из-за их большого количества. А вот лисица уже интереснее. Ярослав удивился другому – как это морской бродяга смог оценить меч, если он в ножнах и торчит только рукоять? Но спрашивать об этом у мурмана не стал. Лучше пусть ему Татень ответит, а то и Клест.

– Это у тебя шутка такая? – нахмурился парень, внутренне подготовившись к скандалу.

– Не хочешь меч отдавать – не отдавай, – равнодушно отозвался морской бродяга. – Но ты спросил, а я и ответил.

Пожалуй, мурман не собирался его обидеть. Как говорят – каков вопрос, таков и ответ. Кстати, а если показать иноземцу нечто другое?

Ярослав полез в сумочку, которая в последнее время заменила ему карманы и вытащил из нее единственное, что осталось после его перемещения – швейцарский нож. Тот, хваленый, с несколькими лезвиями и многофункциональный. Не то, чтобы он собирался его менять, но любопытно же, как оценят.

– Вот, думаю что дашь за такой ножик? – спросил Ярослав, достав-таки нож.

– И что это за нож-то такой? – удивился иноземец.

– Ну вот, смотри. – С этими словами Соколов принялся раскрывать лезвия, демонстрируя их слегка удивленному мурману. – Видишь, вот тут ножичек, а тут пилка, которой можно ветку перепилить. Вот шильце...

Про отвертку и штопор Ярослав пояснять вообще не стал. Шурупов тут нет, а штопором тоже открывать нечего. Если только у врага, во время допроса, в ухе поковырять... А что делать консервным ножом или открывалкой для пива – тут вообще неясно.

– И вот еще посмотри, – продемонстрировал парень ножницы. – Вот ими можно и ткань резать, и ногти стричь. А сбоку еще и пилочка для ногтей.

– Глупость какая-то! – пренебрежительно фыркнул мурман. Презрительно ткнув указательным пальцем в швейцарское чудо, пожал плечами. – Таким ножом даже лягушку не убьешь. А ногти к чему стричь? Их же сгрызть можно.

Ярослав только головой покачал, закрывая лезвия и убирая нож в сумку. Мысленно он говорил – Ишь, ножик не понравился. Такое достижение цивилизации, а этот дикарь не оценил. Но с другой стороны, за всё время пребывания в княжестве, Ярослав и сам этим ножиком почти не пользовался, разве что ногти подстригал и пилил.

Соколов уже собрался уходить с торжища – все, что хотел, он увидел, как раздался шум, топот и многоголосица. А это, оказывается, сам воевода клест пожаловал. Рядом с будущим князем стояло пять человек, с руками, положенными на рукояти мечей, а остальные, с луками и колчанами за спиной, стояли шагах в двадцати.

Ярослав быстрым шагом занял свое место рядом с Татенем. Замечания от воеводы он не получил, верно, Татень слово замолвил, но лучше уж со всеми вместе, и не выделяться.

Клест, в сопровождении теперь уже пятерых мечников прошелся вдоль импровизированных торговых рядов. Посмотрел на железоскобяные изделия и тоже, вроде бы, удивился, узрев серпы и косы. Но вслух своего удивления не выразил, а громко спросил:

– А кто ваш ярл?

Мурманы запереглядывались загалдели на своём языке, однако почти тут же от них отделился высокий седовласый воин. Стоило ему поднять руку, как окружающие послушно умолкли. Дисциплина, однако, на высоте, чтобы там не говорили о вольнице.

Седовласый, посмотрев на Клеста, сказал:

– Я здешний ярл, владелец драккара, по имени Ульрик и по прозвищу Носогрыз.

Ярл говорил грозно, но его имя едва не заставило Ярослава рассмеяться, да и всех прочих бранских дружинников тоже, судя по выражениям лиц. Но все-таки, удержались.

– А ведь встречались мы с тобой ярл, по прозвищу Носогрыз, – отозвался Клест. – Я правда, в те годы, совсем мальцом был, да и ты тогда ярлом еще не был.

– И мне твое лицо знакомо, – сообщил ярл. – Вот только, оно постарше было и было оно лицом твоего отца. Здоров ли твой батюшка? Не мучит ли его рана, полученная при встрече? Скажу, что моя рана меня иной раз мучит.

– Батюшка мой уже не первый год гостит у Перуна, – ответил Клест.

Ярл Ульрик Носогрыз был невозмутим. Услышав про Перуна, медленно погладил белую бороду и сказал:

– Все мы там будем. Мы у Одина на пиру, в Вальхалле, а вы в своем ирии, у Перуна. Храбрые воины не должны задерживаться на земле, но и торопиться не след. Вот, нынче с добром пришел в эти земли, торг веду. Покупай, воевода, сын Клеста – вон, железо есть – хоть на охоту, хоть в бой, и украшения всякие.

На предложение Клест только покачал головой и сказал:

– Взял бы я у тебя сырое железо. Сам знаешь, что с железом у нас худо, а умельцы, которые мечи куют, да прочее, имеются.

– Умельцев у вас в достатке, сам знаю, – с уважением кивнул ярл. – Вот только железа нет. На драккаре оно, но до него идти нужно, сам понимаешь. Хочешь – сходим, к завтрашнему дню обернемся.

– Так ни к чему ходить, ноги бить, – отмахнулся Клест. – Я вас вскорости в стольном граде жду, на торгу. Река Брана крюк делает, драккар есть где поставить.

– Ты нас в Бранск зовешь, ровно князь? Или ты сам за князя? – заинтересовался Ульрик Носогрыз.

– Считай, что так, – неопределённо ответил Клест. – А здесь чем успели поторговать?

– Так все тем же, – пожал плечами седобородый ярл. – Железом, тканями да украшениями. Взяли у твоих людишек рыбий зуб, да меха, да бивни прежних слонов, которые эту землю топтали, когда еще предки твоих и моих предков сюда не пришли.

– Ну вот и ладно, – улыбнулся белозубой улыбкой клест. – Авось, все не расторговал, раз на драккаре у тебя сырое железо есть. Привози его в Бранск, там тебе хорошую цену дадут.

С этими словами воевода повернулся, словно бы собиравшись уйти с торга, но потом, словно бы вспомнив что-то, опять обернулся к ярлу.

– Забыл ведь, о важном деле. Коли ты торговать на мои земли пришел, то за это надо платить. Так что, ярл, не забудь про выплату пошлины. Много я с тебя не возьму, десятина – в самый раз будет.

Глава 23. Таможня даёт добро

После заявления, высказанного Клёстом, над торговым повисла гнетущая тишина.

У ярла Ульрика Носогрыза тут же вздулись желваки. Воины мурманов принялись сжимать и разжимать кулаки, стреляя глазами из стороны в сторону, но и за оружие хвататься не спешили. Да и наши тоже напряглись, готовые в любой момент обнажить клинки и начать бой.

Один Клёст обезоруживающе улыбался, при этом в упор глядя на ярла. Будто они вели дружескую беседу, а князь ожидает ответ на какой-то заданный вопрос. Вот только Ярлу было не до улыбок.

Ярослав внимательно посмотрел на Ульрика, что же тот сделает? Тот и вовсе посерел лицом, насупил брови, буравя взглядом Клёста, но пока молчал, видимо, соображая. Глаза его то и дело стреляли по сторонам – это он, похоже, воинов Клёста пересчитывать пытается и понять, на чьей же стороне численный перевес. Хотя тут и так понятно, что у Клёста сил гораздо больше.

Клёст, видимо, тоже понял, о чём размышляет ярл.

– Ты не волнуйся, – ещё раз улыбнулся будущий князь. – Мы здесь не все.

Ярл ещё сильнее побледнел при этих словах.

– Пути к отступлению нам отрезал? – сощурившись, спросил он. – Как разбойников принимаете на своей земле? Такое теперь у вас гостеприимство?

– А сам, как думаешь? – невозмутимо спросил Клёст. – Я, как хозяин этих земель, должен думать не только о себе и о своих людях, но и о гостях.

Ярослав даже немного удивился. А Клёст-то не так прост. И с Врабием показал себя далеко не глупым. Сам, может, коварства и хитрости не проявлял, но и не обольщался от того, что такой вероломства не будет со стороны противника. И здесь, может, и схитрил немного, ведь какие-то люди действительно ожидают нас там, у дороги. Хотя ярл и понял всё по-своему, а и Клёст его переубеждать не спешил.

– Нехорошо получается, – наконец недовольно произнёс ярл, а потом поднял глаза на князя. – И сколько ты пошлины хочешь? – спросил он и стиснул зубы.

– Много я с тебя не возьму, – беззаботно махнул рукой Клёст. – Даже десятину высчитывать не стану. Сколько ты здесь пробыл и сколько товаров здесь купил – один Перун ведает. Мы ведь не с самого начала пришли, а только когда о вас узнали. Так что возьму то, что мне самому пригодится. Например, вот серпами и косами пошлину возьму с тебя. Это нам понадобится. Биарминам эти товары ни к чему. Траву они не косят, хлеб не жнут. А нам вполне себе нужны. Ну и тебе, ярл, к чему лишнюю тяжесть таскать туда-сюда.

При этих словах Клёст улыбнулся ещё шире. А ярл призадумался. Он явно не был глупым человеком. Ярослав и сам подметил, что воины Клёста как бы ненароком уже заняли боевые позиции. В руках у многих из них уже было оружие. А кто-то и вовсе сжимал в руках луки, и держал наготове стрелы. Одна лишь команда Клёста, плюс три минутки, и все мурманы превратятся в ёжиков. Да ещё и пресловутое подкрепление, которого, по сути, нет, но которое очень давит сейчас на нервы ярла. Дешевле заплатить пошлину, утешив себя, что избавляются от лишней тяжести. А Клёст в свою очередь тоже не лыком шит – не только поставил условия, но и дал ярлу возможность хоть как-то сохранить лицо и отступить достойно. Действительно, зачем тащить обратно лишнюю тяжесть. Ему вон бивни обратно переть, а тут ещё куча металла.

Ярл тем временем изображал глубокую работу мысли.

– А вы не надорвётесь, лишнее по болотам тащить?

– Как-нибудь справимся, – поблагодарил за беспокойство Клёст.

– Но ведь у воинов руки будут заняты. Глядишь, на вас лесные разбойники нападут, а вы пока с мыслями соберётесь, так вас и порубают.

– Не переживай. Чтобы товар отнести, мы помощников наймём, – ласково пояснил Клёт, будто объясняя ребёнку какую-то науку. – А что касемо разбойников, так уже, почитай, все на суках висят давно. И то это те, кого звери доест не успели.

Ярл снова задумался. Затем помялся, пошлёпал губами, после чего высказал что-то на своём языке, явно матерное, потом махнул рукой. Снова смерил Клёста взглядом, затем окинул глазами своих воинов. И тут же принялся отдавать указания, видимо, чтобы собрали откупную для Клёста.

Выражение лица новоявленного князя стало ещё более довольным, хотя, казалось бы, куда ещё больше. Он явно одержал победу, причём без оружия. И стоит признать, очень уж он неплохо и ловко развёл ярла, который явно многое о себе возомнил. А тут наш Клёт показал ему, кто на этих землях хозяин и под чьим правилам следует действовать.

Сам же ярл, если не совсем дурак, как-нибудь выкрутится из ситуации и не потеряет лицо перед своими воинами. Расскажет, например, как ловко обвёл вокруг пальца Клёста, сбавив тому ненужный тяжёлый товар, а взамен получил право, например, и дальше торговать на этих землях.

Ярослав призадумался. И в принципе, действительно, неплохая задумка. Честная торговля иной раз бывает куда выгоднее, чем грабёж. Опять же, рисков никаких. Ну а пытаться грабить вооружённых людей, или находящихся под защитой биарминов, будет себе дороже. Тут ещё не только наворовать нужно умудриться, так ещё и в живых остаться и суметь уйти.

Наконец мурманы собрали здоровенные тюки, в которых были набиты различные металлические изделия. А воины Клёста тут же подхватили десятину и потащили в свой лагерь.

Отходили в лагерь всем скопом, никого на торжище не оставляли.

С Ярославом тут же поравнялся Татень:

– Сегодня ночью надо будет в оба глаза глядеть, – вполголоса произнёс старый воин.

– Думаешь, нападут? Вроде бы договор-то нормально прошёл, обиженных нет.

Татень с улыбкой мотнул головой.

– Мурманы – они сейчас мирные, слушают вон своего ярла. А что ночью будет, кто их знает? Какие у них мысли возникнут, когда бражки своей выпьют, да пойдут хвалиться, как бы они бранчан резали. А там глядишь, и до дела дойдёт. Так что лучше не расслабляться.

Ярослав огляделся. Взгляды бродяг, устремлённые в их спины, действительно были жёсткими и оценивающими. То и дело косились на воинов и их вооружение. Но у страха глаза велики.

Нет, Ярослав не будет расслабляться, но слишком много очевидных плюсов у мурманов, чтобы испортить всё дело из оголтелой удачи. Опять же, воинов у ярла значительно меньше, примерно на треть. Да и вряд ли они забудут про подкрепление, о котором им рассказал Клёт.

Поэтому Ярослав на слова старого воина покивал и поблагодарил за то, что тот предупредил. Да и вообще, старый воин, несмотря на резкий взлёт своей карьеры, продолжал пекся об Ярославе, и за это следовало быть благодарным.

А Татень тем временем продолжал:

– Теперь до самого конца торжища сидеть здесь придётся, – посетовал он. – Если мы сейчас уйдём, не факт, что не вернутся к своим старым планам, – продолжил Татень.

– А сколько длится это торжище?

– Да сколько угодно. Но сейчас, когда вся наша дружина здесь, мурманам тоже не к месту рассиживаться. Своё они отторговали. Может, конечно, ещё что-то наторгуют. А вот грабить уже точно не станут, по крайней мере, не при нас. Хулиганить им теперь ни к чему. Им выгоднее ночь переждать, а завтра в другое место пойти. Здесь-то они уже всё выбрали, наверное. По крайней мере, вон свой товар почти весь распродали.

– А куда они могут пойти? – спросил Ярослав, который не так хорошо знал местные земли.

– Если они в другую деревню Клёста пойдут или в другое поселение лесных биарминов, что поблизости живут, так Клёст и узнает, что это они там шороху навели. Да я сам думаю, что, если сегодня спокойно пройдёт, они уже вряд ли станут хулиганить. По крайней мере, этот Носогрыз теперь своим именем отвечает. Даже если набеги будут, к которым этот ярл непричастен, всё равно все шишки на него посыпятся, и вопросы ему будут задавать. Так что он, наверное, своих товарищей тоже попридержит. И тут наш князь Клёст действительно хорошую службу бранчанам сослужил. По крайней мере, ярл понимает, что если он себе и позволит лишнего, то в Бранск на торжище ему лучше уже не соваться. А прийти торговать в Бранск куда выгоднее, чем лесной народ грабить.

К вечеру торжище действительно оказалось почти пустым. Лесные люди извели все свои запасы мехов. Да и мурманы уже свои товары собрали.

Спустя какое-то время ярл Ульрик Носогрыз приблизился к нашему лагерю и позвал Клёста. Клёст практически тут же вышел навстречу ярлу.

Ярослав и большая часть его дружины встала за спинами своего сюзерена.

– Мы решили обратно двинуться, – без вступлений произнёс ярл. – Мы здесь уже отторговали, нас всё устраивает, да и договорённость с тобой по душе мне пришлась. Так что идём. И в Бранск тоже наведаемся. Ты передай своим, чтобы нас пропустили.

Клёст кивнул, хотя было видно, что он напрягся. Он же ведь про засаду придумал.

А ярл, тем временем, не уходит, ждёт от Клёста каких-то действий, чтобы подтвердить его слова. Клёст явно не рассматривал такого развития событий и не продумал этот момент. Как же он покажет, что действительно отзывает засаду, при этом не разоблачив отсутствие каких-либо людей в том направлении? И как бы теперь не ударить перед мурманами в грязь лицом?

– Князь, дозволяешь подать сигнал дружине? – тут же выступил вперёд Ярослав.

Клёсту на принятие решения понадобилось меньше секунды. По крайней мере, в Ярославле он не сомневался, что тот что-нибудь этакое да придумает.

– Дозволяю, – кивнул Клёст, мастерски делая уверенное лицо, будто именно я этими сигналами в дружине и заведую.

Я тут же повернулся к одному из воинов, у которого в руках до этого приметил лук, и протянул руку:

– Давай сюда лук и стрелу давай, – скомандовал я.

Воин, покосившись на Клёста, спорить не стал. Сначала вручил мне лук, а потом вытянул длинную стрелу из колчана. Я под внимательными взглядами Клёста, дружинников и ярла, оторвал от своей рубахи небольшую полоску ткани и ловко обернул вокруг стрелы. Затем подошёл к ближайшему костру, и подождав, когда обмотка загорится, с важным видом устремил лук вверх и растянул тетиву. Мысленно досчитав до трёх и, надеясь, что стрела вылетит нормально, а не так, как это бывало порой на стрельбище, когда он учился стрельбе из лука. Затем с громким треньканьем отпустил тетиву, и стрела взмыла вверх, оставляя за собой огненный шлейф.

Наблюдая за полётом снаряда, Ярослав надеялся, что не устроит пожар этаким иллюминацией. Клёст, тоже проследив за полётом стрелы, повернулся к ярлу и невозмутимо произнёс:

– Сделано! Проход свободен!

– Таможня даёт добро, – хохотнув, громко произнёс Ярослав.

Ульрик поморщился, но, развернувшись на пятках, размахисто зашагал в направлении своего лагеря. Затем вдруг задержался и, повернувшись, спросил:

– Что это за таможня такая? – спросил он напоследок.

По скользнувшему по себе взгляду Клёста Ярослав понял, что не одного мурмана заботит ответ на этот вопрос.

– Это заклинание такое! – без запинки ответил Ярослав. – Проход открывает для друзей и недругов. Специально для таких случаев придумано.

– Понятно, – кивнул ярл. – А ты колдун, что ли?

– Ученик колдуна, – ответил Ярослав.

– Понятно, – ещё больше нахмурился ярл и зашагал обратно к своему лагерю.

Вот, кажись, дело и сделано.

Глава 24. Праздник богини вод

Мурманы ушли, сгибаясь под тяжестью и собственного добра и приобретенного барахла. Ярослав подумал, что морским торговцам следовало бы придумать какие-нибудь волокуши, вроде тех, на которых он с друзьями волок раненого Вторака, а еще бы лучше сделать не одну ходку к кораблю, а две, а то и три, но эти, которые «пенители вод», считали иначе. Пыхтели, но тащили. Что ж, вольному воля.

Проводив взглядами последние спины, браничи обернулись к биарминам, которые уже давненько поджидали, пока их защитники освободятся.

– Благодарим тебя, наш воевода и будущий князь, – поклонился Клесту в пояс невысокий пожилой биармин, с жиденькой бородой.

Клест, прижав к сердцу правую руку, поклонился пожилому, как равному и ответил:

– Так не за что, старейшина Илли.

Но старейшина был не согласен со своим покровителем. Погладив свою редкую бороденку, он строго сказал:

– Мурманы могли бы напасть на детей Иомалы, забрать их меха, а ты, вместе со своими воинами пришел к нам, и не позволил.

– Мы сделали только то, что должны были сделать, – ответил воевода, еще раз возвращая поклон старейшине.

Стоявший рядом со старейшиной молодой шаман, сказал:

– Клест, сегодня у нас большой праздник. Сегодня мы будем праздновать удачное завершение торжища. Мы станем плясать в честь нашей богини вокруг костра. А сейчас мы отнесем богине Иомале наши дары. Мы не можем пойти к Иомале всем селением, к ней ходят лишь избранные. К богине пойду я со старейшиной, но в знак особого расположения, богиня разрешила мне взять с собой тебя и одного из твоих воинов. Вот, хоть его.

К радости Ярослава, Рахи показал на него. Ему ужасно хотелось посмотреть – а что это за деревянная статуя богини, которую все принимают за золотую? Вот только, не станут ли завидовать старшие и более заслуженные воины?

– Пойдешь к богине вместе со мной? – поинтересовался Клест. – Если не хочешь или устал, так и скажи.

– Конечно пойду, – горячо высказал свое желание Ярослав.

Ярослав украдкой покосился на Татеня, перевел взгляд на десятников, но зависти в их глазах не увидел. Скорее – облегчение, что не их потащат в лес бить ноги.

Ратники остались в походном лагере, разбрелись вокруг костров, а Ярослав с Клестом, в сопровождении старейшины и шамана, пошли к богине.

Уже по дороге в голову парня пришла здравая мысль. Вообще-то, можно бы было и отказаться, а он бы прекрасно обошелся без лицезрения статуи этой богини. А вдруг придется тащиться в какие-нибудь непролазные чащобы? А если дорога займет весь вечер и ночь? Но отступать было уже поздно.

К счастью, идти было недалеко. До леса тут рукой подать, а потом, по узкой тропе, еще с полчаса.

Ярослав считал, что они выйдут к какому-то храму. Но перед его взором распростерлась поляна, не очень-то и большая. В центре поляны, за высоким частоколом из заостренных бревен высилась деревянная статуя женщины.

На первый взгляд деревянная работа не слишком искусная, даже и грубоватая. Этой статуе, вытесанной из ствола какого-то мощного дерева, было далеко до мраморных изваяний греческих мастеров, изображающих разных богинь. Но в богине вод Иомале, сработанной руками неизвестного биармина, было что-то завораживающее. Иомала смотрела так, словно бы видела

каждого пришедшего насквозь, а на ее губах застыла таинственная улыбка. Но не снисходительная, не ироническая, как это положено у богинь, а такая... Ярослав было сложно сказать – что за улыбка? Он бы сказал, что она была понимающая и всепрощающая. Именно так улыбается любящая мать, которая смотрит за непутевым, но любимым ребенком.

Вперед выступил старейшина поселения. Подняв вверх руки, Илли воскликнул:

– Богиня вод! Мы, твои дети, пришли сказать тебе спасибо! Прими наше скромное подношение.

В ответ на слова старейшины раздался скрип. Ворота в частоколе отворились и к людям вышел высокий старик, в белой одежде. Старик и сам был весь белым – и борода, и длинные волосы.

– Богиня рада, что торжище закончилось благополучно, – негромко сказал старик. – Мать биарминов Иомала позволяет своим детям отдать ей свои подношения.

Теперь, когда створки ворот были распахнуты, Ярослав сумел рассмотреть, что перед деревянной статуей стоит что-то похожее на каменное корыто, заполненное подношениями. Чего здесь только не было! Золотые и серебряные кольца, янтарные бусы. Кажется, тут были еще какие-то монеты. А вон те стекляшки, скорее всего, не стекляшки вовсе, а драгоценные камни! Ну да, откуда стекляшкам взяться, если стекло тут еще не изобрели. Точно, алмазы. Жаль, не рассмотреть как следует, далеко. А еще любопытно бы было поглазеть на монеты и поддержать их в руках.

Ярослав отвел взгляд от сокровищ, лежавших у ног богини и рассмотрел, что на ее шее имеется шрам. Такое чувство, что кто-то когда-то ударил по статуе топором, да так, что она была отделена от туловища. Но как ее обратно умудрились поставить? Приклеили, что ли?

– Ты смотришь на след от мурманского топора, юный колдун из чужого мира? – спросил старик, словно бы прочитав его мысли.

– Я не колдун, – возмутился Ярослав. С чего этот новоявленный Гэндальф его колдуном обзывает?

– Ярик – ратник из моей дружины, – заступился за парня воевода.

– Пусть ратник, – не стал спорить старик. – Но ратник со временем может стать могущественным колдуном...

– Хранитель капища, нам не дано знать, кем он будет, – усмехнулся Клест.

– Ты прав, князь, – согласился старик, а Ярослав, вместо того, чтобы задуматься – а как старик узнал о его силе?, почему-то констатировал, что старик – хранитель какого-то капища. А шрам на шее статуи оставлен топором викингов, то есть, мурманов по-здешнему. Видимо, морские бродяги как-то раз ограбили саму богиню.

Кажется, хранитель и на самом деле умел читать мысли, потому что он тут же сказал:

– Да, ратник, ты прав. Сто лет назад Иомалу ограбили. Когда-то богиню украшали драгоценные бусы. Чтобы их снять, Вигдаль срубил ей голову. Но добыча не пошла впрок. Тот, кто посягает на драгоценности Иомалы и пытается ее оскорбить, погибает. Корабль Вигдаля вместе со всеми гребцами ушел на морское дно, а все сокровища вернулись обратно. Видишь те бусы?

На краю «корыта» и на самом деле висело драгоценное украшение. Только, Ярослав назвал бы его не бусами, а ожерельем. Хотя, бусы и ожерелье, вроде бы, одно и то же? Впрочем, в типах украшений пусть женщины гадают да ювелиры. Он сам никогда не носил ни перстней, ни даже цепочек.

Но похоже, старик устал от посетителей. Посмотрев на биарминов, он кивнул на «корыто»:

– Отдайте подношения Иомале.

Илли и Рахи вошли внутрь ограды и принялись складывать у ног богини подношения – два кольца с янтарем и янтарные же бусы. Видимо, они обменяли украшения у мурманов и теперь поспешили принести их в жертву богине.

Старейшина поселения Илли, аккуратно уложив дары, сказал:

– Мать Иомала, богиня вод! Я прошу тебя – пусть мой народ, дети твои биармины живут без горя. И пусть наши леса будут полны дичи, а реки наполнены рыбой!

Поклонившись своей богине до земли, оба биармина повернулись и вышли. Старик, кивнув на прощание гостям, уже принялся закрывать ворота, как Клест спросил:

– Хранитель, можно я тоже сделаю подношение? – Хранитель замешкался, а воевода торопливо сказал. – Я не стану входить внутрь... Вот, возьми для богини вод от нас.

Воевода вытащил из поясной сумки монету и протянул старику. А тот, не моргнув глазом, кивнул:

– Богине вод будет приятно, что ей приносят дары не только ее дети, но и племянники – дети Перуна.

Ярославу тоже вдруг захотелось сделать подношение чужой богине. Может, попросить ее, чтобы она переместила его в его собственный мир? Вот, только у него ничего нет, чтобы можно было подарить Иомале. Разве что, его швейцарский нож? Но это не великое сокровище. К тому же – не стоит вводить в ступор археологов будущих времен. Отыщут они его нож и станут гадать – откуда взялся? Наверняка решат, что инопланетяне подсунули.

Уже от опушки леса донеслись звуки бубна и громкие возгласы, словно бы пели какую-то песню. Жаль, что слов не разобрать. Кажется, биармины не стали дожидаться возвращения своего начальства – ни старейшины, ни шамана, а уже пустились в пляску под аккомпанемент своей же песни.

Так оно и есть. Когда подошли поближе, Ярослав рассмотрел, что около поселения, на площадке, утопанной до твердости камня, прямо посередине горит огромный костер, а вокруг пламени выплывают биармины. Нет, здесь были одни только биарминки. А если учесть, что у каждой заплетено одной по косе, колышающейся в такт движениям, это были замужние женщины. Вокруг костра плясали и совсем молодые, вроде той, что вместе с шаманом вела отряд браничей через болото, так и зрелые и, даже вполне пожилые.

Женщины покачивались, притопывали, передвигаясь по кругу и пели. Что они пели, Ярослав не знал – язык биарминов не знаком, но судя по тому, что упоминается имя богини вод, исполнялась песня или гимн в честь Иомалы. А с другой-то стороны – если празднество посвящено здешней богине, то вполне логично, что ее имя и звучит.

Вокруг, на приличном расстоянии, стояли и глазели на танцующих женщин мужчины – как их сородичи, так и дружинники Клеста. Эти только притопывали и хлопали в ладоши, помогая музыканту. Не было видно ни девушек, у которых две косы, ни девочек. У последних, как успел узнать Ярослав, волосы вообще не заплетают в косы.

– Первый танец, который танцуются во имя богини вод Иомалы, принадлежит женщинам, – пояснил Рахи. – И тем, кто уже родил продолжение рода Иомалы, и тем, кому еще предстоит дать жизнь будущим биарминам.

– А им тут не жарко? – озабоченно поинтересовался Ярослав, которому показалось, что биарминки выплывают совсем близко к костру. Того гляди, огонь перекинется на одежду пласуней.

– Это добрый огонь, – улыбнулся шаман. – Костер Иомалы не распускает язык и не грызет человеческое тело. Этот костер только помогает сохранить силы для долгой пляски.

Чем добрый огонь отличается от злого, Ярослав не очень-то и понял. Огонь – это огонь и есть. Вспомнился пожар в Бранске, когда он и его товарищи спаслись только чудом, а потом пожар в деревне... Нет уж, лучше держаться подальше от огня. Может, он биармов и не грызет, а вот его вполне может укусить. А тело ему еще пригодится, оно у него одно-единственное.

Ярослав, постарался встать подальше от костра, чтобы его случайно не опалил этот «добрый» огонь и, глядя на остальных мужчин, тоже принялся притопывать и прихлопывать.

К своему удивлению, минут через пять он уже понял, о чем поется в гимне. Биармины пели о том, что когда-то по всей земле стоял только густой туман, но из этого тумана появилась богиня Иомала, сумевшая отделить от тумана сначала землю, а потом реки и озера. Она же создала из ключев тумана деревья и кусты, животных и птиц, а еще рыб. А потом, создав жизнь, Иомала вскрыла себе вену и смешала свою кровь с туманом, а из этой смеси появились люди. И отныне все люди считаются детьми Иомалы, потому что в каждом из них течет кровь богини, а еще – немножечко того тумана, который был на заре времен.

Легенда биарминов о происхождении человека очень понравилась Ярославу. Он такого еще никогда не слышал. Подумать только – в его венах течет кровь богини и вода, образовавшаяся из древнего тумана. Что-то в этом есть... Все-таки, человек на три четверти состоит из жидкости. Значит. Это богиня посодействовала.

Хотя, это же не о его предках, а о предках биарминов. Он-то помнил библейскую историю о происхождении человека.

Задумавшись, Ярослав пропустил тот момент, когда женщин, танцевавших вокруг костра, сменили девушки. Эти двигались не в пример быстрее, да и музыкант, бывший в бубен (кстати, а как он называется правильно? Бубнист? Или тоже можно именовать барабанщиком?) ускорил темп. Тоже правильно. Девушки гораздо шустрее женщин, поэтому они должны танцевать быстрее.

– Пойдем! – услышал Ярослав девичий голос.

Перед ним стояла юная красавица – лет семнадцати-восемнадцати, с двумя русыми косами, одетая в просторную хламиду, под которой скрывалось крепкое и статное тело.

– Пойдем, – еще раз повторила девушка, хватая его за руку маленькой ладошкой и увлекая за собой в круг танцовщиц.

Плясать вокруг костра не хотелось, но деваться некуда и Ярослав покорился. Да и что там скрывать – девчонка ему понравилась.

Так вот, держа девушку за руку, парень, как умел, принялся притопывать, а потом, повинаясь воле своей партнерши, еще и подпрыгивать. Наверное, получалось неуклюже и неумело, зато от души.

И хотя они плясали рядом с костром, но огонь и на самом деле не обжигал. Кажется, он лишь подбадривал танцоров. А еще дым, который разъедает глаза, был сегодня каким-то иным. Каким именно, Ярослав так и не понял, но он, подпрыгивая и подплясывая рядом с девушкой, словно бы опьянел. Так они и кружились. Казалось прошло уже много часов. Танец всё ускорял темп, но Ярослав совершенно не устал, а напротив, будто наполнялся силами. Он даже и не заметил, как подруга, крепко ухватив его за руку, повела куда-то в сторону. Звуки праздника удалялись, а девушка всё вела его за собой. Они оказались лесу, где могучие ели смыкались кронами, образуя огромный шатер.

Не говоря ни слова, девушка прижалась к нему всем телом, обвила шею своими тонкими руками и крепко поцеловала в губы. Ее хламида, словно бы сама собой поползла вниз, обнажая плечи.

А Ярослав, заглянув в ее глаза, утонул в них, а может – растворился, словно бы и сам стал частью того тумана, из которого богиня создавала людей.

Глава 25. Хорошие знамения

Проснулся Ярослав с рассветом от громкого щебетания птиц и солнца, что робко заглядывало ему в лицо. Он понял, что на его губах сияла счастливая улыбка, возможно, впервые за долгое время нахождения здесь.

Он разлепил глаза и потянулся, затем огляделся вокруг, намереваясь приобнять ту красавицу, что вчера увела его за собой, но рядом никого не оказалось. Он принял положение сидя и принялся мотать головой из стороны в сторону, но рядом было пусто. Только небольшая еловая рощица, под ветвями которой они вчера и разместились.

Благостное состояние тут же покинуло Ярослава. Да уж, недолго его счастье длилось. Он поднялся, привёл одежду в порядок, прислушался, где ручеёк, и направился туда, чтобы умыться и пригладить волосы. Ещё раз оглядел поляну – может, девушка куда-то укатилась, но нет. Тяжело вздохнув, направился в том направлении, где должен был находиться их лагерь.

Вначале он захотел зайти в деревню и попробовать отыскать ту девушку, но передумал, ведь непонятно, как это воспримут её сородичи. Не знал он, какие порядки у биарминов. Вдруг теперь придётся жениться?

Вот высказал эту мысль, а потом призадумался, – а такая возможность не вызвала у него таких уж опасений, что странно. Неужто вчерашняя девушка настолько хороша, что он даже о свадьбе готов думать?

Однако, прежде чем соваться в деревню, следует хотя бы посоветоваться с Татенем. Во-первых, жениться он пока не планировал, хоть девчонка и была, что называется, писаной красавицей, будто из сказки. Хотя, возможно, это с ним воображение играет. Кто знает, чем он вчера надышался и что ему померещилось.

Пришёл к лагерю, куда уже стягивались и другие дружинники. И, судя по их помятым лицам, похоже, не он один ночевал сегодня в лесу. На душе от этого стало как-то полегче. И, пересёкшись с кем-то взглядом, он даже снова заулыбался. Однако мысли о девушке его не отпускали. И чем больше думал он о прошедшей ночи, тем всё больше допускал возможность – а почему бы не связать свою жизнь с ней? Почему бы и нет? Он ничем не связан, далеко от дома, и неясно, когда вернётся. Правда, не совсем понятно, что он будет делать здесь, в этой общине лесных людей. Ведь ни охотиться, ни рыбачить он не умеет. Да и отпустит ли Клётс?

Хотя, учитывая, что другие дружинники, которые также возвращались из леса, зыряка по сторонам, о том точно не задумывались. Да и, зная о таком риске, Клётс бы их не отпустил. Может, и пройдёт эта ситуация стороной. Хоть девушка из головы и не выходит.

Почесав затылок и смачно зевнув, Ярослав направился в ожидающий лагерь. Чуть погодя к ним пришла целая процессия со свёртками и мешками со стороны поселения биарминов. Ярослава тут же кольнула мысль: «Вот, похоже, и пришли требовать жениться».

Но среди визитёров в основном были мужчины и взрослые женщины. Либо молодые девушки, но с одной косой, что означало, что они замужние. Может, напротив, пришли не требовать жениться, а отстаивать честь красавиц? Сейчас вон возьмутся за оружие.

Однако на лицах пришедших блуждали радостные улыбки. Клётс вышел к ним навстречу.

– Спасибо вам, что скрасили наш праздник, – тут же воскликнул Рахи, поклонившись в пояс. – Примите дары и яства в дорогу. Пусть ваш путь будет лёгок, а будущее правление нового князя принесёт нашим землям покой и радость.

Клётс тоже раскланялся, благодаря лесных людей, которые, судя по всему, были чем-то очень довольны. Ярослав же, поуспокоившись, всё выглядывал ту ночную красавицу, но она явно не пришла. И вот как ему понять себя? С одной стороны, жениться не хочется, а с другой – вот не пришла она, и какое-то возмущение внутри берёт.

«Может, таки пойти отыскать её? Забыла про меня, что ли» – подумал он.

Ярослав вдруг понял, что даже не спросил, как её зовут. И как её теперь искать?

Тем временем воины уже были в процессе сборов. Лагерь стремительно сворачивался, а Рахи выделил десятерых биарминов, чтобы те сопровождали будущего князя в обратный путь и помогли дотащить его подарки, а также десятину через болото.

Видимо, Рахи вчера хорошо слушал разговор ярла и Клёста и решил не дожидаться просьбы будущего князя, а выделить им людей заранее, чтобы те без каких-либо приключений добрались до лагеря с дружинниками, что стерегли коней и другие пожитки.

Тем временем воины окончательно собрались и готовы были уже выдвигаться, а Ярослава окончательно покинуло благостно настроение.

«Нет, ну пойти что ли действительно её разыскать? Ну это же не дело. Во-первых, самому неудобно, да и чего это она? Совсем что ли Ярославом недовольна?» – эти и другие мысли вертелись в голове Ярослава. Он понимал всю глупость своих рассуждений, но поделать с этим ничего не мог. Всё-таки местная жизнь любовными похождениями его не баловала, а тут вдруг вот так повезло и сразу куда-то пропало.

Тем временем воины, погоняемые Татенем и Клёстом, вереницей направились в сторону основной дороги. Ярослав, под бодрые выкрики быстро забыв о своих намерениях, направился следом за процессией.

В середине шествия примостились десять биарминов – довольно крепкие мужчины, что тащили на своих плечах тяжёлые тюки, мешки и свёртки.

Понимая, что ведёт себя глупо, Ярослав никак не мог остановиться оглядываться по сторонам, высматривая ту красавицу. Неужто действительно не появится?

Местные жители высыпали их провожать, но ни одна в сторону Ярослава даже и не глядела. Он предполагал, что, быть может, из-за вчерашнего дурмана ему могло привидеться совсем иное лицо, и он попросту из-за этого не может узнать девушку. Но ни одна из женщин, что вышли провожать их, в его сторону даже не поглядела. В итоге, плюнув, он попытался выбросить эти мысли из головы, хотя оглядываться не перестал.

С Соколовым поравнялся Татень.

– Ну что, погулял вчера? – хохотнул старый воин с широкой улыбкой, затем поддел Ярослава локтем.

Соколов грозно глянул на старика, но, увидев, как тот, покусывая травинку и довольно крутит ус, немного успокоился.

– Чего башкой-то крутишь? – невозмутимо тем временем продолжил расспрос старый воин. – Ищешь кого-то? Али так просто на девок посматриваешь?

– Да девушку ищу, – отчего-то засмутившись, признался Ярослав.

– Да ты не ищи. Она, если не здесь живёт, то уже к своему дому во всю шагает. А дом у неё, скорее всего, далеко. Вёрст пятьдесят или сто, а может и двести. Они же ведь сюда со всего края собираются на праздник к образу богини.

Тут у Ярослава совсем всё в голове смешалось.

– Домой идёт? А что она ночевать не осталась? Да и зачем она тогда...

Что именно «тогда» Ярослав не договорил, погрузившись в свои мысли.

– Что зачем? – хохотнул Татень. – Глупый ты парень. Ведь биармины, их же совсем почти уже не осталось. Мало их. А когда родственники между собой шуры-муры крутят, нередко дети слабые рождаются, а то и вовсе мёртвые. Вот они улучшают свою кровь, так сказать, чтобы крепкие детишки родились. А так, глядишь, от тебя богатырь родится. И той девушке радость, и деревне её какая помощь. Да и сразу её замуж возьмут такую умницу, да красавицу.

Ярослав совсем растерялся.

– Как-то вообще не логично, – пробормотал он.

«В нашем времени всё точно наоборот. Стоит девушке родить, как от неё все прежние женихи бегают. А здесь, видимо, совсем другие порядки. Хотя, кажется, слышал о народах, где, наоборот, большое количество детей было как самое лучшее приданое».

Так он и прошагал весь путь до дороги, чавкая постолами в болотной жиже. Но в целом, отчего ему жаловаться? У него есть о чём заботиться. И точно уж не стоит забивать себе голову местной девушкой, какой бы красавицей она ни была.

Наконец, болото стало мельчать, а потом и вовсе превратилось в плотную землю. Ярослав почувствовал такое облегчение, что на лице снова расплылась улыбка. Болото высосало из него все силы.

Вскоре и заросли поредели, и они увидели, что вышли совсем недалеко от своего оставленного лагеря.

При виде выходящих из леса дружинников, оставленные воины, что караулили здесь лошадей и иное имущество, тут же радостно загалдели. Кони, почувствовав появление хозяев, тоже заржали и радостно забили копытами.

Ярослав посетовал, что у него нет с собой кусочка сахара. Он слышал, кони такое лакомство любят. А ему очень захотелось как-то порадовать своего мерина Мирного. Всё-таки повезло ему с верным конём.

Его снова нагнал Татень. Видимо, до этого решил его не трогать, видя хмурое выражение лица. А тут, заметив улыбку, решил снова поболтать со своим подопечным.

– Всё-таки хороший это знак, что мы биарминов встретили, – произнёс он. – Благоволит Клёсту удача.

– Почему это? – удивлённо спросил Ярослав, совершенно не понимая, причём тут везение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.